

БРИТАНСКИЙ

— СКАНДАЛЬНЫЙ ФАВОРИТ

КАЧОК

Перевод группы "BOOKHOURS"

САРА НЕЙ

ЛЕГКО РИСКНУТЬ, КОГДА ДУМАЕШЬ, ЧТО ЭТО БЕЗОБИДНО.

Эшли Драйден-Джонс — лучший игрок в регби на поле, и когда я принимала вызов, о котором сразу же пожалела, я не могла знать, что он джентльмен. Спортсмен. Британец, не планирующий оставаться в Штатах.

Этот парень заставляет меня забыть — синяки, щетина, акцент и все такое.

И заставляет забыть, что я не могу забраться к нему ночью в постель или выпить и отбросить осторожность хоть раз в моей чрезмерно осторожной жизни.

Потому что Эшли мой новый сосед по комнате.

ОДНО ГЛУПОЕ ПАРИ ПРИВОДИТ К ОДНОЙ НЕЗАБЫВАЕМОЙ НОЧИ.

Когда я выиграю поездку в Вегас, мне нужен «плюс один». Эшли — рослый, сильный и ответственный выбор. Кроме того, я никогда нигде не была, а он много путешествовал.

Он самый лучший друг, а я и не подозревала, что мне это нужно.

Эшли — один из хороших парней, но я собираюсь выяснить, насколько плохим может быть этот пай-мальчик.

Сара Ней

Британский качок

Серия: «Скандальные фавориты» #4

(разные герои)

Переводчик: Светлана П.

Редактор: Лилия С.

Вычитка: Екатерина Л.

Обложка: Мария В.

Переведено для группы: vk.com/bookhours t.me/bookhours_world

Джорджия

Быть новенькой всегда непросто — даже когда тебе двадцать один год, и ты учишься в колледже на последнем курсе. Оставалось всего несколько месяцев до получения степени, но все это идет прахом, когда университет сокращает финансирование вашего вида спорта.

И, следовательно, вашу стипендию.

Итак, я сделала то, что сделала бы любая уважающая себя молодая женщина: собрала чемоданы и переехала с Юга на Средний Запад, и все это для того, чтобы поступить в университет, который мог предложить — и предложил — мне финансовую помощь, чтобы я могла получить степень.

Немного.

Но все равно — каждая мелочь помогает, верно?

Вот почему я стою перед дерьмово выглядящим, полуразрушенным домом братства в пятницу вечером, с сомнением глядя на входную дверь.

— Еще раз, почему я это делаю?

— Это часть посвящения, — говорит мне один из членов команды по легкой атлетике.

О.

Верно.

Я приподнимаю одну бровь.

— Ты имеешь в виду, что у вас здесь дедовщина?

— Тсс. — Кто-то из них заставляет меня замолчать, шипя, пока мы стоим на тротуаре, а они подготавливают меня.

— Нельзя произносить это слово вслух! — объясняет с шипением Вероника, которую все называют Ронни.

— Почему? Потому, что это плохая примета или потому, что это правда?

Дедовщина в университетских городках противоречит общенациональному студенческому кодексу поведения среди женских клубов, братств и, несомненно, спортивных организаций.

— Это просто весело. Мы хотим, чтобы ты познакомилась с людьми, так как ты здесь новенькая. А где это сделать лучше всего? Конечно же, на вечеринке.

Если бы это было так — если бы они действительно хотели познакомить меня с людьми, — есть миллион лучших способов сделать это. Они позволили бы мне зайти внутрь и пообщаться, как нормальному человеку, вместо того чтобы устраивать детские шалости, подобные той, в которой они хотят, чтобы я участвовала сегодня вечером. Мне уже стыдно, а я еще даже не переступила порог.

— Супер. Так что, типа, я иду внутрь, чтобы как бы встретиться с приветственным комитетом?

Ясно, что они не ценят ни мой сарказм, ни мое чувство юмора, ни мою пародию на легкомысленную девушку из Долины¹¹. Вместо того чтобы посмеяться над моими комментариями, Ронни скрещивает руки на груди и фыркает.

— Никто не заставляет тебя делать это. Можешь идти домой. — Ее длинная худая загорелая рука вытянута, указывая на улицу позади нас. — Мы вызовем охрану кампуса, и

они смогут сопроводить тебя, чтобы ты не была одна.

Ну и дела. Вот вам и командный дух товарищества, и «своих не бросаем».

Мы все знаем, что я должна это сделать. Они знают, что я получаю стипендию и не могу рисковать своим местом в команде, особенно в такой команде, как эта. Не на последнем этапе, не тогда, когда остался всего один семестр. Я не знаю, за какие ниточки дергал мой отец, чтобы устроить меня сюда, но если потеряю этот шанс получить оплату за свое образование....

Мне потребуется по крайней мере еще пара лет, чтобы закончить учебу.

Тогда мне придется бросить большинство своих занятий и работать полный рабочий день, чтобы заплатить за те немногие занятия, которые смогу себе позволить. И которые мне пришлось бы посещать по вечерам.

— Я просто не понимаю, почему мы на вечеринке братства. Ты сказала, что это будет на Джок-Роу^[2]. Не в Греческом ряду.

Поднимаю взгляд на фасад дома, ища глазами греческие буквы, но не нахожу их. Ничего, кроме старого, потрепанного сайдинга, который нужно покрасить, и покосившихся ставен по бокам передних окон.

Все девушки смеются.

— Это не дом братства, тупица, это дом регби.

Дом регби? Это что-то новенькое.

— Это Джок-Роу, а не Греческий ряд, — вмешивается Челси Ньюбауэр, стоящая в задней части группы, волосы по-техасски высоко подняты, блестящие тени для век ловят свет от тусклой лампы на крыльце.

— И нам нужно, чтобы ты зашла внутрь и нашла... — Ронни колеблется, собираясь повторить правила игры, в которую они со мной играют. — Самого уродливого парня, которого сможешь найти, и пригласила его на свидание.

Почему?

Зачем?

Все это просто... какая-то... хрень.

Так подло.

— Может, не надо? — Я уже слышала этот план раньше, но услышать его снова также неприятно, что впадаю в панику. Мой тон говорит сам за себя — я в ужасе.

— Ты переживешь. — Тамлин закатывает глаза. — Мы все проходили через это, и ты тоже сможешь.

Да, но...

...но.

Зачем?

Это так подло, не говоря уже о том, что неэтично, и мне просто хочется свернуться калачиком и умереть. Или блевать. Или спрятаться.

Так грубо.

Так неловко.

Так все неправильно в колледжах в наши дни.

Вот как мои сверстники получают алкогольные отравления. Вот как они попадают в больницы. Вот почему они делают то, чего не должны делать.

Давление со стороны сверстников.

И вот я стою здесь, черт возьми, обсуждая свои варианты.

Я думала, что у меня более жесткий хребет, что меня нельзя прогнуть, что я лидер.

Моим родителям было бы чертовски стыдно, что я опускаюсь до такого уровня, чтобы сохранить лицо и вписаться в новый коллектив.

«Ты никому физически не причинишь вреда, Джорджия».

Мальчик будет жить. Он уйдет невредимым, возможно, за вычетом небольшого ущерба его самолюбию.

Надеюсь.

Кроме того, они сказали мне, что он — кем бы тот ни был — даже не узнает, что я задумала.

Тем не менее, я предпринимаю последнюю отчаянную попытку увильнуть от этой задачи.

— А нельзя придумать что-нибудь еще? Могу спеть в кафетерии, если хотите. Станцую степ во дворе. Если в кампусе есть какая-нибудь площадка, я могла бы...

— Спеть в кафетерии? — издевается кто-то. — «Гаммы» делают это во время недели посвящения в сестринство.

— И никто не попал в неприятности?

Ронни притопывает ногой, от нетерпения стуча подошвой по тротуару.

— Прежде всего, чем дольше мы будем стоять здесь, обсуждая это, тем больше времени потребуется, когда мы окажемся внутри. Если хочешь растянуть это так, чтобы на это ушла вечность, это твоя проблема, а не моя. Во-вторых, это не конец света. — Она указывает на дом кроваво-красным ногтем. — Марш внутрь и найди парня, пригласи его на свидание и приведи к нам его жалкую задницу, чтобы мы могли убедиться, что ты выполнила свою миссию. После этого можешь бежать домой, забраться в постель и забыть обо всем, что происходило.

Моя миссия.

Ха!

— Парню даже необязательно знать, что ты задумала.

Но я буду знать, что я задумала, и они тоже будут знать.

У меня внутри все сжимается.

Видите ли, дело в том, что я не обязана этого делать.

Я знаю это.

Рассуждая логически и реалистично, знаю, что могу прямо сейчас уйти и отправиться домой — это было бы правильно.

Со мной ничего не случится, разве что...

...эти девушки не примут меня как одну из них.

Будут обращаться со мной, как с неудачницей, до конца моего пребывания здесь.

И хотя мне не нужно быть с ними лучшими друзьями (давайте посмотрим правде в глаза, кому нужны такие друзья), это, безусловно, облегчит мою жизнь.

Дерьмо.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

— Мы не можем стоять здесь всю ночь. У меня начинают болеть ноги. — Тамлин указывает на свои ноги в туфлях на каблуках высотой должно быть сантиметров десять. Как она ходит в них, выше моего понимания. — Только не говори мне, что я просто так надела эти туфли.

Тамлин тоже с юга, но у нее более сильный акцент, чем у меня.

— Хорошо.

— Помни, — говорит прыгунья с трамплина по имени Кларисса, — он должен быть уродливым. Типа, ты бы не захотела трахаться с ним.

Уродливый.

— Не могли бы вы, пожалуйста, не употреблять это слово? — Мою чистую совесть передергивает. — Я здесь не для того, чтобы трахаться с кем-либо, не говоря уже о парне из этого дома. Я здесь из-за ученой степени. — И у меня почти получилось.

— Да, да, да, вперед, мисс Всезнайка. — Ронни подталкивает меня к дому. — Бла-бла-бла, учеба, учеба. Мы поняли.

Наслушавшись вдоволь, я направляюсь к двери, длинными ногами бегуна через барьеры легко ступаю по брусчатке, сердито топаю вверх по ветхим ступенькам.

Как будто я недостаточно нервничала, одна из досок прогнила и нуждается в замене, из-за чего оступаюсь и чуть не падаю вперед.

Входная дверь распаивается прежде, чем я успеваю взяться за ручку, шум и яркий свет ослепляют меня.

Позади меня десять членов университетской женской команды по легкой атлетике прижимаются к моей спине, на их лицах приклеены улыбки, с их губ слетают жеманные приветствия.

— Так, так, так, смотрите-ка, кто это, — говорит высокий парень, пропуская нас внутрь. — Ронни Бейкер, самая быстрая девушка в городе. Целую вечность тебя не видел. — Он наклоняется, чтобы поцеловать ее в щеку.

— О, Нейт, самая быстрая девушка в городе? Ты такой милый. — Она протягивает руку, чтобы погладить его заросший щетиной подбородок. — Где бочонок? Задняя веранда или кухня?

Парень указывает гигантской рукой.

— Задняя веранда.

Она посылает ему воздушный поцелуй.

— В эти выходные у нас комендантский час, так что мы ненадолго. Тренировки начинаются в понедельник.

— Но сейчас ты здесь. — Он шевелит бровями и обнимает ее за талию. — Позволь мне попросить одного из новичков принести вам что-нибудь выпить.

Нейт поднимает палец вверх и два задумчивых увальня направляются в нашу сторону; он быстро дает им указания принести десять порций их лучшего дешевого разливного пива.

Я оцениваю их.

Оба высокие.

Оба средние.

Один улыбается, другой хмурится.

Девочки смотрят, как я наблюдаю за парнями, широко ухмыляясь.

Качаю головой. Нет. Ни один из них не подойдет, потому что, если их приодеть, то они оба будут сносно красивы.

К несчастью для меня, я должна стоять здесь, неловко осматривая комнату, как идиотка, бросая взгляды то туда, то сюда, избегая зрительного контакта с несколькими чуваками, пытающимися встретиться со мной взглядом.

Не сегодня, братан. Не сегодня.

Не он.

Не он.

Не тот парень.

Не этот.

Не парень за импровизированным баром, раздающий шоты нескольким девушкам.

И уж точно не свежевывбритый первокурсник в розовой рубашке поло, стоящий в углу — слишком симпатичный.

Каждый из этих парней кажется слишком самоуверенным.

Слишком большим, слишком дерзким.

Слишком в форме, чтобы быть непривлекательным.

Не буду врать, одна из вещей, которая меня привлекает — это парень, который заботится о своем теле так же, как я забочусь о своем; ему необязательно нужно быть идеальным, но если не будет есть всякую дрянь при каждом приеме пищи и заниматься спортом...

Я называю это победой.

Зачем они привели меня в дом, полный спортсменов? Это будет полный провал! Эти парни все привлекательны...

Подождите-ка.

Кто это?

Гигантский парень-гора только что вошел в гостиную через боковой дверной проем, пластиковая пивная кружка застыла на полпути к его губам.

Он улыбается чему-то, что говорит другой парень, и я замечаю щель в его передних зубах.

Я прищуриваюсь: это щель, или у него реально не хватает зубов?

На его щеке заметен синяк, а на нижней губе — порез. Чем ближе он подходит, тем больше засохшей крови я вижу на его лице — как будто он не потрудился как следует умыться.

Лохматые волосы, которые не мешало бы подстричь.

Мятая рубашка, как будто парень вылез из постели, чтобы присоединиться к вечеринке.

Конечно, это само по себе не делает человека уродливым — это не так. Не совсем. Но сочетание вещей — шишки, шрамы, волосы, одежда — безусловно, делает его подходящим кандидатом для моей задачи.

Возможно, завтра при утреннем свете он побреется и наденет чистую одежду.

Но сегодня вечером парень выглядит не очень привлекательно.

Десять из десяти, что не стала бы с ним трахаться.

— Сейчас вернусь, — говорю я Ронни тихонько, делая шаг вперед к своей цели, стремясь положить конец собственным страданиям. Направляюсь в другой конец комнаты, чтобы вздохнуть спокойно — товарищи по команде за моей спиной не утешительная сила. Они душат и дышат мне в затылок, как стайка контролирующих склочниц, жаждущих посмотреть, как я потерплю фиаско.

Я не позволю этому случиться.

С большей уверенностью, чем чувствую, я делаю быстрый круг по комнате, давая своим товарищам по команде шоу, которого они, очевидно, хотят. Быстрый взгляд через плечо говорит мне, что только некоторые из них обращают на меня внимание — Ронни, Тамлин и Кларисса не сводят с меня глаз.

Фу.

Моя цель не обращает на меня внимания, что очевидно, поскольку парень понятия не имеет о моем существовании или о том, что я нахожусь в той же комнате и наблюдаю за ним.

Я замечаю, что несколько других пар глаз тоже наблюдают за ним, и бросаю на него еще один быстрый взгляд.

Он высокий — один из самых высоких парней в комнате.

Большой.

Широкий.

Я уже говорила это?

Мускулистый, но не адепт бодибилдинга.

Но, черт возьми, эта рубашка на нем...

Ему явно наплевать.

Я отбрасываю волосы — они у меня распущены, так что спадают прямо на спину, хотя темные пряди обычно собраны в небрежный пучок на макушке. Мои волосы также обычно представляют собой катастрофу после сушки на воздухе. Взлохмаченные. Спутанные.

Я сама далеко не супермодель, но грех жаловаться, хотя прошла целая вечность с тех пор, как я была на первом свидании.

«Тебе необязательно встречаться с этим парнем». Голос Ронни эхом отдается в моей голове. *«Цель в том, чтобы пригласить его на свидание и привести к нам, чтобы мы знали, что ты сделала то, что нужно».*

Хорошо. Верно.

Я не обязана встречаться с этим парнем.

Он выглядит как мужчина, в некотором роде — более зрелый, чем все остальные. Как это возможно, когда мы все примерно одного возраста?

Я чувствую себя преследователем, выслеживающим свою добычу, мой второй круг по комнате почти завершен.

«Ты такая мерзкая, Джорджия!»

Боже милостивый, что бы сказала об этом мама?

Она была бы чертовски зла.

Невысокая бойкая девушка говорит что-то, что заставляет парня рассмеяться; он откидывает голову назад и хохочет, кадык подпрыгивает, щетина покрывает всю его шею.

Ему явно нужно побриться.

Бороды на самом деле не моя тема, но опять же, меня воспитывал отец, который ежедневно надевал рубашку на пуговицах и галстук в офис. Первое, что папа делает каждое утро, когда просыпается — идет в ванную бриться.

Ни усов, ни бороды, ни малейшей щетинки.

Я наклоняю голову, собирая больше деталей, прежде чем понимаю, что не зря трачу время; он самый непривлекательный парень в этой комнате, если судить по парням вокруг.

Не то чтобы он выглядел таким уж ужасным. Это просто...

У меня есть одна задача — одна цель. Одна миссия.

Он подойдет.

Он — то, что мне нужно, чтобы вернуться домой в постель и получить расположение моей команды.

Трудно собраться с духом; это очень похоже на участие в национальном чемпионате. Ожидание выстрела стартового пистолета в начале гонки.

Потные ладони.

Бьющееся сердце.

Я ни в коем случае не низкорослая, но парень возвышается надо мной, когда я, наконец, подхожу достаточно близко, чтобы дотронуться до него. Дважды похлопываю его по руке, пока рядом никого нет.

Последнее, чего мне хочется — это привлечь к себе внимание или чтобы меня кто-нибудь подслушал.

Я бы умерла.

Не понимая, почувствовал ли парень меня в первый раз, я похлопываю его снова, более твердо.

Он поворачивается.

Смотрит на меня, на мою ладонь, все еще лежащую на загорелой коже его руки.

Вопросительно приподнимает одну из кустистых бровей.

— Привет.

Привет? Это лучшее, что я могла придумать? Я здесь, чтобы очаровать парня и затащить его в свою группу друзей.

Нет, они не мои друзья.

Ни сейчас, ни, возможно, никогда — после сегодняшнего вечера.

«Еще не поздно уйти, Джорджия».

— Привет, — говорит он в ответ.

Это уже идет ужасно — я даже не могу вовлечь бедного парня в разговор, на мгновение задаваясь вопросом, о чем он и блондинка болтали раньше.

— Ну, я здесь новенькая и хотела спросить...

— Где это здесь?

У него акцент, который я не могу определить, или, может быть, это переполненный дом и музыка, гремящая на заднем плане, заставляют меня напрягаться при звуке его голоса.

— Здесь. Это мой первый семестр здесь. В этом колледже.

— Ясно. Тогда добро пожаловать.

У него зеленые глаза — мутно-зеленые, которые можно увидеть на старинной картине маслом, — и вблизи видно, что губа из-за пореза, очевидно, распухла. Синяк на его щеке — вся левая сторона лица — примерно четырех разных цветов. Фиолетовый, черный, желтый и коричневый.

Не мило.

Идеально!

— Так вот, я здесь новенькая и хотела спросить, не хочешь ли ты показать мне окрестности.

Парень моргает своими зелеными глазами.

— Сейчас? На улице темно.

Да, у него определенно есть акцент.

Черт, от что... британец?

Этого не может быть.

Что бы парень из Великобритании делал на Среднем Западе Америки?

— Нет, не сейчас. Позже. Может быть, на свидании?

— Свидание? — Парень оглядывается по сторонам. — Ты приглашаешь меня на свидание?

Я киваю.

— Да.

— Ты что, barmy? Это что, шутка?

— Во-первых, я понятия не имею, что значит barmy. Но нет, это не шутка.

Его голос звучит необычно — совсем не как британский кокни ^[3] Элизы Дулиттл ^[4]. Больше похоже на британский «чай с королевой».

— Barmy означает... — Он ищет нужное слово. — Сумасшедший.

— Ты назвал меня сумасшедшей? — выпаливаю я, ненавидя тот факт, что спрашиваю, когда парень явно не говорил, что я чокнутая, он спрашивал. Большая разница.

— Ты пригласила меня на свидание, значит, так и есть.

Ох, бедный парень! Неудивительно, что он назвал меня сумасшедшей; должно быть, ему интересно, почему я ни с того, ни с сего подхожу к нему и приглашаю на свидание, когда мы не обменялись более чем двумя фразами и самым дурацким приветствием, которое я могла придумать.

Привет.

ТЬфу!

— Я действительно пригласила тебя на свидание. — Я колеблюсь. С трудом могу поверить, что стою здесь и делаю это. — Так каков твой ответ?

— Где твои напарники? Они должны быть где-то здесь.

Мои напарники?

— Ты имеешь в виду моих друзей?

— Да. — Он смотрит на меня так, как будто я странная.

— Эм. — Я поднимаю голову и смотрю сквозь толпу. — Они у задней стены.

— Прокладывай дорогу. — Парень жестикулирует свободной рукой — в другой он держит пиво — чтобы я проталкивалась сквозь толпу к своим товарищам по команде.

Прокладывай дорогу? Это странный способ выразиться, вообще странная фраза, и почему он спросил, где мои друзья? Что за парень задает такой вопрос, когда ты приглашаешь его на свидание?

— Ты собираешься следовать за мной? — спрашиваю я, уточняя.

— Всю дорогу. — Его взгляд перемещается в конец комнаты, и я исполняю внутренний счастливый танец.

Это было слишком просто!

Уф!

Мне почти не пришлось тратить время на то, чтобы пресмыкаться или умолять!

Конечно, я вроде как симпатичная, но даже в этом случае думала, что потребуется больше милых разговоров, чтобы заставить этого здоровяка согласиться на мои бредни.

Как будто он мог видеть меня насквозь.

Хотя на самом деле он не соглашался...

Так ведь?

Разве он сказал «да»?

Черт, я не помню.

Он слишком рано сменил тему? Я ломаю голову во время короткой прогулки к Ронни и девочкам, и все они, кажется, неловко смотрят куда угодно, только не на меня.

На стену, в пол.

Тамлин стоит ко мне спиной, лицом к лестнице, поглядывая то в одну, то в другую

сторону. А Кларисса ускользает тайком? Выглядит так, будто она пригибается, но не могу быть уверена...

— Привет, Ронни. — У парня такой глубокий голос. — Думаешь, я идиот?

— Эш, мне очень, очень жаль. Мы, эм... Мы...

Эш? Это его имя?

Я начинаю заламывать руки — внезапно все идет не так, как надо, и я пытаюсь собрать воедино кусочки головоломки, которых мне явно не хватает.

Этот парень знает моих товарищей по команде, и все они, похоже, в ужасе от того, что я притащила его сюда.

Но разве не в этом суть?

Разве я не это должна была сделать?

— Думаешь, мы не знаем о твоих дурацких испытаниях для новичков? — Парень — Эш, как они его называют, — скрещивает руки на груди, мышцы напрягаются.

Его правый бицепс покрыт татуировками.

— Это не... мы здесь, просто чтобы веселиться! Юх-ху-у, — восклицает одна из девушек. — Мы просто хотим хорошо провести время, как и все остальные! — Ей приходится практически кричать из задней части группы; здесь так громко, и становится все громче.

— Придумайте что-то получше, дамы, потому что это полная хрень.

Эм.

Хорошо.

Черт, как мне...

...исправить это?

Чувствую ответственность, как будто все это было моих рук дело. Я та, кто подошла к нему и спросила, не хочет ли он пойти со мной на свидание, и если он знал о розыгрыше, то знает, что я пригласила его, потому что он некрасивый.

Где та дыра, в которую я хочу заползти?

— Эш, не злись. Нам так жаль, она новенькая. Она не знала.

— Ты считаешь меня уродливым, да? — Его вопрос адресован мне, и несколько секунд я колеблюсь, пытаюсь ответить.

Заикаюсь, как будто только учусь говорить.

— Н-нет! Нет! Я... я спешила и хотела поскорее это сделать, а тут появился ты и ты... нет. Нет, я так не думаю, я... мы...

Я говорю так, словно заискиваю. Так глупо.

Так незрело.

Это никак не помогает пригладить его взъерошенные перья.

Он сходит с ума, свирепо глядя на меня сверху вниз.

— Ты не приходишь в мой дом и не выставляешь меня болваном под моей собственной крышей.

Болваном?

Он звучит так по-британски — я хочу еще услышать, как он говорит.

— Это твоя крыша? — Я поворачиваю голову. — Вы все здесь живете? Здесь полный бардак.

Почему парни такие неряхи?

У всех глаза вылезают из орбит от моего дерзкого вопроса.

— Боже мой, Джорджия, нельзя просто спрашивать кого-то, живут ли они здесь. — Ронни отмахивается от меня, в ее голосе тридцать оттенков смущения, ее щеки пылают румянцем. — Нет, он здесь не живет. Он говорит риторически. — Ее взгляд снова встречается с его. — Нам очень жаль, Эш. Мы уйдем. Уже уходим. — Она хватается за запястье. — Пошли, Джорджи.

Меня вытаскивают из дома, спускают по ступенькам на лужайку, где мы собираемся на тротуаре.

— Что происходит? — выпаливаю я. — Я сделала именно то, что вы хотели. Почему вы все ведете себя так безумно?

— Потому что, Джорджия! Ты знаешь, кто это? У тебя есть какие-нибудь идеи? — Звучит так, будто она в чем-то меня обвиняет.

Закатываю глаза.

— Очевидно, что нет.

— Это Эшли. Драйден. Джонс.

Я молчу после ее высокопарного заявления.

— Я должна знать, кто это? — Затем: — Подожди... его фамилия пишется через дефис?

— Да, через дефис, — шипит она. — Ради бога, он британец. У них у всех так, если они богаты.

— Хорошо, но... почему ты злишься на меня? — Она выглядит более безумной, чем лиса в курятнике, что только еще больше сбивает меня с толку. — Ты сказала мне пойти и найти парня, который... который... — Я даже не могу произнести слово «уродливый».

— Уродливый.

— Я знаю, что мы тебе говорили, но ты не должна была выбирать его! — Она снова шипит, раздражаясь.

— Ронни, я не знаю, кто все эти люди. — Я использую свой самый успокаивающий голос. — Откуда, черт возьми, я должна была знать, что не стоит выбирать его — ты не дала мне посмотреть фотографии каких-либо парней, которые под запретом.

Я еще не начала свои занятия! Я бы не отличила Эшли Драйден-Джонса от дыры в стене класса химии.

— Это не эпизод «Холостяка», Джорджия — ты не получаешь стену с фотографиями для изучения! Тьфу! — Она вскидывает руки и уходит в противоположном направлении от того, откуда мы пришли, ее стайка последователей делает то, что они делают — следует за ней. — Это какой-то кошмар!

Это кажется немного драматичным, но весь этот вечер был таким с самого начала. И для протокола, в любом случае это была глупая идея — они практически взрослые женщины. Так что должны были знать, что подобный розыгрыш в конечном итоге приведет к неприятным последствиям.

Хорошая новость в том, что я не знаю этого парня и, вероятно, никогда больше его не увижу. Поэтому могу лежать в постели сегодня вечером, ненавидя себя за то, что поставила его в такое ужасное положение, но, по крайней мере, мне не придется смотреть ему в глаза, пока это делаю.

Фу, он выглядел шокированным и вроде как обиженным.

Я тащусь за своими товарищами по команде, замыкая тыл своими непрекращающимися вопросами.

— Может кто-нибудь, пожалуйста, объяснить, почему это так важно?

— Эш, типа, голубых кровей или что-то в этом роде.

Я не уверена, что понимаю ее. Они все действительно слишком остро реагируют на это.

— И какое это имеет отношение к чему-либо?

— Нас никогда не пригласят обратно в этот дом после сегодняшнего вечера, благодаря тебе! — Тамлин брызжет слюной, высокие каблуки яростно стучат по тротуару. Она спотыкается о трещину и чуть не падает. — Однажды, несколько лет назад, бейсбольный дом выгнал девушку за джокблокинг, и ее так и не пустили обратно внутрь.

Это звучит экстремально.

— Никогда?

— Ну... может быть, не никогда, но они забанили ее на несколько недель.

— За кокблочкинг^[5]?

— Мы же так и сказали, верно?

Нет, они сказали «джокблокинг», что скорее всего выдуманное слово для описания кого-то, кто мешает качкам заниматься сексом. Должно быть, «джокблок» — это термин, который используют в Джок-Роу.

Мне совсем не нравятся эти девушки. Ни одна из них — они ведут себя как подлые девчонки из женского общества, а не спортсменки 1-го дивизиона с кодексом поведения и отношением «Я в команде», которое нужно поддерживать.

Они совсем не похожи на молодых женщин из команды, в которой я провела лучшие три с половиной года своей жизни, и я скучаю по дому, находясь здесь сегодня вечером, стоя в тени деревьев, окаймляющих улицу.

Слушая, как они высмеивают меня.

Не говоря больше ни слова, я поворачиваюсь и направляюсь в противоположном направлении, шагая на длинных ногах, которые привели меня сюда.

Эшли

Эта симпатичная девушка думает, что я неприглядный.

Уродливый.

Я лежу в постели, после того как ушел с вечеринки сразу за группой девушек, едва вспомнив, что нужно захватить куртку с кухни, прежде чем улизнуть.

Мне пришлось ехать домой — мой дом находится на окраине кампуса, а не в нем — и я, возможно, в отличной форме, но у меня нет ни малейшего желания тащиться по темным улицам посреди ночи.

Заложив руки за голову, я смотрю в потолок, положив голову на белую наволочку с моими вышитыми инициалами.

Э Д Д

Эшли Артур Калум Драйден-Джонс.

Пятый.

Слава богу, мама опустила мои чертовы вторые имена для надписи на подушке; слишком причудливая хрень для студента универа в Америке, но это были единственные вещи, которые у меня были, когда я переехал, и не было никакого смысла менять хорошее постельное белье.

Мебель досталась мне вместе с домом, и я не мог взять с собой ничего, кроме нескольких чемоданов, когда поступил в здешний колледж, переезжая через весь земной шар в попытке найти некое подобие нормальной жизни.

Некое подобие нормальной жизни.

Ха.

Я посмеиваюсь про себя, зная, что парни из моей команды надрали бы мне задницу за то, что звучу как большой придурок. Ни у кого из них, похоже, нет никакого изящества, когда дело доходит до грамматики, и большую часть времени все они звучат как чертовы простаки.

Единственным признаком того, что у них вообще есть какой-то интеллект, является тот факт, что они были зачислены в этот университет.

«Ты считаешь меня уродливым, да?» Я тихо повторяю про себя слова, которые сказал той девушке, вспоминая выражение ее лица и заикание в ее голосе.

Она тоже не местная. Какой-то странный акцент изменил ее тон так же, как и мой, хотя ее голос был милым. Вот только я никак не могу его идентифицировать.

Я недостаточно долго прожил в Штатах.

Но она сказала «вы все», и думаю, что это типично для южан. Опять же, я могу ошибаться.

Темные волосы, голубые глаза.

Выше, чем большинство девушек, я оценил ее до того, как она пригласила меня на это чертово свидание, думаю, что в ней около ста семидесяти сантиметров.

Не уверен, сколько это в Америке, в футах и дюймах. Я дерьмово разбираюсь в конвертировании.

И ее голос...

Воздушный и сладкий.

«Это, блядь, не имеет значения, Джонс. Она считает тебя уродом».

Она пригласила меня на свидание, какой-то дурацкий ритуал, которым они прославились в нашем кругу. Видите ли, в этом особенность спортсменов — мы все тусуемся вместе. Питаемся в одном и том же кафетерии на территории кампуса, занимаемся в одном и том же тренажерном зале, пользуемся одними и теми же тренажерами.

У нас общие друзья.

Поэтому само собой разумеется, что я слышал об этих дурацких испытаниях, через которые проходят некоторые из новичков; в регби все также плохо, только я не настолько большой болван, чтобы в этом участвовать.

Даже команда по фрисби измывается над своими членами, а это даже не считается настоящим видом спорта. Эти идиоты заставляют друг друга пить пиво из фрисби. А вы знали, что оказывается можно налить три бутылки пива в одну из этих штук, прежде чем все прольется?

Женская команда по легкой атлетике? Они подначивают своих новичков, заставляя найти самого уродливого парня, которого только могут — обычно на вечеринке — и пригласить его на свидание.

На самом деле они никогда не идут на свидание, но любой ничего не подозревающий засранец, который верит в их приглашение, просто идиот, заслуживающий смущения.

Чертовы идиоты, все они.

Эта девушка — кем бы она ни была — может поцеловать мою гигантскую британскую задницу. И выражение ее лица говорило о том, что та, вероятно, так бы и сделала; она казалась такой униженной.

Я был тем, кого должны были унижить, но знаете что? Это так не работает, милая.

Нужно иметь стальные яйца, черт возьми, чтобы выкидывать такие фортели с Эшли Джонсом.

И все же.

Когда закрываю глаза, я вижу выражение ее широко раскрытых глаз. Ворочаюсь всю ночь, радуясь, что никогда больше не увижу это прекрасное идеальное лицо.

——— Вторник

Подношу бутылку с водой к губам и делаю глоток. Я чертовски голодный, потому что не успел позавтракать. Обычно я бросаю в сумку протеиновой батончик или два, но этим утром выбежал за дверь слишком быстро.

Ерзаю на стуле, когда желудок урчит.

Я едва помещаюсь за столом. Эта штукавина создана для таких людей, как... все остальные.

Людей нормального размера.

Кто-то ворчит, натываясь на меня в попытке пройти по проходу, который я загораживаю.

Не намеренно, просто так все устроено, когда в тебе сто восемьдесят семь сантиметров.

Ноги. Повсюду.

— Ох.

Услышав вздох, я поднимаю взгляд.

Это девушка с пятничного вечера.

Джорджия.

Она вздрагивает, увидев меня, останавливается как вкопанная. Мои колени прижаты к сиденью передо мной, загораживая ей проход и не давая спуститься по ряду сидений.

Для этого занятия мы находимся в лекционном зале, очень похожем на амфитеатр. Примерно двадцать рядов смотрят вниз на миниатюрную сцену, где стоит профессор, держа в одной руке лазерную указку, а в другой — очки. Она вытирает глаза и выглядит усталой. Должно быть, поздно легла спать перед первым днем учебного полугодия.

Семестр, как они это здесь называют.

Я все время забываю.

— Ты заблудилась? — спрашиваю я ее, слегка раздраженный тем, что она все еще стоит надо мной, уставившись, как олень, попавший в свет фар.

— Эм, нет? Это лекция по деловому общению, не так ли?

Да, но это продвинутый курс.

— Это занятие для старших курсов, а не для первокурсников. — Я не могу сдержать сарказм в своем голосе и задаюсь вопросом, в чем, черт возьми, моя проблема. — Тебя должны одобрить научный руководитель или другой профессор, чтобы зарегистрироваться на этот курс.

Я был в совершенно веселом настроении пять секунд назад, прежде чем она врезалась коленями в мои ноги.

— Я на последнем курсе.

— Тогда почему они устроили тебе испытание в пятницу вечером? — Они ведь обычно подначивают первокурсников, верно?

— Потому что я новенькая. Я... только что перевелась сюда. Это мой первый семестр здесь, но я выпускница.

В этом нет никакого смысла.

— Это странно. Это разве нормально? — Я никак не пойму, что творится здесь, в Штатах.

Никогда не пойму.

— Не совсем, нет. — Девушка переминается с ноги на ногу, сжимая в руках книги. — Только сумасшедший перевелся бы в свой выпускной год, но у меня не было выбора.

У меня на кончике языка вертится фраза «Всегда есть выбор», но я сдерживаюсь.

— Послушай, эм... Эш. Я просто хочу извиниться за вечер пятницы. Я... это было совсем не то, что ты подумал. Я подошла к тебе, не потому... не потому что ты...

Она не может этого сказать, и я не виню ее.

Уродливый — это ужасное слово.

— Все нормально. — На самом деле это далеко ненормально, но я позволяю ей сорваться с крючка, желая, чтобы она побыстрее ушла. — Тебе необязательно стоять здесь и болтать со мной.

— Ох. Верно. Эм... Ладно, извини. — Она оглядывается через плечо. — Я просто пойду посижу, эм... Где-нибудь в другом месте.

— Блестяще.

Она оглядывает меня еще несколько секунд, прежде чем уйти прочь, пробираясь вдоль ряда и плюхаясь на пять мест от меня, как раз в тот момент, когда профессор в передней части зала представляет себя — и свою ассистентку Келли — и включает экран, висящий на стене, как гигантский рекламный щит.

Я отказываюсь смотреть в проход, чтобы увидеть, смотрит ли Джорджия на меня.

Это бы показало мою заинтересованность, а я не позволю своему члену взять верх ради девушки с потрясающим лицом, но жестоким сердцем.

— ...каждый пятый человек будет в вашей группе, — говорит профессор, пока ее ассистент перебирает учебный план. — Начинайте отсчет с первого ряда, затем реорганизуйтесь в свои новые группы.

Я начинаю мысленно считать места, чтобы увидеть, кто будет в моей учебной группе, бросаю взгляд вниз по ряду и обнаруживаю, что девушка оглядывается на меня — она наклоняет голову, чтобы избежать моего взгляда.

Проклятье!

Последнее, чего я хочу, это застрять с ней в гребаной группе на целый семестр.

Она считает меня уродом.

Дело в том, что я знаю, что не чертов урод. Множество женщин подкатывает ко мне. Она была не первой — хотя это была шутка — и не будет последней. И не то что бы я был неискушенным. У меня было много секса.

И гарантирую вам, что ни один трах не был из жалости.

Дело в том, что я не страдаю от проблем с самооценкой, и меньше всего ожидал, что какая-нибудь глупая девчонка выделит меня на вечеринке, чтобы посмеяться надо мной.

— Как только вы окажетесь в своих группах, перейдите на четвертую страницу своей учебной программы и продолжайте оттуда. Сегодня будет просто разминка и знакомство, а в четверг мы начнем процесс обучения.

Я перелистываю брошюру на четвертую страницу и стону.

1. Представьтесь.

2. Приведите забавный факт.

3. Специальность, город, который вы называете домом, хобби.

Что, черт возьми, это такое — игра в песочнице? Я должен застрять в классе, где мы все время будем валять дурака? Когда мы приступим к реальной работе?

Ассистент преподавателя теперь указывает места по всему залу, где должны собраться новые группы: «единицы» идут сюда, «двойки» — туда, и так далее, пока все встают и собирают свои вещи, чтобы пройти по лекционному залу.

Я остаюсь на месте как вкопанный.

Если они хотят, чтобы я присоединился к их группе, то «пятерки» могут прийти ко мне.

Могу сказать, кто эти самые «пятерки», потому что четверо из них собрались в том месте, куда их поместил ассистент преподавателя, перешептываются и указывают в мою сторону; очевидно, они узнали меня, и очевидно, они спорят о том, как действовать дальше.

Джорджия тоже до сих пор не встала; для этого ей пришлось бы протиснуться мимо меня, чтобы спуститься, а она, похоже, полна решимости избегать меня.

Хорошо.

Пусть остается там в ловушке.

Внизу «пятерки», похоже, пришли к консенсусу и снова собирают свои вещи, по одному поднимаясь по ступенькам ко мне.

Девушка в начале колонны неохотно спрашивает:

— Ты «пятерка»?

— Ага.

Она бросает взгляд на девушку, Джорджию.

— И она?

Я киваю.

— Почти уверен.

Если у нее и есть вопросы, то она их не задает, вместо этого плюхается на сиденье рядом со мной, оставляя одно место между нами, остальные трое делают почти то же самое. Два парня подходят к ряду передо мной, садятся и поворачиваются ко мне лицом.

Джорджия встает и шаркает, волоча ноги.

Буквально.

Я слышу, как подошвы ее кроссовок скребут по твердому бетонному полу.

— Привет, ребята.

Сегодня ее волосы собраны в низкий хвост, в каждой мочке поблескивают большие золотые серьги-кольца.

Она милая, хотя и маленькая засранка.

Индийская девушка, сидящая ближе всех ко мне, перелистывает свой учебный план.

— Здесь сказано, что мы должны представиться друг другу. — У нее американский акцент. — Меня зовут Прия. Я специализируюсь на бизнесе с упором на связи с общественностью. Мой родной город — Чикаго, нет, я никогда не жила в Индии, да, я люблю мехенди и расписываю руки хной, да, я говорю на хинди.

Ну, ладно.

— Какие у тебя хобби? — спрашивает парень передо мной.

— Ходить по магазинам и читать. А еще я получаю лицензию пилота.

— Вау, это потрясающе, — бормочут, кажется, все, затаив дыхание.

Прия откидывает свои длинные, блестящие черные волосы.

— Мой отец — пилот, и я всегда хотела этим заниматься, поэтому в прошлом году начала посещать занятия. Неподалеку есть небольшой аэропорт. Я беру там уроки.

Более впечатленные охи и ахи.

— Итак про меня все. — Она бросает на меня многозначительный взгляд. — Какова твоя история, мистер Крутой парень?

Мистер Крутой парень. Ха.

— Меня зовут Эш, — начинаю я. — Эшли. Ну, давайте, смейтесь.

Людам обычно есть что сказать о моем имени, учитывая, что в Америке это в первую очередь женское имя, но в Британии это мужское имя, уходящее корнями в глубь веков.

Но никто в группе не смеется, поэтому я прочищаю горло и продолжаю.

— Я, очевидно, не отсюда.

На этот раз они смеются, и я отмечаю несколько фактов о себе, пересчитывая их по пальцам на ходу.

— Я играю в регби. Выпускник. Суррей, Англия. Рыба с картошкой фри.

— Ты забыл сообщить свою специальность, — напоминает мне Прия.

— Бизнес. Вероятно, я поступлю в аспирантуру, но не в Штатах, а дома. Посмотрим.

Удивление приподнимает брови у двоих из них.

Они ждут большего, но я молчу.

Все поворачиваются к Джорджии.

Она смущенно откашливается и краснеет.

— Привет, меня зовут Джорджия. Я из крошечного городка в Техасе, и это мой первый семестр здесь. Руководство колледжа сократили мою стипендию для легкой атлетики, так что... вот я здесь. Моя специальность — бизнес, как и у большинства из вас, и я бы хотела

сделать карьеру в сфере связей с общественностью. — Она делает паузу на несколько секунд, пока думает. — Я в команде по легкой атлетике, бегаю через барьеры. Я люблю выпечку и не могу функционировать без кофеина. Эм... Я люблю «Таргет»?

Девушки в группе хихикают.

— Вот и все. Я имею в виду, я могла бы говорить несколько дней, но остановлюсь, ха-ха.

Черт возьми, а она милая.

— Подожди, если ты перевелась из Техаса... ты живешь в общежитии или в доме за пределами кампуса?

Джорджия снова краснеет.

— В общежитии. Сборы две недели назад были всего лишь вторым разом, когда я была в кампусе, так что... — Она пожимает плечами.

— Это отстой, — объявляет Прия. — В каком общежитии?

— Лукас Холл. Кажется, оно в основном для старшекурсников? Я так думаю. Но не уверена, я ни на кого не обращаю внимания.

— Да, оно в основном для старших курсов, — уточняет другая девушка. — У меня есть друг, который жил там в прошлом году. Там не так уж ужасно.

Джорджия благодарно улыбается ей.

Все головы поворачиваются к парню прямо передо мной.

— Я Джамал. Третий курс. Бейсмен в бейсбольной команде. Специальность — экономика, я, вероятно, буду изучать договорное право.

Бейсбольная команда?

Так и знал, что где-то видел его.

Мы стучаемся кулаками.

— Я из Джексонвилла, штат Флорида. Люблю комиксы, спорт, посиделки у костра. — Джамал пожимает плечами, заканчивая свое представление. — Вот и все.

Переходим к следующему чуваку.

— Всем привет, я Брайан. Кантон, штат Огайо. Политология, только я уже дважды менял специальность, так что если в ближайшее время не получу диплом, то родители убьют меня.

Паршиво быть Брайаном.

Мои мама и папа взбесились бы — они не потерпели бы продления моего пребывания здесь, хотя были достаточно любезны, чтобы не скандалить со мной по поводу переезда из Великобритании в Америку. Во всяком случае, пока.

Я знаю, что, если бы мне потребовалось больше четырех лет, чтобы получить степень, им было бы что сказать по этому поводу, и это что-то было бы не совсем благопристойным.

Да, паршиво быть Брайаном.

Ему лучше поторопиться. Нет смысла медлить.

В чем причина задержки? Он пытается проучиться в колледже всю оставшуюся жизнь? Мне здесь нравится, но, черт возьми, я не останусь дольше, чем нужно.

— Меня зовут Налла, и я местная. Ну, вроде как местная — я выросла примерно в сорока пяти минутах езды отсюда. Раньше я жила в кампусе, но теперь езжу на работу после занятий. Я работаю на своих родителей. Они владеют типографией, занимаются в основном одеждой. Мне это не нравится, но неважно. — Налла ерзает на стуле. — Моя специальность — массовые коммуникации и маркетинг. Я люблю рисовать, художественные музеи и

графический дизайн.

Мы все оглядываемся друг на друга, закончив с заданием и представлением.

— Что теперь? — говорит Налла. — Мы просто будем сидеть здесь, или...

Джорджия хмурится.

— Думаю, профессор сказала, что, как только закончим, мы можем уйти, а затем мы вернемся к фактическому заданию в четверг? Мы должны прочитать страницу бла-бла-бла в программе.

Она только что сказала «бла-бла-бла» вместо реальных номеров страниц?

«Пятерки» поднимаются примерно в то же время, когда другие группы начинают заканчивать, прощаясь до четверга.

Только Джорджия и я остаемся стоять в нашем ряду.

— Ты... — Я слышу, как она прочищает горло. — Может, нам выпить кофе или еще чего-нибудь?

— Нет. — Поднимаю свой рюкзак с пола и засовываю туда свои бумаги.

— Пожалуйста? Позволь мне пригласить тебя на чашечку кофе. Или сэндвич? Все должны есть, верно?

Да, но не друг с другом.

— Перестань пытаться все исправить.

Я поворачиваюсь и ухожу, оставляя ее стоять и смотреть мне вслед.

Джорджия

Четверг

Я принесла ему кексы.

Готовила их с нуля, что было практически невозможно сделать, учитывая тот факт, что я живу в общежитии.

Мне пришлось просить об одолжении Тамлин, которая живет за пределами кампуса в неплохом доме с тремя другими девушками и с приличной плитой.

У нее также были формочки для маффинов, и это помогло.

Выпечка.

Это должно растопить ненависть Эшли Драйден-Джонса ко мне.

Эшли.

Старинное, романтическое имя для такого огромного парня-голиафа.

В каком-то смысле оно ему подходит — не то чтобы в нем было что-то романтическое. Тем не менее, это противоречие мне нравится.

Он не плохой, просто...

Не дружелюбен по отношению ко мне.

Эшли был совершенно мил — даже весел — с остальными «пятерками» в нашем бизнес-классе, но ко мне не испытывает любви.

Напряжение между нами можно было резать ножом.

Я чувствовала это каждый раз, когда он смотрел в мою сторону, вернее прямо сквозь меня.

Ай.

Это действительно было больно.

Я не хотела причинить ему такую боль; кто бы мог подумать, что такой большой парень, как он, может быть таким чувствительным? Что только доказывает: я абсолютно ничего не знаю о парнях.

Он почувствовал себя обиженным, как будто я хотела унижить его перед друзьями. И конечно, может быть, с его точки зрения все выглядело именно так, но ведь не умер бы, если бы просто выслушал меня!

Если Эшли будет игнорировать меня во время этого занятия — во время группового проекта — это сведет меня с ума.

«Так что ты собираешься с этим делать, Джорджия?»

Простит ли он меня когда-нибудь?

У меня есть целый семестр, чтобы попытаться заслужить его доверие, начиная с этих капкейков, хотя сейчас ранний час и, вероятно, не самое подходящее время для сладостей.

Они даже в милой маленькой коробочке, которую я раздобыла в центре переработки отходов общежития и завернула выпечку в симпатичную оберточную бумагу, прежде чем засунуть внутрь.

Прелестный маленький презент.

Сегодня я сделала прическу, используя утюжок, чтобы укротить свои локоны — даже

добавила тушь и блеск для губ. Больше косметики, чем было в пятницу вечером, не то чтобы он уделил мне хоть каплю внимания.

Наряжаться — это стратегия, которая, конечно, может иметь неприятные последствия для меня — последнее, чего я хочу, это выглядеть как «одна из тех девушек». Надменная, которая флиртует, дразнит и играет в игры.

Которая требует повышенного ухода и судит о людях по их внешности.

«Это именно то, что ты сделала, Джорджи».

Именно это.

«Перестань мне напоминать!» — говорю я сама себе.

Эшли Драйден-Джонс находится на том же месте, которое занимал во время последнего занятия: пятый ряд от задней части аудитории, четвертое место от прохода. Во вторник мне пришлось обойти его, чтобы добраться до своего места, но сегодня я устраиваюсь на втором сиденье.

Не слишком далеко и не слишком близко.

Достаточно близко, чтобы поговорить, если он изменит свое мнение обо мне.

Другие члены нашей группы входят один за другим, присоединяясь к нам, занимая места позади нас и впереди.

Два парня приветствуют меня и других девушек, и стучаются кулаками с Эшем.

Типично.

На сиденье передо мной Брайан поворачивается, его взгляд падает на коробку с кексами у меня на коленях.

— Ух ты. Это для нас?

Мне требуется вся моя выдержка, чтобы не оттолкнуть его цепкую руку от моей коробки, когда парень тянется к ней, не дожидаясь приглашения, жадные пальцы уже тянутся к кексу. Знаете те когти в игральном автомате, где вы вкладываете деньги и пытаетесь извлечь мягкую игрушку с помощью механической руки, которая падает с потолка?

Точно также.

— К сожалению, нет. — Я отдергиваю коробку назад, вне пределов его досягаемости.

Вся группа выжидающе смотрит на меня.

Налла облизывает губы.

— А для кого?

— Эм... — Я нервно оглядываюсь, взгляд случайно падает на Эша, прежде чем успеваю остановить его, тем самым выдавая себя.

Они все смотрят на него.

На того, кто игнорирует меня и делает вид, что меня не существует.

— Да, для кого они? — вторит Брайан.

— Я сделала их для друга.

— Какого друга?

«Боже мой, Брайан, какая тебе разница, для кого они?!»

Пока Брайан спорит, Джамал пересчитывает кексы и объявляет:

— Их шесть, и мы твои друзья. — И мне хочется биться головой о стол. — Они должно быть для нас.

Если бы поблизости был письменный стол, я бы ударила об него головой.

В мои намерения не входило делиться; моим намерением было передать их Эшу в

слабой попытке загладить свою вину, и теперь весь план пошел насмарку из-за этих любопытных одноклассников.

Фу!

Почему у меня ничего не получается так, как должно было быть? Почему все идет прахом с тех пор, как я переехала сюда?

Мои так называемые «друзья», которые оказались задирами и с которыми я застряла, пока не заведу новых.

Этот парень, который ненавидит меня до глубины души и даже не смотрит на меня.

Кексы остаются у меня на коленях, притягивая Брайана и Джамала, которые поставили перед собой задачу игнорировать профессора в передней части комнаты и пытаться стащить их с моих колен.

Если я поставлю их на стол, они точно исчезнут.

Но если они увидят, как я передаю их Эшу в конце урока, то подумают, что я... влюблена в него или что-то в этом роде, и приношу ему угощения, не желая делиться с ними.

Внизу, впереди, кто-то приглушает свет — вероятно, ассистент профессора — и проектор оживает, транслируя на небольшой экран впереди.

— Неэффективные способы общения, — говорит профессор Дрекслер, маркер скрипит все время, пока она пишет на доске рядом со своим проектором. На слайде показан список способов, которыми мы должны общаться, чтобы эффективно ориентироваться в бизнесе, но она хочет, чтобы мы перечислили способы, которыми общаться неэффективно. — Проработайте это в своих группах, а затем мы пройдемся по аудитории и посмотрим, сколько у нас совпадений и общих тем.

Свет снова включается, хотя, давайте будем честны, вероятно, с самого начала не было необходимости его приглушать.

— Мы плохо общаемся, потому что всегда разговариваем по телефонам, — начинает дискуссию Налла. — Мне это записать?

— Я назначаю Наллу делать заметки, — дразнит Джамал, подмигивая ей.

Она закатывает глаза, но открывает свой ноутбук и открывает новый документ, даже не вздохнув.

— А еще? — Она смотрит на нас сквозь линзы компьютерных очков, которые водрузила на нос.

— Отсутствие зрительного контакта, — выпаливаю я, бросая острый взгляд на Эша, задаваясь вопросом, уловил ли он связь.

— Отсутствие прямолинейности, — бойко говорит Прия, кивая. — Никто не говорит, что они имеют в виду — это не более чем догадки.

Она права.

— Соцсети делают из некоторых тупиц. — Это от Джамала, и он тоже прав. — Убери уже свой чертов телефон.

— Как насчет... недооценивания? — добавляет Прия.

— Точно. — Я киваю. — И переоценивание тоже. Это ужасно.

— Соглашаться с тем, с чем ты не согласен. Это плохая коммуникация? — Налла покусывает нижнюю губу.

— Думаю, да, потому что разве честно соглашаться с тем, с чем ты не согласен? Кроме того, если вы не можете высказать свое мнение, это подрыв доверия.

Рядом со мной Эшли Драйден-Джонс фыркает.

Громкое, неприятное фырканье.

Все смотрят на него.

— Чувак, что это было? — спрашивает его Брайан.

— Я нахожу ироничным, что она говорит о разрушении доверия, когда все время делает дерьмо, с которым не согласна.

Конечно, он говорит все это с жутким британским акцентом, от которого и Прия, и Налла немного тают. И, не буду врать, у меня внутри становится немного теплее.

Все головы поворачиваются ко мне.

Кексы все еще у меня на коленях, я открываю крышку и предлагаю их группе.

— Брайан, хочешь кекс?

Ноздри Эшли раздуваются.

— Я думал, они для меня.

Ха! Фигушки.

— С чего ты решил, что они для тебя?

— Потому что ты пытаешься поцеловать меня в задницу с пятницы.

Поцеловать его в задницу? Серьезно?

Я просто пыталась быть милой. Я не... я...

Отлично. Я пыталась поцеловать его в задницу — я чувствую себя ужасно, и нет ничего плохого в том, чтобы попытаться загладить свою вину.

Брайан берет кекс, чтобы не упустить свой шанс; то же самое делают Джамал и Налла, которая дочиста облизывает пальцы, прежде чем продолжить делать заметки на своем ноутбуке.

— Где мой? — спрашивает Эшли.

— Я передумала. — Крышка захлопывается.

Наши одноклассники издают «м-м-м» и «ням», облизывая глазурь и вгрызаясь во влажные пирожные.

— Значит, девушка может нагадить парню, а он не может получить свой «тортик для феи»? Понял. — Он откидывается на спинку стула, скрещивая мускулистые руки.

Рана на его рту, похоже, зажила, как и синяки на лице, темные пятна исчезли.

Но ему все еще нужно побриться.

— Ты только что назвал это «тортиком для феи»? — Джамал поднимает свой кекс для осмотра, разглядывая его то так, то эдак.

— Так это называется, не так ли?

— Мы называем их капкейками, — говорит ему Джамал, слизывая глазурь с края. — Черт возьми, девочка, это очень вкусно.

Я сажусь прямее от его похвалы. В коробке осталось три кекса.

Прия отказалась, я их не ем, и еще не разрешила Эшли взять один; конечно, технически они все для него, но...

Парень пристально смотрит на меня.

Я смотрю в ответ.

— Ты прав. Они для тебя. — Я протягиваю ему всю коробку, и Эш берет ее, ставя на пол рядом со своими ногами.

— Что, черт возьми, происходит прямо сейчас? Вы двое знаете друг друга?

— Да, раньше встречались, — признается Эшли, но без каких-либо объяснений или дальнейших подробностей.

— Так, — говорит Налла, — это какая-то странная прелюдия?

Эшли поджимает губы.

Налла смеется.

— Думаю, это ответ на вопрос.

— Мы должны продолжать, — говорит Брайан всем, беря на себя роль лидера. — У нас закончится время, прежде чем она начнет опрашивать группы.

Он прав, поэтому мы торопимся, придумывая еще несколько ответов, прежде чем наше время истечет.

Эшли

— Эй, Джонс, ты будешь дома в эти выходные?

Один из моих товарищей по команде подбегает ко мне на поле, его лицо в разводах грязи из-за того, что его практически вдавили в землю во время нашей игры.

Мы оба покрыты безжалостным коктейлем из грязи и крови, наша с таким трудом одержанная победа осталась всего в нескольких минутах позади.

— Сегодня только среда, Стюарт, отвали. — Кто-нибудь вообще знает, что будет делать так далеко наперед?

— Я хочу тебя кое с кем познакомить.

По какой-то причине парень всегда пытается свести меня с подругами своей девушки. Не знаю, означает ли это, что мы лучшие друзья или что-то в этом роде, но ему нужно остановиться.

Мне не нужна девушка.

Меня здесь не будет после окончания семестра; я отправлюсь домой в Суррей, чтобы работать на своего отца — цель, которая у меня всегда была. Последнее, что мне нужно, это чтобы какая-нибудь американская девушка привязалась и осталась ни с чем, когда я уеду.

Когда истечет срок моей визы.

— Чувак, прекрати пытаться найти мне девушку. Если бы я хотел встречаться, то сам бы ее нашел.

Стюарт плетется рядом со мной, пока мы идем к арендованному школьному автобусу; это была выездная игра, и дорога домой займет три часа.

Бросаем наши сумки в кучу рядом с багажным отсеком, а затем направляемся ко входу.

— Знаю, но Элли хочет найти пару для двойного свидания, а ее подруга Ариэль считает тебя милым.

Я бросаю на него взгляд через плечо. Какая-то девушка по имени Ариэль считает меня милым? Это блестящая перемена, учитывая, что Джорджия предпочла бы надеть мне на голову бумажный пакет.

Меня так и подмывает написать Джорджии и поделиться новостями — ткнуть ей в лицо; жаль, что у меня нет ее номера телефона, и я не буду его искать.

Нет.

Ни черта.

С высокой степенью вероятности.

Бросив рюкзак на сиденье в задней части автобуса, я плюхаюсь на сиденье и позволяю своему телу расслабиться, хотя оно все еще покрыто грязью. Мы играли не на стадионе университета, как в нашем кампусе. В этом колледже не было поля для игры в регби, поэтому наш матч проходил в большом парке.

Ни стадиона, ни душевых.

Такое чувство, что я провожу всю поездку в грязном подгузнике.

Звонит мой мобильный. Мама.

Провожу пальцем по экрану, чтобы принять вызов, и подношу мобильный к уху.

— Мам, почему ты не спишь? Сейчас час ночи.

Она в Великобритании (очевидно), и у нас шестичасовая разница во времени.

— Не могу уснуть, дорогой. Папа разговаривает с партнерами в Пекине, и я слышу его из кабинета. Он говорит слишком громко. — Мама зевает. — Я не сплю, поэтому решила позвонить. Как там мой мальчик?

Ненавижу, когда она называет меня своим мальчиком; заставляет меня чувствовать себя ребенком.

— Я в порядке. — Я смотрю в окно, когда автобус отъезжает от парка. — Только что закончил матч, так что чертовски устал.

— Язык, — ругается она, хотя я слышу, как она улыбается. Мама изысканная и утонченная, и я ни разу в жизни не слышал, чтобы она ругалась.

— Прости.

У нее нет таких проблем с моим младшим братом Джеком. Серьезный, прилежный, делает то, чего ожидают оба наших родителя. Учился в университете, где и должен был учиться, — университете Сент-Эндрюс, — и у него одна и та же постоянная девушка со средней школы.

Леди Кэрлайн Стэндиш-Биддлс, родом из Лондона и такая чопорная. Впрочем, какое мне дело? Это не я ее трахаю.

Мама снова зевает, что заставляет зевать и меня.

— Как думаешь, ты мог бы звонить почаще? — спрашивает она меня. — И будет ли это ужасным бременем — приехать домой на долгие выходные? Мы забыли, как ты выглядишь.

Это ложь; мы с ней много общаемся по видеочату. Она всегда звонит ужасно рано или нелепо поздно. Я живу в Штатах уже четыре года, и нам до сих пор не удалось согласовать разницу во времени.

— Приехать домой? — Я немного обдумываю это, прислонившись головой к окну автобуса. — Я подумаю об этом. Может быть.

Думаю, не помешало бы в ближайшее время почтить их своим присутствием.

— Чем еще ты занимался, дорогой? — Я слышу шорох простыней. — О, Элизабет Таунсенд все еще не замужем.

Я закатываю глаза. Стюарт и его девушка не единственные кто пытается свести меня с кем-нибудь. Мама хуже других, она всегда продвигает девушек, которых я знаю с начальной школы, и ни одна из них не в моем вкусе.

Городские девушки, чья цель — жить в шикарной лондонской квартире, растить детей и устраивать светские обеды и приемы.

Так безвкусно по-английски.

— Не замужем? — Черт, зачем я это сказал? Теперь она будет болтать о чертовой Элизабет Таунсенд, а мне неинтересно о ней слушать. Если мама будет продолжать говорить об этом, то не остановится на мне — она намеренно упомянет о нашем разговоре подруге миссис Таунсенд, которая скажет Элизабет, что я спрашивал о ней, а затем ни с того ни с сего Лиззи, без сомнения, отправит мне сообщение.

Вот так все это работает.

— Так и есть. Элизабет была со своей мамой на выставке цветов в Челси и проговорилась, что у нее еще нет кавалера на гала-концерт в Альберт-холле. — Мама откашливается.

Я закатываю глаза и снова смотрю в окно.

Мы все еще довольно далеко от кампуса — я бы предпочел не тратить время на

разговоры о какой-то девушке, которая мне неинтересна.

— Я прилечу домой не для того, чтобы Лиззи Таунсенд могла впиться когтями в мою руку и держаться так, будто у нее сломаны лодыжки. — Или как будто она надела на меня кандалы. Нет, спасибо. — Я вернусь домой, чтобы увидеть тебя и папу, но не для того, чтобы встречаться с какой-то избалованной...

— Эшли.

— Светской львицей. Я собиралась сказать «светская львица». Божечки, воздай мне должное.

— Божечки? — Она повторяет это так, будто никогда не слышала. — Фу, ты говоришь так по-американски. Что они там с тобой делают?

— Делают со мной? — Я смеюсь. Никогда еще не чувствовал себя более нормальным, чем когда наконец переехал сюда учиться в университет. Я не собираюсь здесь оставаться, но, по крайней мере, узнал, кто я такой.

Я не та семья, в которой родился. Я не чопорный и не серьезный.

Я очень умен, но деньги не будут единственным, ради чего я буду жить.

Не то чтобы мама с папой так делали, но ни один из них не был воспитан как представитель низшего класса, и это заметно. Я бы не назвал их чванливыми, но... они шикарные и высокомерные. У мамы доброе сердце и добрые намерения, но ее отец был посвящен королем в рыцари в конце сороковых, и она воспитывалась как леди, в то время как папа...

Унаследовал свой титул барона Тальбота в детстве, дедушка умер до моего рождения и передал все своему старшему сыну, как это принято.

Много земли, произведений искусства, немного денег.

Папа старой закалки, до сих пор ходит в свои клубы в Лондоне, чтобы пообщаться с представителями голубых кровей общества. У него все еще есть сигарная комната в доме, где он отгораживается от мира. Все еще верит, что детей нужно видеть, а не слышать.

Отправил обоих своих мальчиков в подготовительную школу, она же школа-интернат, для получения надлежащего образования и воспитания преподавателями.

— Ты все еще здесь, дорогой, или нас разъединили?

— Я здесь, извини. Ты что-то говорила?

— Я спрашивала, встречаешься ли ты с кем-нибудь в Штатах. Есть кто-нибудь, кто тебе нравится?

— Нет, мам, мне никто не нравится. — Ни капельки, включая эту вредину Джорджию из моего бизнес-класса, даже если я не могу выбросить ее из головы.

Я думаю о ней только потому, что она оскорбила меня, и больше ничего. Хотя кексы, которые она испекла в знак примирения, были фантастическими. Я съел один, как только оказался дома, хотя вел себя так, будто собирался выбросить их все в мусорное ведро.

Нет, я не говорю об этом маме, даже чтобы выразить недовольство.

Кроме того, если бы я сказал ей, что Джорджия пригласила меня на свидание, потому что посчитала уродом, мама бы первым же рейсом перелетела через океан, чтобы свернуть Джорджии шею.

Она думает, что я самый красивый дьявол в мире, со шрамами и всем прочим.

— Все в порядке, у тебя есть время. И тебе лучше не заводить никаких привязанностей в Америке.

Мама любит напоминать мне, что я здесь не останусь, что это просто прихоть, на

которую они согласились вместо того, чтобы я взял годичный отпуск.

— Я знаю это, мам.

Она зевает.

— Тебе нужно поспать. Уже поздно.

Она вздыхает.

— Ты прав, дорогой. — Похоже, она откидывается на подушки и устраивается поудобнее. — Отправь мне сообщение позже. Мама любит тебя.

Мама любит тебя.

— Я тоже тебя люблю, мам. — Я улыбаюсь, прежде чем отключить звонок, засовываю мобильный в карман своей спортивной сумки, откидываю голову на спинку сиденья и тоже закрываю глаза.

Джорджия

Пятница

Как я согласилась выйти снова после клоунады на прошлых выходных?

О, верно.

Я сделала это с собой, потому что до сих пор чувствую себя стервой из-за того, что оскорбила того беднягу прямо в лицо.

Эшли бла-бла-бла, тот самый мистер Выпендрожник, британский парень с женским именем.

Сегодня вечером я не с девушками из команды по легкой атлетике; мне удалось убедить Наллу и Прию пойти со мной, так как они уже знают Эша, а также я хотела бы подружиться с ними.

Из того, что я уже узнала о них, они обе мне по душе: веселые, приятные, общительные и умные.

Плюс, когда я вскользь упомянула о том, куда собираюсь, когда вчера после занятий мы собирались вместе, они обе заявили, что им надоело торчать дома по выходным.

Девушки обе на третьем курсе, но не похоже, что у кого-то из них здесь были лучшие друзья, и господь свидетель, мои новые товарищи по команде сработали не так, как я планировала.

Я нервно тереблю шлевки на своих джинсах с высокой талией, высматривая на дороге Наллу и Прию — мы договорились встретиться перед домом регби, и я пришла раньше, ужасно нервничая.

Эшли Драйден-Джонс не хочет иметь со мной ничего общего, и вот я собираюсь устроить ему засаду в его собственном доме.

Ну, не в его доме, а на его территории.

Мне должно быть стыдно за себя и я должна просто оставить его в покое, но моя гордость и совесть не позволяют этого.

Ненавижу, когда я кому-то не нравлюсь.

Я должна все исправить.

Меня съедает заживо то, что я задела его чувства и ранила его гордость. Я знала, что это неправильно, и все же сделала это, и теперь мне приходится жить с самой собой.

Хуже того, мне приходится видеть его два раза в неделю на занятиях.

Слышать этот нелепый акцент.

Наблюдать за его самодовольной ухмылкой, когда он сознательно игнорирует меня.

Я знаю, что он съел те кексы; иначе не взял бы их домой, и мог бы выбросить их в мусорное ведро, выходя из лекционного зала.

Эшли

Я замечаю ее, как только девушка входит в парадную дверь дома — не потому, что Джорджия слишком высокая или сногшибательная, или потому что она с двумя девушками из нашей группы бизнес-класса.

Я замечаю ее, потому что...

Это Джорджия.

Она разозлила меня и забралась под кожу — американская фраза, за которую я зацепился, — и теперь она у меня на радаре.

В моем классе.

В моей голове.

Дразнит меня двадцать четыре часа в сутки, пытаюсь вернуть мое хорошее расположение. Хотя зачем ей это, если она думает, что я страшила.

Я бы солгал, если бы стоял здесь и притворялся, что не нахожу Джорджию привлекательной. Солгал, если бы сказал, что мне не обидно, что это одностороннее наблюдение.

Джорджия прекрасна в том чистом, как у соседской девушки, смысле. Такая красивая, когда вы представляете кого-то с полевыми цветами и ветром, развевающим ее волосы, солнцем, падающим на ее лицо летом, в летнем платье в цветочек, и... О чем, черт возьми, я думаю?

Сегодня вечером девушка принарядилась, длинные волосы ниспадают прямыми прядями, точно так же, как в ту пятницу, когда мы впервые встретились.

Я заметил, что на занятиях она собирает из сзади, вероятно, в безумной спешке возвращаясь прямо с тренировки.

Со своего наблюдательного пункта я вижу, как Джорджия осматривает комнату в поисках.

Меня.

Скрестив руки на груди, я прислоняюсь к фанерной барной стойке, которую несколько моих товарищей по команде установили в углу комнаты, ожидая, когда взгляд Джорджии остановится на мне, прекрасно зная, что ей будет неловко, если ее поймают.

Я не дурак и знаю, что она здесь с миссией искупить свою вину; она выдала этот план, когда испекла мне кексы и принесла их в лекционный зал.

Вкусные, восхитительные кексы.

Они были хороши, но не настолько хороши, чтобы я мог простить ее за то, что она была бесчувственной задницей.

— Йоу, Британия. — Меня толкают гигантской рукой, когда Стюарт называет меня прозвищем, которое иногда использует. — Не сердись, но Элли сегодня привела свою подругу.

И? Какое отношение ко мне имеет его девушка, приводящая подругу на вечеринку?

— Разве Америка не свободная страна?

— Ну, знаешь, чтобы мы могли устроить.

— Устроить что?

Стюарт, чье имя Брэйден, закатывает глаза, как будто я медленно соображаю, и напоминает мне о нашем разговоре.

— Я говорил тебе о двойном свидании после игры, помнишь?

— Что я помню, так это то, что сказал тебе, что меня не нужно ни с кем сводить.

Это то, что я сказал, верно? Я не могу вспомнить, что ел на завтрак, не говоря уже о том, что сказал парню несколько дней назад.

Стюарт пьет из пластикового стаканчика в руке, пивная пена покрывает кончики его усов. На нем очки-авиаторы и зеленый летный костюм цвета хаки, выглядит он, как обычно, довольно придурковато.

— Это одно свидание, и Ариэль...

— Ты не расслышал? Меня не нужно подставлять.

— Братан, ты должен проявить себя.

— Я пас.

Голова Джорджии покачивается в толпе, она все еще выше большинства девушек в комнате. Легко обнаружить и отследить.

Если бы парень захотел обратить на нее внимание.

Чего я не делаю.

— Ты здесь уже четыре года, чувак, и я никогда не видел тебя на свидании. Тебе нужно наладить свою жизнь.

— У меня есть своя жизнь. — Та, которая включает в себя больше ответственности, чем он мог когда-либо мечтать. Долг, стоящий за титулом, который я унаследую, землей, а это значит, что я не буду одинок вечно — мне нужно будет жениться, иметь жену и наследников.

Это путь британского аристократа.

Стюарт отхлебывает свое пиво.

Я игнорирую его и делаю знак Полу, «бармену», налить мне из бочонка. Нет смысла стоять здесь сложа руки, позволяя Стью изводить меня из-за женщин.

Подходят две девушки, одна с яркими огненными волосами — я уверен, что крашенные, — а другая обнимает Стью за талию и поднимается на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку.

Дерьмо. Они, должно быть, были в ванной; как они нас нашли? Что еще более важно, как, черт возьми, я собираюсь исчезнуть, не выставив себя грубым придурком?

— Привет, я Элли. Мы не встречались, но я слышала о тебе много хорошего. — Блондинка протягивает руку, чтобы пожать мою, и я смотрю на нее, желая быть грубым.

Но мое хорошее воспитание не позволяет мне этого.

— Эшли.

Элли отделяется от Стью достаточно надолго, чтобы подтолкнуть свою рыжеволосую подругу в мою сторону.

— Это моя подруга Ариэль.

Я понятия не имею, что сказать; это странно каждый раз, когда ко мне подталкивают девушку, и я знаю, что должен вести себя заинтересованно. Таково намерение, но не результат.

Во-первых, Ариэль не в моем вкусе.

Слишком много косметики, слишком приодетая, слишком безупречная прическа.

Ладно, я мелочный ублюдок, подайте на меня в суд, но мне нравится женщина, с которой можно выбраться за город или просто поваляться на диване, которая чувствует себя достаточно комфортно в своем собственном теле, чтобы ей не приходилось прятаться за слоями одежды.

Во-вторых, Ариэль выглядит как чертова Русалочка. Да, я знаю, кто это — я рос не в чертовой пещере, — и нет, я не заинтересован в свиданиях с мультяшным персонажем.

Очевидно, она красит волосы в рыжий цвет, и это слишком яркий оттенок.

Слишком, слишком, слишком.

В ней слишком много всего.

У моей матери был бы припадок.

Не то чтобы это мамин выбор, но нельзя приводить девочку в такую семью, как моя, не заботясь о мнении родителей.

Мне небезразлично их мнение.

К счастью, Ариэль не пытается пожать мне руку.

— Привет, Ариэль.

Я не любитель разговаривать, и все остальные тоже молчат, что делает все это неловким. Даже Стюарт, который не мог заткнуться из-за того, что подставил меня.

— Знаешь, что было бы весело? — Элли, наконец, вмешивается, бурлящая идеей, которую, я знаю, она вынашивала уже несколько недель. — Мы со Стюартом подумали, что было бы так весело, если бы мы все пошли на свидание. Ты, я, он и Ариэль.

В этом предложении так много неправильного, что я не знаю, с чего начать.

Щеки Ариэль розовеют, что ужасно смотрится на фоне ее волос.

— Слушайте, это, наверное, не очень хорошая идея.

Элли понимающе подталкивает свою подругу локтем.

— Видишь, Ариэль, я же говорила тебе, что у него сексуальный голос.

С трудом могу поверить, что они ведут этот разговор при мне, как будто я не стою здесь. Мой взгляд блуждает по комнате, ища хоть какое-то подобие спасения, и нахожу его в виде приближающейся Джорджии.

Она сокращает разрыв, направляясь ко мне, не замечая моего беспокойства, хотя не то чтобы я подавал какие-то сигналы.

Я спокоен и собран, как обычно. Только пустота в животе выдает меня.

— Мы могли бы пойти на дегустацию вин в эти выходные, а потом отправиться на виноградник, — спешит добавить Элли.

Дегустация вин и виноградник?

Что это за гребаная комбинация?

Это звучит ужасно, просто чертовски ужасно.

— У меня уже есть планы на эти выходные, — выпаливаю я.

— И что ты будешь делать? — спрашивает Стюарт. — У нас игра, а потом что? Собираешься дрочить остаток дня?

Джорджия останавливается как раз в тот момент, когда идиот спрашивает о мастурбации, глаза расширяются так, как могут только, когда человек слышит что-то реально шокирующее. Это явно не то, что она ожидала, когда подошла.

Мои друзья придурки.

Я ничего не могу с этим поделать.

— Привет, — приветствует ее Элли, одаривая классическим взглядом, оглядывая ее

сверху донизу, а затем снова смотря в глаза.

— Привет, — застенчиво говорит Джорджия. — Надеюсь, я ничему не помешала.

— Нет, — выдавливаю я, подходя ближе. — Я ждал тебя. — Не задумываясь обнимаю ее рукой. — Детка.

Стюарт, Элли и Ариэль разинули рты.

— Ты только что назвал ее «деткой»? — Элли смеется, пытаюсь понять это новое развитие событий.

— Это Джорджия, — представляю я. — Я не могу пойти с вами на двойное свидание, потому что у меня свидание с ней. — Я целую ее в макушку, как будто это самое естественное, что можно сделать, и если девушка и ошеломлена, то не показывает этого.

Она даже не напрягается рядом со мной.

Какое бесстрастное лицо у этой цыпочки!

Я впечатлен.

— Я задолжала ему. — Это все, что она говорит добродушным голосом.

Я задолжала ему.

Она имеет в виду пари, вызов, называйте как хотите, в ту ночь, когда она пригласила меня на свидание в рамках своего посвящения в легкоатлеты.

— Мне нужно в ванную, — внезапно объявляет Элли. — Ариэль, пойдём. — Элли хватая свою подругу за руку и тащит ее прочь, свирепо глядя на Стюарта; предполагаю, что они собираются пересмотреть стратегию в ванной.

— Почему ты не сказал, что у тебя есть девушка? — раздраженно спрашивает Стюарт.

Потому что она не моя девушка!

— Я неоднократно говорил тебе, что меня не интересует двойное свидание.

— Неоднократно, — повторяет он, усмехаясь. — Не мог бы ты не звучать так чертовски надменно?

Прости, что?

— И, кроме того, я бы не стал продолжать поднимать этот вопрос, если бы ты сказал, что у тебя есть девушка.

Он собирается продолжать это говорить?

— Я не его девушка, — выпаливает Джорджия в то же время, как я говорю: — Она не моя девушка.

Она толкает меня локтем.

Я хмурюсь.

— Что? Тебе можно так говорить, а мне нельзя?

Джорджия закатывает глаза.

— Ну... — Голос Стюарта затихает, когда он размышляет вслух. Чешет за ухом. — Мы все еще можем устроить двойное свидание. Элли может какое-то время злиться из-за того, что Ариэль получила отворот поворот, но переживет это. Она действительно хочет пойти в тот яблоневый сад.

Он никогда этого не оставит.

Никогда.

— Яблоневый сад? — спрашивает Джорджия, оживляясь. — Тот, что в Лейк-Кантри?

— Да, тот самый. — Стюю подогревает разговор, чтобы убедить ее в своей идее. — У них есть виноградник, и Элли хотела пойти и выпить вина и все такое, но я не хочу тащиться туда один.

Джорджия смотрит на меня снизу вверх, все еще на добрых пятнадцать сантиметров ниже, спрятана у меня под мышкой, не пытаюсь оторваться.

— Я бы с удовольствием. Звучит весело. — Она понижает голос. — Плюс... я у тебя в долгу.

Ну, технически, думаю, что так оно и есть, не то чтобы я когда-либо заставлял ее или помыкал ею — не тогда, когда намеренно пытался избегать ее.

Посмотрите на беспорядок, который я только что устроил: она сияет, глядя на меня, как будто только что одержала какую-то победу или покорила меня.

Это не тот случай. Ничего не прощается, потому что мне нужна услуга на три секунды.

— Хорошо, вы двое, снимите комнату. — Стюарт симулирует шутку, хотя готов поспорить, что он уже давно хотел попросить кого-нибудь снять комнату и ждал идеального момента. — Сбавьте обороты. Я не привык видеть этого болвана с цыпочкой, и теперь меня тошнит.

— Отвали, Стюарт.

— Хорошо, но будет круто, если я скажу Элли, что ты идешь с нами собирать яблоки, верно?

Я ни хрена не знаю об американских женщинах, но знаю вот что: эта девушка Элли хочет, чтобы мы с Джорджией ели отравленные яблоки, а не собирали их вместе с ней.

— Могу я секунду поговорить с тобой наедине? — Я бросаю взгляд на Джорджию, на ее джинсы, свитер, волосы. Дергаю головой и указываю на входную дверь.

— Снаружи?

Я веду ее, и девушка следует за мной на крытое крыльцо, сетчатая дверь захлопывается за нами.

Сегодня на улице холодно, и я чувствую себя виноватым за то, что вытащил ее на улицу, но мы не можем поговорить внутри; там слишком шумно и полно людей. Любой может подслушать, что я собираюсь сказать.

— На самом деле тебе необязательно идти туда. Все это просто нелепо.

— О.

Я изучаю ее.

— Только не говори мне, что ты разочарована.

Мы говорим обо мне, о парне, к которому она пришла по необходимости и от отчаяния. Парне, с которым она застряла на занятиях два раза в неделю, от которого не может сбежать.

Девушка пожимает плечом.

— Я бы не отказалась пойти. Если бы ты захотел.

— Я не хочу, — выпаливаю я. — Это ферма по сбору яблок. — Я не могу найти подходящих слов; вся идея — чушь собачья. И предпочел бы, чтобы меня затроллили и оставили голым посреди кампуса, чем пойти во фруктовый сад. Не то чтобы я когда-либо не был на одном из них. На настоящем винограднике? Да.

На юге Франции? Да.

Тоскана, Италия? Да.

Средний Запад Америки?

Почему это вообще вопрос?

Не хочу показаться снобом, но давайте будем реалистами.

— Ясно. Конечно, ты не хочешь идти. — Джорджия удрученно смотрит на свои туфли. — Я была стервой и... не виню тебя.

Правда в том, что она не сделала ничего такого, чего не делали тысячи людей до нее. Ритуалы дедовщины распространены — и не только здесь, в Штатах. Попробуйте побыть молодым парнем в школе-интернате в Англии, и увидите, как на самом деле ведут себя надменные ублюдки, когда никто не смотрит.

Когда им не грозит опасность быть пойманными.

Стукачи получают розгачи...

— Ладно. Никакого свидания. — Она выглядит странно разочарованной.

Я в замешательстве — неужели она пытается отвоевать себе дорогу в рай, совершив доброе дело: свидание со мной из жалости?

— Никакого свидания.

Ее плечи поникли, или, может быть, это тусклый свет ламп на крыльце, которым нужны новые лампочки. Они мерцают.

Джорджия прикусывает нижнюю губу, белые зубы сверкают.

— Понятно.

Я засовываю руки в карманы джинсов и сутулюсь.

— Спасибо тебе за то, что вела себя естественно там.

— Эм. Пожалуйста. Все в порядке, правда. — Нахмурившись, она заглядывает в дом через сетчатую дверь. — Но что все это значило? Должна ли я волноваться?

— Нет, тебе не стоит беспокоиться. — Хотя должен; как только Стюарт узнает, что я солгал о том, что Джорджия моя пара, он будет настаивать, чтобы я встретился с Ариэль.

— Мне не нужно, чтобы еще больше девушек злились на меня. Эта Элли выглядела так, будто хотела меня убить.

Вероятно, так и есть.

— Она переживет это.

— Уверен?

— Нет. — Я смеюсь. — Я играю в регби со Стюартом, Элли — его девушка, Ариэль — ее лучшая подруга, и у них грандиозные планы на нас четверых.

— Ариэль. С рыжими волосами?

— Поразительное сходство, да?

— Думаешь, это ее настоящее имя? Я имею в виду, каковы шансы?

— Может быть, ее родители — диснеевские фрики. — Сейчас я говорю так по-американски; у мамы случился бы припадок, если бы она меня услышала. — По рыжим волосам.

— Может быть. — Она снова покусывает нижнюю губу. — Ты же знаешь, что твой друг будет преследовать тебя из-за этого.

О, теперь она читает мои мысли? Фу.

— К чему ты клонишь?

— Я просто думаю... ты должен позволить мне загладить свою вину. Я буду лучшим фальшивым свиданием, которое у тебя когда-либо было.

Единственным фальшивым свиданием, которое у меня когда-либо было. Никогда, черт возьми, мне не приходилось шантажировать женщину, чтобы она провела со мной время.

— Я... не знаю. — Я колеблюсь. — Не хочу посылать смешанные сигналы.

— Смешанные сигналы? — Она смеется. — Поверь мне, я чертовски хорошо знаю, что ты меня терпеть не можешь и не хочешь иметь со мной ничего общего. Знаю, что это было бы только одолжением. Обещаю, что не влюблюсь в тебя. — Ее глаза расширяются, когда

она осознает свою оплошность. — Я не это имела в виду. Я имела в виду... потому что ты не хочешь, чтобы ты мне нравился. — Она делает паузу. — Я имею в виду, я тебе не нравлюсь. Я знаю это. И не буду...

Я поднимаю руку вверх, останавливая ее.

— Все в порядке. Я понял. Ты не влюбишься в меня.

— До тех пор пока ты не влюбишься в меня, — без всякой необходимости поддразнивает Джорджия. — Не то чтобы ты этого хотел. Я просто шучу.

Она сглатывает.

— Хорошо. — Я бросаю взгляд на дом, сквозь толпу в сторону Стюарта. — Хочешь, я провожу тебя домой? Мне не хочется возвращаться.

— Эм. У меня там друзья внутри... — Пауза. — Налла и Прия, но я могу узнать, готовы ли они идти? Подожди.

Я киваю, когда она направляется к двери и возвращается через несколько минут, похоже, запыхавшись, откидывая волосы с лица.

— Я готова идти, они хотят остаться.

Конечно, хотят — эта вечеринка просто потрясающая. Это круто, или как там они говорят, и я не так давно знаю двух других девушек, но они определенно выглядят так, будто хотят хорошо потусить.

Не говоря ни слова, мы с Джорджией спускаемся по ступенькам к тротуару, неловко шагая в тишине первый квартал — я предполагаю, что мы направляемся в ее сторону, потому что она не сказала мне идти в другую сторону.

Мы спокойно прогуливаемся, пока Джорджия не спрашивает:

— Из какой части Англии ты родом? Я не могу вспомнить.

— Суррей.

— Как далеко это от Лондона?

— Около пятидесяти километров.

— Эм... у меня проблемы с переводом. — Она смеется.

Я думаю несколько секунд, прикидывая в уме.

— Кажется, это примерно тридцать миль или около того? У моих родителей есть квартира в Лондоне, но они проводят там не очень много времени.

— Зачем им квартира, если они там не останавливаются?

Потому что так делают аристократы в Англии. Таунхаус в самом центре города принадлежал нашей семье на протяжении нескольких поколений — вы не откажетесь от него, если только вам отчаянно не нужны наличные или вы не хотите обменять его.

Семейное поместье в пригороде тоже.

Передается из поколения в поколение, и когда-нибудь все это будет моим, вместе с налогами и другими долгами.

Но я отвлекся...

— Они ездят туда нечасто, но иногда мы с братом пользуемся ей, если хотим навестить школьных друзей. Или что-то в этом роде.

Сбор средств, благотворительные балы.

— Или что-то в этом роде, — усмехается Джорджия, шагая дальше, не задавая больше никаких вопросов.

Это становится все более неловким.

Мне приходит в голову, что девушка, возможно, не чувствует себя в безопасности. Она

согласилась пойти со мной домой, но уже темно, я огромный, и мы одни.

Засовываю руки в карманы, ссутулив плечи.

Бросаю на нее косой взгляд, испытывая искушение прочитать ей лекцию о том, каким глупым было решение идти наедине с незнакомым парнем, который больше нее, вероятно, на добрых полсотни килограмм.

Для британца-аристократа я коренастее большинства. Большинство парней, с которыми я ходил в школу, не видели ни одного нормального рабочего дня в своей жалкой жизни, тренажерные залы не были приоритетом, а парни, с которыми я играл в регби, не были такими крупными, как я.

Меньше наполовину.

Ниже.

Стройнее.

Больше подходят для элегантного джентльменского клуба их отцов, чем для поля для регби.

Мои домашние приятели играют в крикет, претензионный вид спорта, или катаются на лошадях по выходным — то, к чему я сам всегда был равнодушен.

Мало у кого из них когда-либо был выбит зуб от удара локтем или коленом в лицо.

У меня было и то, и другое.

Это чертово чудо, что мама никогда не запрещала мне играть, а папе нравится иметь сына, который физически более мужественен, чем отпрыски его сверстников.

Он может быть чопорным и порядочным, но он гордится тем, что вырастил сильного сына.

Наследника.

Мы с Джорджией тащимся вперед, машины проезжают каждые несколько минут, замедляя ход, чтобы поглазеть на нас двоих на тротуаре.

Сейчас еще довольно рано — всего одиннадцать часов — студенты собираются, чтобы пойти на вечеринку.

Мы приближаемся к кампусу, подходя к перекрестку.

— Э-э... теперь в какую сторону? — спрашиваю я, посмотрев налево, потом направо.

— Прямо. Еще пять кварталов.

— Пять кварталов? Ты прошла весь этот путь пешком? — Я смотрю вниз на ее ноги. —

В этих туфлях?

Она тоже смотрит вниз.

— А что с ними не так?

С ними все в порядке. Они просто... на каблуках. Кому, черт возьми, захочется пройти весь этот путь на проклятых каблуках?

Женщины.

Я никогда их не пойму.

Было бы лучше, если бы у мамы родилась девочка, а я не застрял бы с Джеком и папой — немного больше эстрогена в доме пошло бы нам всем на пользу.

Джорджия вздыхает, вероятно, от скуки, потому что мы почти не разговаривали, а теперь я высмеиваю ее выбор обуви, один квартал позади и еще четыре впереди.

Мои губы приоткрываются, и я задаю несколько личный вопрос.

— Как тебе здесь, пока нравится?

— Не то, чего я ожидала.

— Как так?

— Ну... — Она делает паузу. — Для начала, я не думала, что девушки из команды по легкой атлетике будут измываться над старшекурсником. Я не новичок, и это было неуместно.

Я смеюсь над тем, как нелепо это звучит. Как недовольно.

— Ты никогда ни над кем не издевалась?

Ее острый взгляд отвечает на вопрос раньше, чем она это делает словами.

— Нет, Эшли, я этого не делала. Это противоречит кодексу чести.

Ха.

Кодекс чести — это шутка, и все это знают. Каждый в какой-то момент нарушает его, особенно в ту секунду когда попадает на домашнюю вечеринку за пределами кампуса.

Еще бы!

— Откуда ты, из страны выдумок? Это не сказка — ты же не думаешь, что спортсмены в твоём старом колледже не инициировали новых товарищей по команде? — Мое фырканье подчеркивает предложение.

— Я не идиотка и знаю, что они это делали, но что касается команды по легкой атлетике то... нет. Слава богу, я этого не видела. Меня от этого тошнит.

Пффф.

— Видимо недостаточно, — бормочу я себе под нос, достаточно громко, чтобы она услышала.

Джорджия останавливается посреди тротуара лицом ко мне, руки на бедрах.

— Хорошо. Я рада, что ты заговорил об этом, потому что это единственное, о чем я могу думать. Мне жаль, ясно? Я просто пыталась... быстрее покончить с этим тем вечером, чтобы они оставили меня в покое. Это не имело к тебе никакого отношения — в этом не было ничего личного.

Ничего личного? Она что, бредит?

Когда симпатичная девушка подходит к вам на вечеринке и приглашает на свидание на спор, потому что ей сказали найти самого уродливого парня на вечеринке — это личное.

— Но вот тут ты ошибаешься. — Я продолжаю идти, все еще засунув руки в карманы джинсов. — Ты думала, парень не обидится на твою маленькую шалость? Я видел, как это делали раньше, и это ни хрена не смешно.

Она спешит догнать меня, тянет меня за руку, вцепившись в мой бицепс.

— Ты был первым парнем, которого я увидела стоящим в той комнате! Ты примерно на сантиметров двадцать выше, чем каждый из тех парней, ясно?

Я закатываю глаза.

— Не будь такой драматичной.

Но я бы солгал, если бы сказал, что ее наблюдение, как ни странно, не приносит удовлетворения и даже немного не тешит мое эго.

— Эшли, остановись.

Я останавливаюсь.

Поворачиваюсь к ней лицом.

Протягивая руки, умоляя, она снова стоит посреди тротуара, смотрит на меня с победенным выражением на лице.

— Я не знаю, что еще сказать, не знаю, как извиниться. Я не думаю, что ты уродливый или глупый.

Глупый.

Подождите, что?

— Кто, черт возьми, сказал что-нибудь о глупости? Это тоже было частью пари? Я что-то упускаю?

Она в разочаровании закрывает лицо рукой.

— Никто ничего не говорил о том, что ты... — Она делает глубокий вдох. — Это была фигура речи. Я нервничаю. И расстроена, что поставила тебя в такую ситуацию, и хотела бы вернуться и сделать все заново.

Сделать все заново.

Теперь у меня есть идея.

Я оглядываюсь назад, на дорогу, откуда мы пришли, разглядывая тропинку, по которой мы только что прошли. Мимо административного здания кампуса, вверх по направлению к ветхому дому регби.

Что бы она сделала по-другому, если бы мы могли вернуться назад, если бы все так не обернулось? Что бы она мне сказала, если бы вообще что-нибудь сказала?

— Хорошо. — Я киваю.

Джорджия выглядит смущенной.

— Что хорошо?

— Давай сделаем это заново. — Я должен знать, что изменилось бы, если бы мы повторили, потому что правда в том, что...

Мне нравится Джорджия.

— Типа вернуться прямо сейчас?

Я вытаскиваю левую руку из кармана и проверяю время на золотых часах — семейной реликвии — на запястье.

— Еще рано.

Ее брови взлетают вверх.

— Ты хочешь вернуться и... поиграть в ролевые игры?

Я пожимаю плечами.

— Конечно. Почему бы и нет?

Девушка прикусывает нижнюю губу, размышляя. Мы оба знаем, что если она действительно хочет все исправить, то должна вернуться со мной в дом регби и повторить все сначала.

— Без твоих стервозных друзей из легкоатлетической команды, конечно. — Я ухмыляюсь. — Ты в деле?

Девушка расправляет плечи.

— Показывай дорогу.

Джорджия

На этот раз, когда я замечаю Эшли в гостиной дома, в котором проходит вечеринка, у меня есть шанс по-настоящему изучить его, не торопясь бросаться к нему и разыгрывать пантомиму, чтобы пройти через ту шараду, которую он попросил меня разыграть.

Все еще похожий на гигантскую гору парень, он поглощает большую часть окружающего пространства своим властным присутствием, которое у меня не хватило душевного спокойствия заметить при нашей первой встрече.

Пластиковый пивной стаканчик как по волшебству материализовался у него в руке, замерший на полпути к его губам.

Улыбка Эшли не достигает его глаз, но он ухмыляется чему-то, что говорит другой парень, и я замечаю щель между его передними зубами, о которой даже забыла.

Его темные, лохматые волосы все еще не помешало бы постричь, но они все равно очаровательны, поцелованные солнцем. Благодаря этому парень выглядит моложе, более доступным, хотя ему все еще нужно побриться.

Синяки с последней вечеринки давно исчезли, сменившись свежими; должно быть, у него недавно была игра, и я ненадолго задумываюсь, выиграла ли наша команда.

Его команда.

Эшли очень популярен. Наши сверстники собрались вокруг него, и кажется, что все хотят его внимания.

Не знаю, то ли это из-за британского акцента, который люди любят, то ли из-за суровой, похожей на разбойника внешности. Может быть, из-за того что он такой большой и похожий на медведя.

Набраться храбрости — это непросто; ставить одну ногу перед другой, чтобы снова подойти к нему, почему-то кажется труднее, чем в первый раз, потому что я понятия не имею, что собираюсь сказать.

В последний раз у меня был план.

Подойти, охмурить, уйти домой.

На этот раз я должна быть самой собой. Должна быть честной. Мне нужно...

Чего я от него хочу? Как бы отреагировала на него, если бы встретила обычным способом, услышала, как он говорит, увидела щель между его зубами?

Стала бы я флиртовать? Была бы застенчива?

Вызвал бы он у меня те бабочки, которые я чувствую сейчас? Они от нервов?

Мои ладони вспотели.

Сердце бьется так неистово, что я чувствую его в горле.

Когда подхожу ближе, парень поднимает голову, пристально глядя в мою сторону, легкая улыбка изгибает уголки его рта.

Белые зубы, выглядывающие из-за его губ.

Он...

Милый.

Действительно милый, и почему я только сейчас это заметила?

«Дурочка, ты заметила это в ту же секунду, как встретила его. Просто не хочешь этого

признавать».

У меня нет времени на отношения — я здесь, чтобы доучиться.

Закончить учебу и идти дальше по жизни.

Я останусь в этом колледже не дольше, чем Эшли Драйден-Джонс.

Наши глаза встречаются.

Парень приподнимает одну бровей.

Он дразнит меня, негодяй — тьфу!

Я вздергиваю подбородок и улыбаюсь. Пиво, которое стащила с барной стойки (которое, очевидно, было налито для кого-то другого), касается моих губ, и я глотаю, наслаждаясь холодным жидким мужеством и желая, чтобы оно быстрее проникло в мой организм.

Еще один глоток.

Еще один шаг.

Его друга Стюарта нигде не видно, как и Элли или ее лучшей подруги, и мое тело расслабляется с облегчением. Фух. Не хочу иметь с ними дело сегодня вечером плюсом ко всему. Это и так достаточно напряженно.

— Хэй, — говорю я вместо приветствия и внутренне стону, потому что это звучит глупо и неубедительно.

Эшли закатывает глаза, вероятно тоже так подумав.

— Привет.

Это лучшее, что у тебя есть? Его лицо говорит само за себя.

Черт возьми!

Да, это все, что у меня есть.

Группа вокруг него ждет. Один из парней не очень-то тонко разглядывает меня, и, возможно, это мое воображение, но я замечаю, что Эш хмурится.

Это длится короткое мгновение, но выражение было там, я уверена в этом.

Так, так, так, интересное развитие событий.

Он нахмурился, потому что...

Нет.

«Прекрати это, Джорджия. Ты ему не нравишься».

Откуда тебе знать? Ты все испортила, так что даже если бы нравилась, думаешь, он бы в этом признался? Парни ненавидят отказы, а я...

Что ж, мы все знаем, какую глупость я совершила.

— Кто ты? — спрашивает парень, разглядывающий меня. Намного ниже Эшли, он открыто изучает меня с интересом. Шрам на щеке, недостающий нижний зуб, свежая рана на губе.

Либо он недавно ввязался в драку и проиграл, либо занимается спортом.

Может быть, хоккеем?

Регби?

Это более вероятно.

— Я Джорджия, — говорю я.

— Могу я предложить тебе выпить? — спрашивает парень, хотя очевидно, что у меня уже есть стаканчик с пивом в руке. Он вежлив, и я ценю это. — Я Тайлер.

— Спасибо, я...

— Она не принимает напитки от случайных незнакомцев, — прерывает нас Эшли

прежде, чем я успеваю ответить.

— Нет? — Тайлер не единственный, кто выглядит сбитым с толку. — Откуда ты знаешь? Мы только что с ней познакомились.

Точно.

— Это здравый смысл, и она выглядит как девушка, у которой его предостаточно.

Разумное объяснение и находчивое. Я впечатлена тем, как быстро он ориентируется.

Браво!

Или подождите, разве в Лондоне не говорят «блестяще»? Хотя я никогда там не была.

— У меня есть пиво, Тайлер, но спасибо, что спросил. — Я поднимаю стаканчик повыше, чтобы он был на уровне глаз.

Тайлер довольно милый и, судя по нашему ограниченному общению, вежливый.

Но я здесь не для того, чтобы с кем-то флиртовать. А чтобы начать все сначала с Эшли.

Несколько человек расходятся, очевидно, им наскучил разговор, и небольшая толпа вокруг Эшли редет. И я оказываюсь стоящей рядом со своей целью.

Раньше не замечала, но когда парень двигается, хлопок его рубашки обнажает испачканную чернилами ключицу, что неожиданно для моего блуждающего взгляда.

— У тебя что, есть татуировки? — выпаливаю я.

— Да.

— Эм... покажешь мне?

— Показать тебе? — спрашивает он. — Мэм, я вас даже не знаю.

О, верно. Мы же играем в ролевые игры, но похоже у меня это плохо получается.

— У тебя плохо получается. — Он смеется. — Так ужасно плохо — как будто ты пытаешься все испортить.

Уф, ну спасибо.

— Я не пытаюсь! — Пауза. — Ладно, я ужасна, но трудно просто подойти к случайным парням и вести себя непринужденно и круто.

— Облом.

Тайлер, который все еще стоит рядом, наблюдает за нами.

Я прочищаю горло.

— Это татуировка у тебя на шее? — Боже, я такой отстой.

— Да.

«И к чему ты клонишь?» — как бы вопрошает его взгляд.

— А где-нибудь еще есть?

— Да. — Он тянет за один из длинных рукавов своей рубашки, задирая его, чтобы показать яркое предплечье.

— Обе руки или только одна?

— Обе. — Эшли колеблется. — Тебе это нравится или нет?

Да... О да, мне это нравится.

Сильно.

— Ничего против не имею. — Я беспечно пожимаю плечами, с удовлетворением отмечая, что Тайлер тоже сдался и исчез, и теперь мы только вдвоем стоим одни в комнате, полной людей.

— Я Джорджия, — говорю ему, как будто представляюсь в первый раз.

— Ты уже упоминала об этом.

Да? Я чувствую, как раздуваются мои ноздри. Парень все усложняет.

— Друзья зовут меня Джорджи. Или Джордж.

Эшли приподнимает брови.

— Хочешь сказать, что хочешь, чтобы мы были друзьями? Или ты просто указываешь на забавный факт?

— И то, и другое. — Я смеюсь. — Если только ты находишь этот факт забавным.

— Джорджи. Это... — Он подыскивает слово. — Мило.

Мило.

Обычно «мило» — последнее слово, которым мне хотелось бы, чтобы меня называли, но, учитывая, что мы говорим об Эшли, а я это я, и он думает, что я уродлива внутри...

Бабочки порхают у меня в животе.

Эшли не называл *меня* милой — он сказал, что мое прозвище милое, но почему-то мне кажется, что это одно и то же.

Комплимент.

— Ты... — Я обдумываю очередной вопрос. — Часто здесь бываешь?

Эшли моргает.

— Э? Часто.

Он не понимает, и до меня доходит, что они, вероятно, не пользуются этой идиотской линией подката в Британии.

— Эм. Это дрянная реплика для подката, извини.

Парень снова моргает.

— Ты... пытаешься подцепить меня?

Я закатываю глаза.

— Да? — настаивает он.

Теперь он смотрит на меня с новым интересом, и я чувствую, как мои щеки начинают гореть. Без сомнения, они великолепного ярко-красного цвета.

— А ты хочешь, чтобы я это сделала?

— Нельзя отвечать вопросом на вопрос. Это называется уклонением.

Ну да.

Быть честной — значит быть уязвимой, и, по правде говоря, я не уверена, что это значит «подцепить его».

Я слишком занята для парня.

Слишком... напугана.

Он уезжает в конце года, и я тоже, так что ввязываться в это было бы очень, очень глупо.

— Судя по твоему восторженному молчанию, это большое жирное «нет».

Эшли отхлебывает пиво, избегая моего взгляда, но он не может скрыть уныние в своих глазах. Так не должно было быть.

Снова.

Мы не за этим вернулись в дом регби!

— Да, ладно, — усмехаюсь я. — Тебе все равно неинтересно, даже если бы я была заинтересована.

Эшли опускает свой стаканчик.

Слизывает пиво с губ.

Пожимает плечами.

Пожимает плечами?

«Ты что, издеваешься надо мной?»

Мне хочется кричать.

— Тьфу! — Я разочарованно выдыхаю, разговор ни к чему не ведет.

Ставя свой стакан с пивом на ближайшую поверхность, я снова закатываю глаза на Эшли, прежде чем удалиться в направлении входной двери.

Преодолеваю расстояние в раздражении, как может сделать только девушка, позволяя прохладному воздуху успокоить меня, когда выхожу на крыльцо.

Вдыхаю.

Выдыхаю.

Дверь за моей спиной хлопает во второй раз, и я поворачиваюсь. Силуэт гигантского тела Эшли вырисовывается в свете, льющемся изнутри.

— Ты собираешься просто уйти?

Да.

Нет.

— Мне нужно подумать.

Парень молчит. Смотрит, как я подхожу к дальнему концу крыльца и прислоняюсь к перилам, оттопырив задницу.

Он медленно приближается.

— Это был простой вопрос, Джорджи.

Джорджи.

И с этим его акцентом.

Это заставляет меня задуматься...

...на что было бы похоже встречаться с таким парнем, как он?

Эшли занимает место рядом со мной, задевая мое плечо, когда имитирует мою позу у перил.

Наши руки, опирающиеся на дерево для поддержки, соприкасаются.

Что он делает?

Конечно, он не...

Нет...

Почему он прикасается ко мне?

«Откуда эта неуверенность в себе, Джорджия? С чего вдруг?»

— Тебя подвезти домой? — раздается его низкий британский рокот.

— Подвезти? Что ты собираешься делать, прокатить меня на спине через весь квартал? — Я заставляю себя рассмеяться.

— Видишь вон тот черный грузовик?

Я вытягиваю шею, поворачивая голову, чтобы посмотреть дальше по улице.

Черный глянцевый пикап припаркован за белым джипом.

— Да, вижу.

— Он мой.

Требуется несколько секунд, чтобы до меня дошли его слова.

— Ты только что пешком провожал меня домой! — Я, черт возьми, чуть не кричу. — И все это время у тебя здесь был грузовик?

Парень смеется, приятный звук, который заставляет бабочек вспорхнуть со своего места в моем животе.

— Пошли. Думаю, будет справедливо сказать, что все идет не так, как мы думали.

Преуменьшение века.

— Все идет не так, как я думала, — ворчу я, следуя за ним через крыльцо, вниз по ступенькам и к его грузовику.

Замки издают звуковой сигнал, отдаваясь эхом в ночи, и я открываю дверь со стороны пассажира.

— Если ты из Британии, то откуда у тебя здесь грузовик?

— Эм. Я купил его. — Он пристегивается. — А что ты думала, я перелетел на нем через океан?

— Да? — Боже, почему я все еще говорю? — Как ты можешь купить здесь машину, если не гражданин США?

Эшли смеется, заводя двигатель грузовика.

— За наличные? Так же, как вы, американцы, поступаете, когда едете за границу, чтобы купить иномарку по более выгодной цене?

Люди так делают?

Черт возьми.

— Прости, я просто плохо соображаю. Похоже, я провалила это дело с сообразительностью.

И сказав это, теперь я кажусь менее умной. Дело с сообразительностью? Ой.

— Твоя квартира здесь, да? — Он идет тем же путем, которым мы шли раньше, мимо административного здания. — Прямо пять кварталов?

— Да, затем налево, второе здание.

Он продолжает вести машину. Останавливается у знака «Стоп», смотрит влево и вправо.

— Это общежитие.

Я отстегиваюсь, когда он паркуется, издавая мелодичный смешок, который не могу сдержать.

— Знаю.

— Почему ты в общежитии? Разве ты не выпускница?

— Да, но я переехала из другого штата и никого здесь не знала, что сделало невозможным поиск соседки по комнате.

— Общежития — отстой.

— Ага, — смеюсь я. — Но не похоже, что у меня есть другие варианты.

Я смотрю на него, уличные фонари освещают салон и отбрасывают сияние на его загорелую кожу.

Заставляя его казаться более...

Мужественным. И симпатичным.

Невероятным.

Чертовски сексуальным.

— Ты застряла здесь до конца года?

— Похоже на то, если только кто-нибудь волшебным образом не сжалится надо мной и не позволит ночевать в их комнате для гостей, что мне кажется маловероятным. — На данный момент у каждого есть свои друзья.

Когда вы снимаете дом, цель состоит в том, чтобы заполнить его как можно большим количеством людей, чтобы арендная плата была меньше — шансы на то, что я найду группу, которой все еще нужен сосед по комнате, невелики. И каковы шансы, что я найду студента колледжа, живущего одного, у которого есть свободная комната?

Мои шансы на выигрыш в лотерею кажутся выше.

— Нонсенс.

Нонсенс.

Такой британский способ сказать «чушь собачья».

— Что именно?

— Что ты живешь в общежитии и тебе сколько, двадцать два?

— Почти, но не совсем. — Сжимаю ручку двери, готовая толкнуть ее, чтобы выбраться, но не тороплюсь. Я наслаждаюсь временем с ним. — Мы снимали дом с несколькими девочками в колледже, из которого я перевелась. Это была помойка, но, по крайней мере, у меня была кухня и настоящая гостиная, понимаешь? А теперь я даже не могу приготовить «мак-н-чиз^[6]», если захочу.

Эш морщит нос.

— Что такое «мак-н-чиз»?

Я таращусь на него.

— Ты не знаешь, что такое «мак-н-чиз»? Да, ладно тебе!

Это не может быть чисто американской фишкой, не так ли?

— Не слышал никогда. Что это, сыр и...

— Макароны. — Типа того.

Дерьмовые макароны, но тем ни менее.

— Какой сыр? — интересуется он.

— Эм. В порошке.

— Хм? — Еще больше замешательства с его стороны.

— Он, э-эм, продается в пакете?

Эшли прищуривается.

— Это ты сейчас у меня спрашиваешь?

Мы оба смеемся.

— Я должна приготовить это для тебя. Нельзя жить в Америке и хотя бы раз не попробовать «мак-н-чиз».

Парень медленно кивает головой.

— Хорошо.

— Хорошо.

Джорджия

515-555-9070: *Я голоден.*

Я: *Простите, кто это?*

515-555-9070: *Это Эшли, с занятий. Я получил твой номер в группе...*

Я: *Ааа!!*

Я: *Привет*

Я: *Если ты голоден, то почему не поешь? Зачем ты МНЕ это рассказываешь?*

Эшли: *Я возвращаюсь на автобусе с выездной игры и подумал, что домашняя еда, та штука из пасты и сыра, сейчас звучит довольно аппетитно.*

Я: *Во-первых, снизь свои ожидания и перестань называть это домашней едой. Это продается в коробке. Это нездоровая пища.*

Эшли: *А во-вторых?*

Я: *Ты хочешь, чтобы я пришла и покормила тебя?*

Эшли: *Конечно.*

Я: *Не переворачивай так, чтобы это звучало так, будто я приглашаю себя приготовить для тебя. Просто для ясности — ТЫ просишь МЕНЯ прийти?..*

Эшли: *Сейчас всего 5. Ты занята?*

Я опускаю взгляд на пушистые носки на своих ногах и на потрепанный плед, в который замоталась, и морщусь.

Я: *Нет. Мои новые друзья заняты сегодня вечером.*

Эшли: *Или у них похмелье.*

Я: *Лол или похмелье. Я не спрашивала.*

Грызу ноготь большого пальца, размышляя.

Я: *Если ты действительно хочешь, чтобы я пришла приготовить мак для тебя, мне придется сбегать в магазин. Когда ты будешь дома?*

Эшли: *Выйду из душа к шести.*

Я: *Хорошо.*

Я: *Какой у тебя адрес?*

Эшли: *Хочешь, я заеду за тобой?*

Я: *Нет, нет, я могу дойти. На улице все еще будет светло.*

Откидываю плед и встаю, подхожу к своему шкафу и заглядываю внутрь.

Эшли: *Декер Драйв, 2213*

Я примерно знаю, где Декер Драйв.

Я: *Это дом?*

Эшли: *Безусловно.*

Безусловно.

Кто так говорит?

Я: *Буду в шесть.*

Я стараюсь, чтобы это звучало не слишком восторженно, но дело в том, что я отчасти взволнована.

Эшли: *Это свидание.*

Но это не так. Он просто дразнится.

Я: *Это макароны с порошкообразным сыром, а не свидание.*

Он еще не одет.

Не совсем.

Конечно, на нем рубашка и штаны — но рубашка не застегнута, а штаны опасно низко висят на бедрах, и я сглатываю при виде его влажных волос.

Редкие волосы на его груди.

Босые ноги.

Татуировки, покрывающие его гладкую ключицу.

Один шрам.

Два.

— Привет. — Эшли распахивает дверь достаточно широко, чтобы я могла войти внутрь, в настоящую прихожую.

Прихожая?

Она ни в коем случае не огромная, но это необычно для любого жилья за пределами кампуса. Здесь даже есть маленький столик сбоку с подставкой для ключей, над которым висит зеркало.

— Только что вышел из душа, извини за беспорядок. Кухня вон там, дай мне секунду, и я сейчас вернусь.

Дай мне секунду. Эш звучал бы как обычный американский студент колледжа, если бы не шикарный акцент.

Определенно не похоже на Элизу Дулиттл с ее кокни, скорее на принца Уильяма.

Утонченный.

Элегантный.

Инстинктивно я нахожу кухню — она на обычном месте — через формальную столовую, заваленную спортивным снаряжением, брошенным на обеденный стол.

В задней части дома я мельком вижу его грузовик, припаркованный на подъездной

дорожке рядом с окном.

Я в замешательстве.

Почему он живет здесь? Большинство студентов колледжа снимают дома-гадюшники — дома, которые следует признать небезопасными. Дома, которые домовладельцы запустили до ужасного состояния потому что... в них живут студенты колледжа, а им (домовладельцам) на это наплевать.

Однажды у моих друзей Кэт и Брук в доме была летучая мышь. Как вы думаете, хозяин позаботился о том, чтобы ее убрали?

Нет.

Им пришлось самим выгонять ее с помощью теннисных ракеток и нескольких отважных парней из братства.

Этот же дом ни дня в своей жизни не видел летающих грызунов.

Я ставлю пакет с продуктами, который держу в руках, на кухонный островок, оглядываясь по сторонам.

Темное дерево.

Столешницы из черного камня.

Полы из твердых пород дерева.

Пространство невелико, но очень аккуратное и только добавляет несколько новых слоев в образ Эшли Драйден-Джонса.

Я распаковываю пакет с продуктами: три коробки макарон с сыром.

Полгаллона молока.

Одна пачка соленого сливочного масла.

Хот-доги, потому что, почему бы не подсластить полноценный американский опыт?

Я также добавила маленькую упаковку шоколадного молока и принесла еще кое-что, что вряд ли он пробовал: апельсиновый шербет.

Классика детства, по крайней мере, в моем доме, когда я росла.

Признаю, что комбинация немного отвратительная, но он может съесть их позже, я угощаю.

Роясь в поисках кастрюли, я нахожу одну и наполняю ее водой, зажигаю конфорку на плите. Довожу воду до кипения, ожидая, когда появится Эш, на этот раз полностью одетый (вот только, если честно, полуголый Эшли — чертовски привлекательное зрелище).

Стою спиной к двери, когда он входит на кухню, и замираю с деревянной ложкой в руке, когда поворачиваюсь.

Он побрился.

Не совсем — у него все еще есть волосы на лице, — но парень определенно привел в порядок загривок на шее и щеках, волосы на лице стали более аккуратными, чем были, когда он открывал дверь.

Эшли сменил штаны на шорты.

Ноги все еще босые.

Волосы все еще влажные, зачесаны набок.

Мило.

Очень мило.

Он улыбается мне, подходя ближе.

— Чувствуй себя как дома, — дразнит он.

Ха-ха.

— Извини, просто хотела быстрее приняться за дело.

— Приняться, — повторяет он. — Это южное слово?

— Нет. Обычное слово.

Я краснею.

Он садится на стул у стойки.

— Тебе нужно... какое-нибудь содействие?

Содействие.

Обычный парень сказал бы: «Тебе нужна помощь?»

Настолько правильно, что заставляет меня еще больше задуматься о его воспитании — откуда он, кроме Суррея, Англия.

Я не спрашиваю.

Вместо этого возвращаюсь к кастрюле с водой.

— Все в порядке. Это несложно.

И совсем нездоровая пища, я могла бы добавить. Последнее, что кому-либо из нас следует употреблять, если мы следим за своим рационом ради занятий спортом, хотя ему, вероятно, приходится потреблять тысячи калорий, сжигая их во время своих матчей.

— Что это такое?

Я поворачиваюсь и вижу, как он размахивает пачкой хот-догов.

— Хот-доги.

— О. — Он поворачивает упаковку то так, то эдак.

— Ты это серьезно? Все знают, что такое хот-дог.

Кроме того, это написано на упаковке. Или подождите, может быть, там написано «Болл Парк Фрэнкс»^[7]...

— Никогда такого не пробовал. — Его единственный ответ.

— Так и думала, поэтому и принесла их. — Очень умно с моей стороны. И очень любезно.

— Выглядят чертовски отвратительно.

— Ну, спасибо.

— Я не говорил, что ты выглядишь чертовски отвратительно, расслабься. Я сказал, что сосиски такие.

Я смотрю на него, протягивая ложку.

— Пожалуйста, не говори «сосиска»^[8].

— Почему? — Он смеется, показывая щербинку между зубами.

— Сам знаешь почему.

— Нет, на самом деле, не знаю.

— Ну, сосиска... это как... — Я не могу сказать «пенис», становясь пунцовой, когда парень выжидающе смотрит на меня, ожидая, когда я закончу свое предложение.

Пусть даже не надеется.

Вода закипает, я вскрываю все три коробки «Мак-н-чизз», вынимаю пакетики с приправой и высыпаю туда всю лапшу.

— Серьезно, Джорджи? Три коробки?

Я приподнимаю бровь.

— Поверь мне, я сама могу съесть целую коробку. На двоих три коробки самое то.

— Плюс эти сосиски. — Он все еще держит их в руках. — Что ты собираешься с ними

делать?

— Нарезу их и положу в кастрюлю, как только макароны будут готовы.

— М-м-м, вкуснятина. Я почти чувствую, как мое тело отвергает механически обработанное мясо. Какой я счастливчик.

Это заставляет меня засмеяться.

— Твое тело определенно что-то почувствует после того, как съешь это.

— И вы едите это дерьмо?

— Выросла на этом, — говорю я с улыбкой. — Это был основной продукт в доме Паркеров. Моя мама работала полный рабочий день, когда я росла. — Я останавливаюсь, чтобы посмотреть на него. — А как насчет твоих родителей? Твоя мама работала?

Кажется, он колеблется, подбирая слова.

— Нет, мама не работала.

— Так она была мамой-домоседкой?

Он моргает.

— Можно и так сказать.

Это странный ответ.

— А как насчет твоего отца?

Он кивает.

— Инвестиции.

Его ответ краток.

— Значит, твоя мама, должно быть, готовила еду каждый вечер, раз уж она была дома.

Эшли наблюдает за мной еще несколько секунд.

— Не совсем.

Я кладу ложку и прислоняюсь к столешнице.

— Что значит «не совсем»? Ты только что сказал, что она была домохозяйкой.

— Нет, это ты так сказала.

Но он не стал этого отрицать.

— Знаешь, что у меня сейчас к тебе миллион вопросов, не так ли?

Эшли откидывает голову назад, когда смеется.

— Можешь спросить, но это не значит, что я отвечу.

Умник.

Я протягиваю руку, чтобы он мог передать мне упаковку хот-догов, открывая ящик за ящиком на этой полностью укомплектованной кухне в поисках ножа или ножниц.

Разрезаю упаковку, положив на разделочную доску, которую нашла прислоненной к задней панели.

Достаю пять хот-догов и начинаю нарезать их на небольшие кусочки. От ностальгии у меня слюнки текут, а восторг от этого детского блюда нарастает.

— Не думала о кулинарной школе? — раздается его забавный комментарий, когда я режу.

Ха-ха. Большой парень — комик.

— Не смейся, пока не попробуешь. — Я замечаю, что шербет все еще на острове, вероятно, наполовину растаявший. — Черт. — Я указываю на фруктовый десерт. — Не мог бы ты положить это в морозилку, пожалуйста?

— Дай угадаю, тема этого грандиозного мероприятия — апельсиновый цвет?

Я снова закатываю глаза, не оценив его сарказм по поводу моих попыток сделать что-

нибудь веселое.

Не обращая на него внимания, я отмеряю масло и молоко, нахожу дуршлаг для процеживания лапши.

Наливаю ему стакан шоколадного молока. Подвигаю его через стойку, как бармен.

— Прибереги до ужина, — предупреждаю я. — Кроме того, это отлично помогает от похмелья. — Я подмигиваю.

— Принято к сведению.

Думаю, он дразнит меня, но трудно сказать наверняка. У Эшли Драйден-Джонса бесстрастное лицо, как ни у кого другого — осмелюсь сказать, что оно лучше моего — и он не боится этим пользоваться.

— Твой дом меня удивил, — говорю я, доставая две миски из шкафчика.

— Почему?

— Потому что. Здесь... намного приятнее, чем то, к чему я привыкла. — Этот дом не так далеко от кампуса, чтобы быть частью жилого района — района, в котором вы не найдете ни одного живущего студента.

— О. — Он замолкает на несколько секунд. — Мама нашла его. Э-эм, думаю, с помощью риелтора. Мне позволили пожить в общежитии только семестр... сказали... что я...

Его фраза обрывается.

— Сказали, что ты... что?

Эшли делает вдох.

— Сказали, что я достаточно пожил в общежитиях и должен жить в настоящем доме, если не собираюсь учиться дома. Думаю, мама чувствовала себя виноватой.

— Виноватой?

— Я не жил дома с тех пор, как мне исполнилось десять.

Мои глаза чуть не вылезают из орбит.

— Что?! Почему?

— Школа-интернат. — Парень пожимает массивными плечами. — Ничего страшного, Паркер, иногда такое бывает.

Паркер.

Он назвал меня по фамилии.

Это хорошо или плохо?

Эшли

Джорджи замирает, когда я называю ее по фамилии; я поддразниваю, но она этого не знает, ее щеки приобретают уже знакомый оттенок розового.

Я сильно смущаю ее.

Ненарочно. Просто ее так легко вывести из себя.

— Школа-интернат — обычное дело, но мама думала, что после окончания я возьму годичный перерыв и буду жить дома. Думаю, она ожидала, я не знаю, делать то, что делают мамы, например, готовить для меня и суесться, не то чтобы она когда-либо готовила для меня.

— Почему ты не взял перерыв?

— Перерыв просто продлевает неизбежное, не так ли? Я знал, что хотел изучать. Мне не нужен был год, чтобы заниматься самоанализом или путешествовать.

Пустая трата времени, хотя большинство моих товарищей сделали именно это, все они теперь на год или два отстают от меня в получении своих дипломов.

Я хочу работать, а не сидеть на заднице.

И я не могу играть в чертово регби всю оставшуюся жизнь.

— В этом есть смысл. — Джорджи вздыхает. — Тебе нравится жить одному? — Таков ее следующий вопрос. Маленькая шалунья просто ничего не может с собой поделать.

Такая любопытная.

— Я не возражаю против этого. — Но иногда мне одиноко. Я просто не привык к этому. После многих лет жизни в общежитии с сотнями других парней, а затем в университетском общежитии, пребывание в одиночестве в доме, безусловно, это...

Тихо.

Не возражал бы против соседа по комнате, хотя желательно, чтобы это был не один из придурков, с которыми я дружу.

Неряшливые. Нечистоплотные.

Уолли Файнштейн пытался уговорить меня сдать вторую спальню, но я был в нынешней квартире Уолли, и это свинарник.

Грязная дыра.

Нет, точно нет.

Если бы у меня был сосед по комнате, это был бы кто-то аккуратный, кто убирал бы за собой, кто, возможно, даже был бы готов, я не знаю, кормить меня время от времени.

— Почему ты вдруг замолчал? — спрашивает Джорджи, снова уставившись на меня.

Я моргаю в ответ на нее.

— Ничего.

Она смеется.

— Я не спрашивала, что случилось, я спросила, почему ты замолчал.

У нее милый смех, такой же, какой я считаю ее.

Возможно?..

Нет.

«Она не будет жить здесь, ты, чертов ублюдок. Выбрось это из головы».

Но она заперта в проклятом общежитии и ухватилась бы за возможность выбраться оттуда.

«О, ты теперь добрый самаритянин, да? С каких это пор?»

Я крепко сжимаю губы.

— Ты странный человек, Эшли Джонс.

Просто Джонс.

Она явно ничего не знает о британской голубой крови, если собирается лишить меня части фамилии.

Я внимательно наблюдаю, как Джорджи суетится на кухне, вытаскивая посуду из ящичков и салфетки из подставок, добавляя к ужину молоко, масло и пакетики порошкообразного сыра.

Это не может быть хорошо для нас.

Она кладет сосиски в кастрюлю и смешивает все это вместе, в одну клейкую массу.

Мама бы под страхом смерти не приготовила бы такое. Или, вернее сказать, не позволила бы повару приготовить.

Мама не очень хороший повар — сомневаюсь, что она даже знает, как кипятить воду, — но могу с гордостью сказать, что я овладел этим искусством в общежитии Стоу, частной школы, где провел половину своей жизни.

Передо мной появляется миска, от которой исходит пар и...

Подозрение.

— Вот вилка и ложка. Не уверена, что ты предпочтешь. Я люблю есть вилок, — бормочет она. — Приятного аппетита!

Джорджи пристально смотрит на меня.

Очевидно, ждет, когда я попробую первый кусочек.

Я неохотно беру вилку.

— Захвати хот-дог, — советует она.

Я протыкаю кусочек зубцами.

— Такая властная.

Джорджи пожимает плечами.

Съезжившись — потому что, конечно, это меня убьет, — я подношу вилку к губам и кладу кусочки в рот, закрывая, чтобы прожевать.

Это попадает мне на язык.

Хмм.

Сыр.

Соленая сосиска.

Лапша.

Накальваю еще кусочек, нуждаясь во второй попытке для надлежащей оценки.

Кладу в рот.

Жую.

Хм. Не так уж ужасно.

Джорджи ждет, когда я что-нибудь скажу. Что-нибудь.

Еще не попробовала ни кусочка от своей порции.

— Ну?

Как будто она шеф-повар, отмеченный звездой Мишлен, ожидающий, когда критик оценит ее таланты.

Я медленно киваю.

— Неплохо.

Ее брови с надеждой приподнимаются.

— В самом деле? Не противно?

— Поверь мне, я бы сказал, если бы мне не нравилось.

— Хорошо. — Счастливая, она начинает ковыряться в своих макаронах с сыром.

— Ты сказала, что часто это ела?

— В детстве, да.

— Хм. — Это было бы идеальной едой в общежитии в Стоу, когда я был мальчиком.

Легко. Несколько ингредиентов.

Кастрюля. Вода.

Сливочное масло.

Молоко.

Все просто.

Я случайно издаю довольный звук «М-м-м», который приводит Джорджи в восторг.

— Ура! — практически визжит она. — Я так счастлива, что тебе нравится.

— Полегче, тигрица, — говорю ей с набитым ртом, что грубо даже для меня. — Я сказал, что мне нравится — я не сказал, что хочу на этом жениться.

Прошло много времени с тех пор, как мне приходилось использовать манеры, вбитые в меня мамой и уроками поведения в школе.

Проклятый этикет — последняя чертова вещь, которую подросток хочет изучать, поэтому мы не очень спокойно сидели на уроках.

На этих скучных курсах было заработано много штрафных баллов.

Джорджи делает глоток шоколадного молока, и я делаю то же самое, поднося стакан к губам.

У меня и этого тоже не было.

Делаю большой глоток.

Оно холодное и очень вкусное. Ням.

Выпиваю залпом весь стакан, облизывая губы.

Джорджи сияет.

— Я боялась, что отравлю тебя. Я так рада, что тебе нравится, даже хот-доги.

— Сосиски?

— Остановись. — Она добродушно смеется. Интересно, бывает ли у нее когда-нибудь плохое настроение; Джорджи всегда кажется веселой. Бодрой.

За исключением того первого вечера, когда мы встретились — в ту ночь она определенно выглядела так, будто собиралась описаться.

Съев остатки того, что было в миске, плюс остатки того, что было в кастрюле, я встаю со своего места и убираю со стола, чтобы сполоснуть посуду в раковине.

— Ты не обязан этого делать, — говорит Джорджи с беспокойством в голосе.

Но она не горничная и пришла сюда не для того, чтобы убирать за мной.

— Ты готовишь, я убираю.

——— Девушка улыбается, прикусывая нижнюю губу.

Тем вечером, еще долго после того как девушка ушла, я лежу в постели, думая о соседке по комнате, а потом о ней.

Джорджи.

Соседка по комнате.

Соседка по комнате Джорджи.

Если бы она переехала, ничего бы не случилось. Она была бы вне пределов досягаемости.

Почему?

Ты уезжаешь, и она тоже — она не хочет отношений.

Тем более с тобой.

Так ли это?

Понятия не имею.

Покончив с ужином, мы сели во внутреннем дворике рядом с небольшой ямой для костра, которую я сделал из блоков из магазина «Хоум Дипоу»^[9], смеясь над нашими родителями, друзьями и товарищами по команде.

В основном над ее товарищами по команде.

Звучало так, будто они идиоты.

Быть с девушкой — это совершенно не то же самое, что тусоваться с парнями.

Это было спокойно.

Мило.

Джорджи рассказала о том, что почти никого не знает здесь, но подружилась с Наллой и Прией из нашего бизнес-класса. Как ей скучно и одиноко в общежитии...

Я хватаю мобильный с тумбочки, прежде чем успеваю передумать.

Я: Я тут подумал.

Джорджия: О боже. Это звучит серьезно.

Я: Я серьезно.

Джорджия: Это была фигура речи. Ты такой буквальный.

Джорджия: Что у тебя на уме, Джонс?

Я: Я тут подумал — а если бы ты жила со мной?

Джорджия: ЛОЛ

Я: Что тут смешного?

Джорджия: Ты. Это было так случайно и появилось из ниоткуда. Ты пьян???

Я: Я лежу и думаю об этом, и это имеет смысл.

Джорджия: Э-эм... что? Я тебе даже не нравлюсь. Почему ты хочешь, чтобы я жила с тобой?

Я: Кто сказал, что ты мне не нравишься? Ты накормила меня. Все прощено.

Джорджия: Тогда с тобой слишком легко...

Я: Большинство парней такие.

Джорджия: Ты сейчас серьезно? Ты же знаешь, я не могу просто съехать из общежития. Я плачу за то, чтобы быть здесь.

Я: Ты добровольно платишь за то, чтобы спать, мыться и есть в одной комнате, возможно, с двухъярусной кроватью.

Джорджия: Я не КУПАЮСЬ в своей комнате.

Я: Верно. Ты принимаешь душ в общей комнате в стрингах.

Джорджия: Я не ношу стринги в душе!

Я: Обувь. Обувь для души.

Джорджия: О. Ты это имел в виду под стрингами ^{ЛОЛ}?

Я: Да.

Джорджия: Туше.

Я: Я не шучу.

Джорджия: Извини, ты свалил это на меня из ниоткуда; я все еще не уверена, что это не розыгрыш.

Я: Неужели я выгляжу так, будто способен на такой сложный трюк, как этот? Это ты увлекаешься дедовщиной — я не занимался этим со средней школы.

Джорджия: Ну и дела, ты все продолжаешь поднимать эту тему.

Я: Правда освободит тебя.

Джорджия: Я бы согласилась жить с тобой только в том случае, если бы арендная плата была равна или меньше той, во что она мне обходится сейчас, плюс коммунальные услуги. Я реально... на мели.

На мели.

Это на сленге означает «стеснена в средствах»?

Наверное.

Хотя мне слишком лень гуглить это.

Джорджия: Я не знаю, сколько это выходит в месяц, нужно подсчитать. Я ужасна в математике.

Я: Хорошо.

Джорджия: Эм. Сколько ты рассчитывал получить по аренде?

Я: Я не продвинулся так далеко в своем грандиозном гениальном плане.

Джорджия: ЛОЛ. Что ж, когда разберешься с этим, дай мне знать.

Я: Хорошо. А пока займись подсчетами.

Джорджия: **закатывает глаза**

Я: Тебе лучше прекратить закатывать глаза, иначе они там так и останутся.

Джорджия: **подмигивает** Увидимся в классе.

Джорджия

Я болтаю с Наллой и Прией, когда Эшли плюхается на сиденье позади меня, задевая длинными ногами спинку моего сиденья.

Его ноги раздвинуты — он должен их раздвинуть, иначе просто не поместится — его колени так высоко над спинкой моего сиденья, что я бы ударилась о них головой, если бы откинулась назад.

Прия подталкивает меня ногой, приподняв брови.

Что-то нацарапывает на листе блокнотной бумаги и пододвигает его в мою сторону.

«Он запал на тебя».

Я закатываю глаза. Нет, не запал. Что заставило ее сказать это?

О, да. Я ушла с ним с вечеринки в прошлую пятницу. Не то чтобы что-то случилось... но девочки и их активное воображение.

Когда расскажу им, что он пригласил меня жить с ним, они точно взбесятся.

За последние несколько недель, с тех пор как начались занятия, я сблизилась с этими двумя, не желая проводить со своими товарищами по команде больше времени, чем необходимо.

Когда профессор начинает свою лекцию в передней части аудитории, и мы уделяем ей все наше внимание, я все еще хорошо осознаю присутствие Эшли позади меня.

Это все равно, что сидеть спиной к стене, за исключением того, что она дышит и взглядом сверлит дырки у меня в затылке.

Я знаю, что он наблюдает, потому что чувствую это.

Я: *Перестань пялиться мне в затылок.*

Эшли: *Я не пялюсь.*

Я: *Хорошо, что только что сказала профессор?*

Я сама этого не знаю, потому что тоже не обращаю внимания, но ему необязательно это знать.

Эшли: *Что-то о бизнесе.*

Ха! Я знала это. Он не слушает.

Я: *ЛОЛ. Хватит пялиться мне в затылок. Неужели ты думаешь, что я хотела бы жить с жутким типом, который так поступает? Могу представить, как просыпаюсь и вижу, что ты сидишь в кресле в углу комнаты и смотришь, как я сплю.*

Эшли: *Это чертовски странно, и этого бы не случилось. К тому же во всех спальнях есть замки.*

Эшли: *Может быть, мне пришлось бы остерегаться ТЕБЯ. Откуда мне знать, что ты не извращенка?*

Я: *Возможно. Кто знает?*

Я хихикаю. Это даст ему пищу для размышлений.

И кроме того, на его месте меньше бы беспокоилась о том, что я извращенка, и больше о том, что потенциально могу быть убийцей. Он ведь не знает, вдруг я не в своем уме.

Я сижу прямо, словно проглотила шомпол, уставившись перед собой, изо всех сил стараясь слушать лекцию. Профессор и ее ассистент дают нам задание для работы в наших группах — мы должны взять повседневный предмет, которым все пользуемся, и создать бизнес-план по его продвижению на рынок — и я делаю заметки.

Я не слышу за спиной скрипа ручки или стука клавиш ноутбука, поэтому поворачиваю голову. Неужели Эшли не волнуется, что у нас есть конкретные задачи, которые необходимо выполнить для этого проекта?

— Почему ты не делаешь заметки? — шиплю я, и это звучит как раздражение.

Он корчит гримасу.

— Я сделал снимок на свой мобильный. — Он поднимает свой телефон, показывая мне экран. — Разве не все так делают?

Он действительно сфотографировал заметки, которые ассистент профессора вывела на стену с помощью проектора.

Ох.

Хорошо.

Думаю, это облегчило бы жизнь — гораздо больше, чем кропотливое написание всего этого от руки, как приходилось делать моей маме, когда она училась в колледже.

Я краснею, смущенная собственной наивностью.

Я всегда делала это таким образом, ни разу не подумав сфотографировать дурацкую доску в передней части комнаты, чтобы не пришлось делать настоящие заметки.

Эшли хихикает у меня за спиной.

Эшли: Эй.

Я: Что?

Эшли: Ты рассматривала возможность расторжения договора аренды с университетом?

Я: Эм. Еще нет.

Эшли: Хорошо, что я погуглил это для тебя. Решил, что тебе будет лень.

Я: Ну, спасибо.

Эшли: Я не ошибся, правда?

Эшли: Все, что тебе нужно сделать, это изложить все в письменной форме и заполнить договор о расторжении за 30 дней, и они должны его одобрить. Есть небольшой штраф, но он нестрашный. Я мог бы вычесть его из твоей арендной платы за первый месяц.

Почему он это делает?

Почему его это вообще волнует?

Это почти как... теперь, когда идея засела у него в голове, парень не собирается отпускать ее, он одержим и полон решимости заставить ее сработать.

Я: Эм. Это все?

Эшли: Кроме уборки и проверки комнаты. Кажется довольно просто.

Ну, да, конечно.

Ему легко говорить. Это не он потенциально собирается переехать. Не ему нужно поговорить с родителями о возможности переезда к парню.

Мои родители...

Совсем забыла о них и о том, как они отреагируют, хотя они доверяют мне, так что, возможно, это не имеет большого значения?

Я никогда не была помешана на мальчиках. Большую часть своего времени уделяла спорту и учебе, а не своей личной жизни, которой последние два года практически не существовало.

На первом курсе я недолго встречалась с Кэлвином, но порвала отношения, когда он начал давить на меня, чтобы я занялась с ним сексом.

Чертов Кэлвин — просто не мог позволить событиям развиваться естественным путем.

Придурок.

Я больше не повторю эту ошибку, мне нельзя отвлекаться. Не дай Бог мне застрять в этом университете дольше, чем необходимо, потому что я позволю себе потерять концентрацию.

Ужасно.

Эшли: Штраф стоил бы того, чтобы временно остаться на мели и жить в настоящем доме, а не в общежитии.

Я поворачиваюсь на своем месте, чтобы поглазеть на него.

— Не мог бы ты перестать гуглить то, что относится к моей жизненной ситуации?

— Я пытаюсь тебе помочь.

— Нет, ты пытаешься помочь себе с новым соседом по комнате. — Я не хочу говорить ему, что не смогу позволить себе аренду и штраф, если съеду из общежития. Эти слова слишком неловки, чтобы произносить их вслух.

Эшли привилегированный — любой, у кого есть пара глаз, может это увидеть, и это непросто правильная речь. Это осанка и манеры, и теперь, когда я была у него дома...

Я не знаю, какую жизнь он ведет дома, в Великобритании, но она определенно отличается от моего воспитания в среде среднего класса.

— Нет, я пытаюсь тебе помочь.

Почему он такой упрямый? И почему его волнует, живу я с ним или нет? Не похоже, что мы что-то знаем друг о друге, хотя я накормила его и ходила к нему домой.

Возможно, он как бродячий кот — как только вы его кормите, он продолжает возвращаться.

— Прекрати спорить со мной, — отвечаю я приглушенным шипением.

— Ты хочешь жить со мной или нет? — ворчит он, поудобнее устраиваясь в тесном кресле.

— Откуда мне знать? Я не попала на грандиозную экскурсию — я была только в прихожей и на кухне.

Я даже не ходила в туалет, хотя мне нужно было пописать, когда была там. Боялась, что пукну или сделаю что-то такое же отстойное, а какой девушке нужна такая репутация?

— Тогда приходи, и я покажу тебе окрестности, — шепчет он, наклоняясь так, чтобы быть у моего уха. — Что делаешь сегодня вечером? У меня есть время.

Прия толкает меня коленом, все еще глядя прямо перед собой, притворяясь, что слушает профессора, хотя я знаю, что она подслушивала нас все это время.

Какая здравомыслящая девушка не стала бы этого делать?

— Я ужинаю с Прией и Наллой...

Я получаю удар в грудную клетку острым локтем.

— Она свободна, мы сегодня не будем ужинать — никто не голоден, — торопливо сообщает нам моя новая подруга.

Не будем сегодня ужинать?

— С каких это пор?

— Поскольку никто не голоден.

Я непонимающе смотрю на нее. Что она делает, играет в сваху?

Мы не собираемся встречаться, Эшли и я. Потенциально мы будем соседями по комнате — нет необходимости сводить нас вместе.

Она ведет себя так странно.

— Может быть, поужинаем завтра вместо этого, да? — Она начинает игнорировать меня, не очень деликатно передавая Налле записку в олдскульном стиле, на листе бумаги, сложенном треугольником.

Кто все еще так делает?

— Тогда все решено. — Эш кивает. — Придешь около шести?

Профессор заканчивает свою лекцию, и загорается свет, все встают, чтобы уйти, включая Эшли и моих одноклассников.

— Я не соглашалась приходить! — говорю ему в спину, Прия и Налла подходят и смотрят на меня широко раскрытыми глазами.

— Что ты делаешь? Замолчи!

— Что? Я не хочу идти к нему...

Налла закатывает глаза.

— Прекрати, ты хочешь, просто не хочешь этого признавать. — Она хватается за мою руку и ведет по проходу. — Сделай нам всем одолжение и посети эту дурацкую экскурсию. Теперь мы живем опосредованно через тебя.

Я понижаю голос.

— Я не встречаюсь с Эшли Драйден-Джонсом, и я, конечно, не встречалась бы с ним, если бы жила с ним. Вы обе сумасшедшие.

— Если не пойдешь к нему домой сегодня вечером, то ты для нас покойник. — Прия задирает нос. — Он искал информацию для тебя в гугле — какой парень так делает?

Мы выходим из лекционного зала, Брайана, Джамала или Эшли нигде не видно.

— Кто так делает? Вмешивающиеся опекающие друзья, вот кто.

— О, так вы теперь друзья?

— Можешь пригласить его на следующую пижамную вечеринку? — Налла смеется. — А еще лучше, можешь пригласить нас на следующую вечеринку с ночевкой, когда устроишь ее у него дома, когда переедешь.

— Тьфу, он живет недостаточно близко к кампусу. Мне придется везде ходить пешком, — протестую я, пытаюсь вытащить протеиновый батончик из своего рюкзака.

— Ходить? Зачем? Можешь бегать. Разве ты не в легкоатлетической команде?

— То, что я состою в легкоатлетической команде, не поможет мне быстро добираться до кампуса из того дома за пределами кампуса.

— Эм. Из твоего шикарного дома за пределами кампуса! — Налла снова смеется. — Разве ты только что не закончила рассказывать нам, как там было великолепно, и теперь он просит тебя переехать к нему, чтобы ему не было одиноко?

— Он никогда не говорил, что ему одиноко. — Я чувствую необходимость поправить ее, хотя, честно говоря, верю, что одна из причин, по которой Эшли попросил меня переехать, действительно заключается в том, что ему одиноко.

Наверное, скучно.

— Пожалуйста, мы все знаем, что ему скучно. Вероятно, он еще и педантичный, если предпочитает жить с девушкой, а не с одним из тех шутов из команды по регби, с которыми тусуется.

Прия откидывает свои черные блестящие волосы.

— Это просто означает, что он умный.

— Этот парень такой самоуверенный, он знает, что ты появишься в шесть, хотя ты сказала, что не пойдешь.

— Мы все знаем, что она появится в шесть. — Прия ухмыляется. — Джорджия никого не обманет.

Налла ахает.

— Эй, может быть, нам стоит пойти с тобой?

— Нет! Вы не пойдете со мной.

Налла хихикает.

— Итак, хочешь сказать, что все же пойдешь к нему домой?

Я вижу, что она делает.

— Мы могли бы сказать, что нам нужно поработать над классным проектом, — добавляет Прия свое собственное ужасное предложение.

Я яростно качаю головой.

— Сначала вы хотели пижамную вечеринку, теперь хотите прийти и сделать классный проект у него дома? Вы, черт возьми, не в своем уме.

— О боже мой, мне нравится, когда ты говоришь по-южному.

Я закатываю глаза и машу рукой, когда мы выходим на развилку. Им двоим в одну сторону, а мне — в другую.

Мой телефон звонит, когда я делаю первый шаг в общежитие, место, которое я буду называть домом в течение следующих нескольких месяцев и нерешительно достаю его из кармана.

Стону.

Эшли: *Итак, в 6?*

Я: *Ты такой раздражающий. Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил это?*

Эшли: *Нет.*

Я: *Мне трудно в это поверить.*

Эшли: *Раздражающий — это другое слово для настойчивого?*

Я: *Только ты мог бы использовать такое слово.*

Эшли: *Только тебя оскорбило бы хвастовство.*

Я: *Я НЕ ОСКОРБИЛАСЬ.*

Между сообщениями долгая пауза, целых семь минут, прежде чем он отвечает снова.

Эшли: Увидимся в шесть.

Закатив глаза, я сканирую свою карточку-ключ и открываю входную дверь. Мне нужно убраться в комнате, поэтому беру пылесос на стойке регистрации и тащу его вверх по лестнице на третий этаж.

Слава богу, я в форме.

Пинг!

Еще одно сообщение.

Эшли: Хочешь поесть, когда будешь здесь? Я могу что-нибудь заказать.

Подождите.

Он готов заказать мне еду?

Ладно, может быть, я могла бы заскочить ненадолго. Меня не убило бы, если бы я огляделась и получила бесплатную еду в процессе.

Девушке нужно есть.

Я бросаю ключи на свой крошечный стол, когда захожу в свою комнату, сумка падает на пол, проверяю часы на запястье.

Несколько часов до ужина и экскурсии — идеальное время, чтобы вздремнуть. Уборке придется подождать.

Скидываю туфли, и падаю на кровать.

Закрываю глаза.

Через несколько минут снова открываю только для того, чтобы уставиться на пружины кровати надо мной. Эшли был прав насчет двухъярусных кроватей.

Я сплю на нижней, используя верхнюю как хранилище для всякого хлама, сваливая туда вещи, для которых нет места или которые занимают слишком много ценной площади в этой крошечной комнате.

Представляю, что у меня есть целый дом.

И настоящая кухня, где я могла бы готовить, покупать здоровую пищу и хранить ее в настоящем холодильнике.

В холодильнике в общежитии ничего нет. Ничего, кроме бутылок с водой и маленьких компактных вещей, когда на самом деле мне хочется купить сельдерей, морковь и гигантские хрустящие яблоки.

Я вздыхаю, переворачиваясь на матрасе, уставившись в свой шкаф — тот, что всего в метре от меня. Смотрю на стопку обуви, на полтора метра свободного пространства, на банные полотенца, сложенные на верхней полке.

Это как жить в спичечном коробке.

Я не жалуясь, просто... Чувствую себя слишком взрослой для этого, ведь я жила в общежитии, когда была первокурсницей. Мне двадцать один год; я не должна возвращаться вспять. Предполагается, что я должна двигаться вперед.

Но...

Переехать к парню, которого я едва знаю — это не решение.

Это было бы импульсивно и...

И...

И...

Я ломаю голову, выстраивая аргументы и споря сама с собой.

«Не будь сексисткой, Джорджия».

Просто потому, что он парень, это не значит, что нельзя переехать к нему. Мужчины и женщины могут быть платоническими соседями по комнате. Миллионы людей делают это каждый день.

Это единственное, что тебя сдерживает? Его пол?

Факт: если бы Прие или Налле понадобился сосед по комнате, я бы ухватилась за возможность съехать из этого места! Черт возьми, мое барахло было бы упаковано, и я бы вылетела за дверь еще до того, как они озвучили приглашение.

«Так почему же ты колеблешься?»

Потому что глубоко внутри я большая трусиха.

Лежу еще какое-то время, переписываясь с одной из моих товарищей по команде, Тришель, которой не было на вечеринке, когда я встретила Эшли, и которая хочет знать, какого размера футболку я хочу для заказа, который она делает вместе с одним из менеджеров.

Я сожалею, что не ушла тем вечером.

Все могло бы быть по-другому... если бы они не обращались со мной как с новичком. Если бы они не были неуважительными и... честно говоря, мерзкими — возможно, я смогла бы продержаться год, немного повеселившись с некоторыми из них.

Теперь я не хочу иметь с ними ничего общего.

Я хожу на тренировки, на соревнования, прихожу домой.

Тренировки, соревнования... и так по кругу.

Я перестала общаться со всеми ними после того первого пятничного вечера. Мне нечего им сказать, включая девушек, которые просто стояли и лениво наблюдали. Но правда в том, что больше всего на свете я все еще злюсь на себя.

Я должна была уйти, но не сделала этого.

Следовало бы послать их подальше, но я этого не сделала.

С самого начала мне вообще не следовало заходить в тот дом.

Какой я образец для подражания?

Если бы у меня был младший брат или сестра, мне было бы стыдно, если бы они узнали, как я себя вела.

Так стыдно.

Обычно я не такая унылая.

Это совсем на меня не похоже, и я задаюсь вопросом, не подавлена ли я решением приехать сюда, перевестись — не то чтобы сейчас с этим что-то можно было поделать.

Я заварила кашу, мне ее и расхлебывать.

И я все еще лежу здесь, беспокоящаяся, у меня миллион дел, которые нужно сделать, но нет мотивации делать их теперь, когда решено, что поеду к Эшли на этот так называемый ознакомительный тур.

Тур.

Ха!

Он мог бы показать мне все в прошлый раз, но не сделал этого. С другой стороны, тогда

ему не хотелось, чтобы я жила с ним, не так ли?

Должно быть, я приготовила волшебные макароны с сыром.

Вызывающие повышенный интерес.

Переодевшись из спортивной одежды, которая была на мне ранее, я меняю леггинсы на джинсы, а толстовку (с майкой с открытой спиной и спортивным бюстгалтером под ней) на более презентабельный свитшот.

Розовый.

Не такой свободный и менее мешковатый. Розовые кроссовки и на кого я пытаюсь произвести впечатление, надев симпатичную одежду? Господи.

Уже почти шесть часов, и, поскольку мне нужно идти пешком, я перекидываю лямку сумки через голову, поправляю ее на груди и засовываю внутрь ключ-карту и телефон. По пути к двери хватаю белую бейсболку и натягиваю ее на свои длинные прямые волосы. Я знаю, что выгляжу мило, и знаю, что парням нравятся девушки в бейсболке, но это не мой мотив, клянусь.

Э...

Да.

Мне требуется добрых десять минут, чтобы добраться к дому Эшли, пытаюсь по пути очистить свой разум, но это невозможно.

Когда парень открывает входную дверь, я знаю причину этого.

Вау.

Он такой милый.

Что... может стать проблемой. Как я должна жить с парнем, к которому вдруг тайно испытываю вожделение?

Дерьмо.

— Привет. — Я слабо машу ему рукой.

Эшли широко открывает дверь, чтобы я могла войти.

— Извини, здесь нет дворецкого, чтобы поприветствовать тебя получше.

— Очень смешно. Там, откуда ты родом, у вас, вероятно, есть дворецкий.

Тишина неловкая, говорящая сама за себя.

— Только не говори мне, что у тебя дома есть дворецкий.

Он кивает.

— Хорошо, не буду.

Кладу руку ему на плечо, чтобы он не ушел.

— Стой, быть не может.

Мне нужно больше деталей.

Он пожимает плечами.

— У нас большой дом, и там нет дверного звонка.

— У вас есть дворецкий, потому что в вашем доме нет дверного звонка. Ясно.

Как будто есть какой-то хороший ответ на это заявление.

Мы стоим в прихожей, и, в отличие от прошлого раза, я трачу время на то, чтобы беззастенчиво осмотреть свое окружение — в конце концов, именно поэтому я здесь.

Здесь мило.

Плиточный пол и лестница, ведущая на площадку второго уровня, с видом на пространство.

Новый бежевый ковер ведет на второй этаж, а все остальные полы выглядят как

паркетные. Столовая справа — которую я уже видела — официальная гостиная слева, которую он, похоже, использует как офис. В центре стоит письменный стол, обращенный к стене напротив большого панорамного окна, а в центре всего этого — настольный компьютер старого типа (в комплекте с системным блоком).

Классическая золотая люстра, свисающая сверху.

— Мистер Задавака, — поддразниваю я.

— Просто мистер Задавака, ищущий свою миссис Задаваку, — шутит он в ответ, хотя улыбка исчезает с его лица, когда Эшли понимает, что это звучит так, будто он ищет жену. — Э-эм.

Я нервно смеюсь, позволяя ему сорваться с крючка.

— Я знаю, что ты имел в виду.

Для меня это тоже неловко.

— Вон там столовая, — указывает он. — Это гостиная, или мой кабинет. Кухня вон там, но позволь мне показать тебе логово.

Логово.

Кто теперь говорит «логово»?

Мы проходим через кабинет, под арочным дверным проемом в помещение рядом с кухней, которое я не видела, когда обедала здесь в прошлый раз. Это утопленная комната с двойными раздвижными дверями и стенами, выкрашенными в темно-зеленый цвет. Мой взгляд падает на массивный телевизор, висящий над кирпичным камином.

Коричневый секционный диван.

Деревянный журнальный столик.

Много удобных на вид подушек.

Вся комната просто кричит: «Останься и обнимайся!», и у меня в животе возникает боль, когда я представляю, как холодными вечерами расслабляюсь в этой комнате после тяжелого дня на легкоатлетическом поле.

Может быть, даже перед горящим камином.

Я прочищаю горло.

— Мило.

Эшли фыркает.

— Это не мило, это по-мужски.

— Конечно.

Он выключает свет и пятится к выходу на лестницу.

— Я покажу тебе свободную комнату.

Это заставляет меня рассмеяться.

— Говоришь как настоящий домовладелец.

Парень не оглядывается на меня, просто продолжает подниматься по ступенькам на лестничную площадку, но я улавливаю тихий смешок. Он не смог этого скрыть, но попытался.

Комната, которую он мне показывает, больше, чем я ожидала — намного больше, чем вся моя комната в общежитии и...

— Вот ванная.

ЧТО ОН ТОЛЬКО ЧТО СКАЗАЛ?!

— Здесь есть ванная?

— Здесь нет ванны, только душ, но...

Кого это вообще волнует!

Я практически отпихиваю его со своего пути, направляясь в эту великолепную отдельную ванную комнату, мало чем отличающуюся от той, что есть у меня дома, в доме моих родителей.

Застекленная душевая кабина.

Раковина со столешницей приличных размеров для всей моей косметики и прочего хлама. Нижние шкафы для хранения.

Туалет.

По сути, это Тадж-Махал студенческой жизни — не многие люди могут претендовать на отдельную ванную комнату.

Остальная часть спальни меблирована, что является еще одним приятным сюрпризом и означает, что мне не придется искать мебель, экономя таким образом время, деньги и усилия.

«Вау, ты забегаешь вперед, Джорджия. Притормози».

Забегай, не забегай, но отдельная ванная соблазняет меня.

Моя собственная раковина?

Мой собственный душ?

— Какие еще сокровища ты прячешь от меня в этом доме? — Я хихикаю, возвращаясь из ванны в спальню.

— Шкаф?

О, мне и в голову не пришло заглянуть в шкаф!

В комнате есть еще одна дверь, и я подхожу к ней, бесцеремонно распахивая ее.

Ангелы поют: «Аллилуйя».

Снаружи начинают распускаться цветы, тучи в небе расступаются, и я упоминала о пении ангелов?

— Почему шкаф такой большой? — Я кружусь внутри, широко раскинув руки. Это намного больше, чем то, что мне нужно! У меня едва хватит вещей, чтобы заполнить половину!

Меня так и подмывает сделать колесо.

— Выглядишь так, словно вот-вот испытаешь оргазм, — говорит Эшли позади меня, заполняя дверной проем своим огромным телом.

Я, не раздумывая, бью его по руке.

— А ты не испытал бы?

Фу. Реально.

— Нельзя заговаривать о сексе со своим потенциальным новым соседом по комнате. Это пошло.

— Не я поднимал тему секса. Ты ведь знаешь, что необязательно заниматься сексом с кем-то, чтобы испытать оргазм, не так ли?

Он издевается надо мной, и я краснею от такого небрежного упоминания мастурбации.

Кстати, об этом...

Насколько тонки эти стены?

— Да, я знаю, что чтобы испытать оргазм, необязательно... заниматься сексом с кем-то. Я не вчера родилась. — И я не девственница, хотя с таким же успехом могла бы ей быть.

Я только что использовала слово «заниматься сексом» вместо «трахаться», что так по-британски звучит с моей стороны.

Интересно, начну ли я использовать британские слова в повседневной жизни, когда перееду к нему, или начну говорить с акцентом, как Мадонна, когда та жила в Лондоне?

Если я перееду к нему.

Если.

Эшли, кажется, доволен тем, что я довольна ванной, шкафом и спальней, грудь слегка выпячена, дерзкая ухмылка растянута на его губах.

— Думаю, мне больше нечего тебе показывать. — Он делает паузу. — Ой. Да, есть. Следуй за мной.

Обратно вниз по лестнице, через столовую, через кухню, через боковую дверь и мимо его грузовика, припаркованного рядом с домом.

Рядом с задним двором есть отдельно стоящий гараж, и Эшли набирает код на клавиатуре на двери, толкая ее, как только слышится звуковой сигнал и мигает зеленым.

Это небольшой домашний тренажерный зал.

Скамья для жима.

Штанги, гантели.

Гребной тренажер.

Беговая дорожка и эллиптический тренажер.

Вдоль задней стены расположены зеркала, другая стена выкрашена в угольно-серый цвет, на ней висит маркерная доска с его целями. Календарь. Графики. Рядом со всем этим другое оборудование: скакалки, эспандеры, коврики для йоги.

Здесь аккуратно.

Чисто.

Организованно.

— Эм. Что это?

Кто этот парень?

Он живет как мужчина за тридцать, у которого все под контролем и его жизнь идет своим чередом, и я никогда не была так сбита с толку.

Это так их воспитывают в Англии? Чтобы быть самостоятельным и самостоятельным, а не бездельничать, пока учатся в колледже, в отличие от своих американских сверстников, которые любят напиваться по выходным и тратить свое время впустую?

— Это тренажерный зал.

— Я вижу, что это тренажерный зал, я просто... вау. Это... безумно круто.

Я подхожу к скамье для жима и оседываю ее, ложусь на спину, сняв бейсболку, и смотрю в потолок.

Поворачиваю голову в сторону.

— Это холодильник с бутылками воды? — Это небольшой холодильник со стеклянной передней панелью, заполненный бутылками с водой и спортивными напитками.

— Да. Хочешь одну?

Эшли такой гостеприимный, и мне интересно, со всеми ли он так мил.

— Нет, спасибо.

Но серьезно.

Я впечатлена.

— Плата за вход не взимается.

— Я хожу в спортзал в кампусе, — язвительно усмехаюсь я. Веду себя как ребенок, потому что не уверена, что с собой делать.

— Да, но иногда там становится тесно или необходимый тренажер занят.

— Ну, на меня не действует твой пиар-ход. — Я оглядываюсь вокруг, изображая безразличие, как будто ежедневно вижу подобные домашние тренажерные залы в гараже. Честно говоря, я нигде и никогда не видела такого крутого домашнего тренажерного зала в гараже, даже по телевизору.

— Я констатирую факт. Если хочу потренироваться в десять вечера, то могу это сделать. Я хмурюсь.

— Если бы я тренировалась в десять, то бодрствовала бы до трех.

— Хм. Похоже, это объясняет, почему я не сплю до трех.

Парень подмигивает мне, прежде чем поднять что-то похожее на двадцатифунтовую гантель и начать делать упражнение на бицепс.

Мышцы рук напрягаются, и мне приходится отвести взгляд.

— Ты не мог бы остановиться?

Он выдыхает струю воздуха, как будто это напряженное действие.

Парень определенно выпендривается.

Эшли сгибает руку и целует выпуклую мышцу.

— Ты серьезно?

Когда он снова с ухмылкой сгибает руку, я теряю самообладание, раздражаюсь приступом хихиканья и практически падаю со скамьи. Наклоняюсь, беру свою бейсболку, водружаю ее обратно на голову.

Эшли кладет гантели обратно на стойку.

— Может, поедим?

Я думала, что он никогда не спросит, и мои уши наостряются.

Вот это уже другой разговор!

— Ты серьезно собираешься накормить меня?

Я не видела никакой еды, когда мы проходили через кухню, хотя пахло там вкусно.

— Да, нам обоим нужно заморить червячка.

Он реально пополнил словарный запас, живя в Штатах, и я мало, что знаю о его маме, но держу пари, что она не одобрила бы его сленг.

Снова войдя на кухню, Эшли направляется прямо к духовке, открывает ее и заглядывает внутрь.

Выпрямляется и выдвигает ящик, доставая две прихватки.

Как замороженная, я смотрю, как он достает сковороду из духовки: запеченная курица с овощами. Аромат ударяет мне в нос.

— Ничего захватывающего, но полезно для здоровья.

— Для меня изысканная любая еда, которая не из кафетерия или которую мне не нужно готовить самой. Я съем все, что угодно.

Он устанавливает сковороду на центральный островок.

— Это комплимент?

— Это... — Это был комплимент? — Просто говорю, что ценю то, что ты меня кормишь.

Эшли стоит ко мне спиной, пока достает посуду и хватает тарелки.

— Я научился готовить в школе.

— В школе-интернат?

Он помещивает овощи деревянной ложкой.

— Совершенно верно.

Кто говорит «совершенно верно» вместо «да»?

Этот парень.

— Ну, пахнет вкусно. — Я оглядываюсь по сторонам. — Чем помочь?

— Принесешь соль и перец?

Я вскакиваю, открываю шкафчик рядом с плитой, нахожу приправы. Размещаю их на острове, чувствуя, что мне нужно сделать больше.

Щелкаю пальцами.

— Салфетки!

— Спасибо.

— А как насчет воды? — спрашиваю я, выуживая стаканы из шкафа.

— Пожалуйста.

Эшли Джонс такой вежливый.

Более вежлив, чем любой человек, которого я когда-либо встречала, что только заставляет меня задуматься о его воспитании.

Школа-интернат.

Это должно означать, что его учили этикету? Этим они там занимаются? Прививают хорошие манеры?

Мне также интересно, что это за школа-интернат? У них же есть различные градации? Должно быть, есть, хотя у меня нет никаких знаний об этом. Я бы поискала в интернете, если бы хотела узнать о нем больше, но спуститься в кроличью нору прямо сейчас было бы странно, не так ли?

Мы едим в тишине после того, как Эшли накрывает стол для нас, оба умираем с голоду.

Жуем в тишине.

Совсем не странно не разговаривать — молчать легче, чем я могла бы подумать.

Комфортно.

По-свойски.

Так и должно быть?

Ужин, который он приготовил, вполне приличный: простая нежная курица, свежие овощи с фермерского рынка.

«Ага, как будто он пошел бы за овощами ради меня».

— У тебя действительно отличный дом, Эшли. — Я облизываю губы и вытираю их салфеткой, откидываясь на спинку стула.

— Но?

Даже не могу себе представить, сколько бы он хотел получить в качестве платы за аренду в таком месте, но спрашивать кажется так невежливо. Тот факт, что я слишком напугана, чтобы даже спросить, нелеп — это бизнес, а не личное. Какой дурак заключает договор, не зная деталей?

Я откладываю вилку.

— Но не думаю, что я могу себе это позволить.

Брови взлетают вверх, он повторяет мою позу, откидываясь на спинку стула и откладывая вилку.

— Откуда ты знаешь? Ты даже не спросила меня, какова арендная плата.

Я открываю рот.

Закрываю.

Я чувствую себя как рыба, выброшенная из воды, настолько не в своей тарелке.

Переговоры — не мой конек; цифры — не моя тема.

Я ужасна в математике, дробях и дебатах.

— Я просто предположила... — Я хочу спрятать голову, но спрятаться негде.

— Сколько ты платишь сейчас?

— Эм.

Эшли наклоняет голову, чтобы изучить меня.

— Джорджи, ты хотя бы пыталась разобраться в этом?

— Я ужасна в математике, — слабо оправдываюсь я.

Если бы глаза могли вылезти из орбит, то сделали бы это сейчас, когда Эшли тарашится на меня.

— Ты хочешь съехать из общежития или нет? Я уже говорил тебе, как это было бы просто. Все, что тебе нужно сделать, это направить им письменное уведомление, заполнив форму. Особого ума не надо.

Он что, называет меня идиоткой?

Трудно понять с этим британским акцентом; кажется, все, что он говорит, звучит так, будто ему немного скучно.

— Да, я хочу съехать из общежития, просто... — Я снова беру вилку и начинаю гонять морковь по тарелке, как ребенок. — Как я уже сказала, не могу позволить себе аренду, кабельное телевидение, коммунальные услуги и... и вывоз мусора. И... уборку снега.

— Уборку снега? — невозмутимо переспрашивает Эшли. — Ты это серьезно?

Я пожимаю плечами.

— Джорджия, если ты не хочешь здесь жить, имей смелость сказать это.

Я действительно хочу здесь жить — вот в чем проблема!

Недовольная собой, я накалываю оранжевую морковку, которая рассыпалась у меня на тарелке, и отправляю ее в рот, пережевывая, чтобы не реагировать.

Я создаю беспорядок в этом точно так же, как создаю беспорядок во всем.

— Я сказал тебе узнать, сколько стоит общежитие.

Его тон раздражает, и я бросаю на него острый взгляд.

— Я помню, папочка, но спасибо, что напомнил. Снова.

Эшли откидывается на спинку стула, заливаясь смехом — за мой счет, заметьте — рот широко открыт, сверкают белые зубы. Они не все прямые и идеальные, но все совершенно ослепительны.

— Папочка? — Он фыркает. — Блестяще. О, мне это нравится. — Эшли посмеивается себе под нос, орудуя ножом и нарезая курицу надлежащим образом, вместо того чтобы вонзять в нее вилку, как я делала со своей.

Я краснею.

— Рада, что смогла тебя развлечь.

— Ты действительно забавляешь меня, Джорджи Паркер, иначе я бы не захотел жить с тобой.

Я могу сказать, что он думает, выстраивает в уме утверждение по тому, как парень смотрит в окно, щурится и жуёт, как это делают люди, когда думают о том, что сказать дальше.

Сглатывает.

Промокает рот салфеткой.

— Я готов сбить все, что ты платишь сейчас, на двести долларов.

— Ты не знаешь, сколько я сейчас плачу.

— И что? — Он ухмыляется. — Ты тоже.

Туше.

— Сейчас не время для сарказма, Эш, но я ценю твои усилия.

— Почему не время?

Я упрямо фыркаю.

— Ты действительно думаешь, что сможешь соблазнить меня, снизив арендную плату на двести долларов?

— Э-э, ты была бы тупицей, если бы не согласилась. И я не соблазняю тебя — это всего лишь деловое соглашение.

Мои щеки вспыхивают.

— Я не имела в виду буквально.

— Я знаю, — говорит он, откусывая еще кусочек курицы. — Но мне нравится видеть, как ты краснеешь.

О, боже мой, почему он такой?

— Пользование тренажерным залом в гараже, полностью меблированная спальня. И, кстати, там матрас новый. Никто еще на нем не спал.

— Как раз собиралась спросить об этом. Почему в комнате полно мебели, когда ты живешь здесь один?

— Мама все собирается приехать на каникулы, и отказывается спать на матрасе, «испачканном детьми из колледжа». Ее слова, не мои. Но в тот единственный раз, когда она все-таки приехала, то забронировала номер в шикарном отеле. — Эшли закатывает глаза. — Она даже водила меня в «Таргет» и «Костко», когда была здесь, что, похоже, вполне в духе американской мамы.

— Моя мама водит меня за продуктами, когда навещает, хотя... — Я прочищаю горло. — Она еще не была здесь. Слишком далеко.

Слишком далеко.

Мне хочется стукнуть себя.

Почему я рассказываю ему о том, что мои родители слишком далеко, когда его родители за океаном? Звучит так, будто я ною? Или неблагодарная?

— Ты больше не первокурсник — вот что происходит, когда ты становишься взрослым. Мама и папа перерезали пуповину. Ты чувствуешь себя никудышной, потому что все еще живешь в общежитии.

Никудышной?

Что, черт возьми, это значит?

— Не делай мне такое лицо. Ты знаешь, что это правда.

Мой рот приоткрывается, но я быстро его закрываю, потому что это невежливо.

— Джорджия?

— Хмм?

— Может, есть причина, по которой ты не хочешь здесь жить? — Эшли насаживает на вилку кусочек брокколи, готовый отправить его в рот. — Ты... Я не знаю. — Он почти неловко ерзает на своем стуле. — Ты ведь не боишься меня, правда?

Как будто ему только что пришла в голову мысль, что у молодой женщины могут быть сомнения и опасения по поводу жизни с большим парнем, которого она едва знает.

Конечно, студенты в колледже делают это постоянно, живут с людьми, которых едва знают. Такого рода вещи нормальны — но мысль о том, что Эшли может быть слишком физически пугающим?

В этом есть смысл.

Он не может заставить себя съесть брокколи, пока я не отвечу на его вопрос. Знаете, откуда я знаю? Вилка парит перед его губами, подвешенная в воздухе, рот слегка приоткрыт.

— Я не боюсь тебя. И не боюсь жить с тобой. — Я делаю паузу. — Ты просто гигантский плюшевый мишка.

На секунду он, кажется, не знает, что сказать. Затем:

— Плюшевый мишка?

Он так хорош в ровных, невыразительных ответах, что его вопрос звучит как утверждение, лицо пустое.

— Ну, знаешь — большой и задумчивый, но мягкий внутри.

Он моргает.

— Я мягкий внутри?

Я пожимаю плечами.

— Если бы ты не был большим добряком, тебе не было бы так жалко меня, что освободил для меня комнату в своем доме.

Эшли хмурится, как будто это самые нелепые слова, которые он когда-либо слышал.

— Во-первых, мне тебя не жалко. Во-вторых, у меня была свободная комната, я не освобождал ее. Таким образом, я не слабак.

— Таким образом, ты не слабак. — Я смеюсь, чуть не выплевывая воду, которую собиралась глотнуть. — Таким образом.

— Не смейся надо мной. — Он хмурится.

— Извини, это просто так мило.

— Мило.

— Ты знаешь, что делаешь заявления из всего, что тебе не нравится, когда ты раздражен.

— Ты полоумная, — говорит он, и на его лице появляется улыбка.

Знаю, что он прикалывается и совсем не злится, только немного взъерошил перья, потому что я заставила его почувствовать себя менее крутым, чем он привык чувствовать, и это его проблема, а не моя.

— Полоумная? Мне это нравится

— Это означает «сумасшедшая».

— Все еще нравится. Это так по-британски.

Он качает головой в легком раздражении.

— Есть гораздо лучшие слова, если хочешь звучать истинно по-британски.

— Например?

— Чушь собачья.

Я закатываю глаза.

— Это ругательное слово.

— Чтоб мне провалиться.

Я фыркаю.

— Оболтус.

— М-м-м, — мычу я. — Вот это мне нравится — звучит как сосиска ¹¹¹. — Я бросаю на

него беглый взгляд. — А как по-британски называют член?

Он давится брокколи, брызгая слюной, как будто никогда в жизни не слышал слова «член».

— Предупреди парня, прежде чем говорить подобные вещи.

— Ведешь себя как ханжа. — Я наклоняюсь, щурясь на него. — Ты девственник?

— Это не твое дело.

Теперь я откидываюсь назад, изучая его. Дерьмо. Вдруг он реально девственник, а я только что вторглась в его личную жизнь?

Я крепко сжимаю губы.

Он прав, это не мое чертово дело, но это не значит, что я не буду лежать сегодня ночью на своей двухъярусной кровати, размышляя над ответом.

— Итак. Слово, обозначающее член?

— Член.

Я ему не верю.

— Это скучно.

Эшли вздыхает.

— В крайнем случае, штык.

Штык?

— Фу. Мне не нравится. — Я фыркаю.

Это заставляет его смеяться, и парень откидывает голову назад, громко хихикая.

Я улыбаюсь в свой стакан с водой, довольная, что позабавила его, щель в его передних зубах сверкает мне самым привлекательным образом.

«Остынь, Джорджи. Он может быть твоим новым соседом по комнате».

О, кого ты пытаешься обмануть — ты же знаешь, что переезжаешь сюда.

«Это не значит, что я не могу оценить, какой он милый, когда улыбается и смеется».

— Очаровательно.

Это заставляет меня выпрямиться на своем месте, выпрямив спину. Он только что назвал очаровательной меня или мое презрение к слову «штык»? В любом случае, это вряд ли имеет значение — так что, что бы ни делали узлы в моем животе и трепетание моего сердца... они должны остановиться немедленно.

— Джорджи, я не буду надоедать и насаждать свою точку зрения. Держи меня в курсе. — Эшли снова вонзает вилку в курицу и нарезает ножом мясо.

Все мое тело замирает; я знаю, что должна принять решение, и должна сделать это сейчас.

Нет лучшего времени.

— Я хочу жить здесь. — Уверенно киваю головой.

Его рот образует прямую, ошеломленную линию.

— Не говори так восторженно.

— Я хочу жить здесь! Я... просто... уф! — Вздыхаю. — Это важное решение! — Снова фыркаю, когда он смотрит на меня, уставившись так, будто я сошла с ума. Как там он меня назвал? Полоумная? — Я полоумная.

Эшли смеется.

— Я бы сказал, что ты слегка сумасбродна.

Слегка сумасбродна.

Обожаю это.

— Тебе не страшно будет спать в одном доме со своим ПОЛОУМНЫМ СОСЕДОМ ПИ КОМНАТЕ? — Я смеюсь своим лучшим злодейским смехом, откидывая голову назад. Бейсболка падает на пол во второй раз за вечер.

— Уверен, что ты не зарежешь меня во сне. — Как будто эта идея настолько абсурдна, что он не может сдержать ухмылку на своем лице.

Пряча собственную улыбку, я поднимаю бейсболку с пола и водружаю ее обратно на голову.

— Мне неудобно спрашивать, потому что не хочу запутывать тебя, но знаешь ли ты, когда хочешь переехать? Это будет легко — у меня есть грузовик, и я могу позвать на помощь нескольких товарищей. — Он жует. Глокает. — У Стюарта тоже есть грузовик.

Тот, на котором его девушка, вероятно, переехала бы меня, с Ариэль на пассажирском сиденье.

Я обдумываю это. Нужно лишь войти в интернет и оставить заявку университету о расторжении договора. Общежитие оплачено до конца семестра, и я не получу назад свои деньги по крайней мере в течение нескольких недель, но технически нет никаких причин, по которым я не могла бы переехать к Эшли в ближайшее время.

Официально.

Тем более, если он готов помочь мне вывезти мои вещи...

— Почему ты такой милый? — выпаливаю я.

Он поднимает голову, наблюдая за мной.

— Почему ты такая подозрительная?

Я хмыкаю.

— А почему ты отвечаешь вопросом на вопрос?

— А ты почему?

Веский довод.

— Это ни к чему нас не приведет.

— Нет.

— Ну, а если серьезно. Почему ты так добр ко мне?

— Честно?

«Нет, я хочу, чтобы ты солгал».

Вместо сарказма я просто киваю.

— Да, честно.

— Это весело.

Весело?

Что за фигня?

— В смысле «весело»? — После неудачного начала знакомства? Когда наша дружба началась таким постыдным хреновым образом?

Он, должно быть, лучше умеет прощать, чем любой на его месте.

— Мне нравится видеть тебя смущенной. Это занимательно, — говорит словно кошка мышке.

— Занимательно?

Эшли улыбается мне.

— Видишь? Теперь ты делаешь это.

— Что делаю? — Я хмурюсь.

— Превращаешь утверждения в вопросы. Весело, правда?

Я стону.

— Ты и твои странные способы веселиться. Неужели в Великобритании все мальчики такие?

Это вызывает у него смех.

— Вряд ли. У парней, с которыми я вырос, нет чувства юмора, а если бы оно у них было, они бы в ту ночь издевались рядом с тобой. Мой приятель Чарли обожает розыгрыши в туалете — по крайней мере, мой юмор не такой отстойный. Я забавный.

Это не так.

Не совсем. Не обхохочешься какой забавный.

Обычно я смеюсь над выражением его лица, над его реакцией на то, что я делаю и говорю, а не над словами, слетающими с его губ.

Так что, полагаю, у нас есть кое-что общее: мы забавляем друг друга.

Эшли встает и берет мою тарелку, ставя ее поверх своей.

— Когда захочешь переехать, скажи только слово. Но кроме субботы. У нас матч, и меня не будет.

В эти выходные?!

Он думает об этих выходных?

Я думала скоро, но...

Не в эти выходные.

— В следующие выходные? — Боже, что я говорю? Мне хочется забрать эти слова обратно. — Или в начале месяца?

— Сейчас и есть начало месяца.

— Я имела в виду следующий месяц. В начале следующего месяца.

Он кривится.

— Теперь ты просто оправдываешься.

Наверное, он прав.

Нет, не «наверное» — так и есть.

Эшли ставит наши тарелки рядом с раковиной, и я присоединяюсь к нему с нашими стаканами для воды. Выбрасываю наши испачканные салфетки в мусорное ведро, которое находится в конце стойки.

Открываю кран, чтобы вода стала достаточно теплой, чтобы я могла помыть посуду.

— Ты не обязана этого делать. — Он выключает кран. — Пойдем, я отвезу тебя домой.

Отвезет меня домой?

— Но...

— Уборщица придет завтра утром.

Что на это сказать?

Постойте.

— Прости, что?

Конечно же, он не мог только что сказать...

— Уборщица придет завтра, — повторяет он забавным голосом.

Должно быть, я схожу с ума, или только что выиграла в жилищную лотерею колледжа?

— У тебя есть уборщица? Почему?

Он берет ключи от своего грузовика со стойки у двери.

— Это все мама. Она не позволит мне спать на грязных простынях, и знает, что я не буду менять их регулярно.

Ладно, в этом вообще есть какой-то смысл? Но только если вы богаты — остальные из нас, простых смертных, сами выполняют работу по дому, сами стирают, моют посуду, убирают в своих домах. А если мы этого не сделаем, то будем спать на грязных простынях и выживем.

Мой друг Адам провел целый семестр, ни разу не пропылесосив свою комнату и не поменяв простыни, и с Адамом все в порядке.

Девушки хотят спать на этом? Нет.

Парней это заботит? Тоже нет.

Мама Эшли, должно быть, действительно контролирует ситуацию, если нанимает людей, чтобы управлять его жизнью вне Англии.

— Не могла бы эта уборщица не трогать мои вещи? Я не могу позволить себе заплатить ей.

Парень пожимает плечами.

— Она может оставить твои вещи в покое, если тебе это не нравится.

Мне не то, чтобы не нравится, просто такое чувство, что это означало бы пользование преимуществом, а у меня нет никакого желания это делать. Не хочу с самого начала злоупотреблять его гостеприимством и не вносить свой вклад. Теперь я даже не смогу принять участие в мытье полов или уборке дома.

— Спасибо. Хотя это здорово, что у тебя есть... эм. Кто-то.

Странно, но неважно. Не мое дело.

— Ее зовут Мелоди, и она великолепна. На самом деле она старше, вроде как мама вдали от дома. — Эшли улыбается. — Она и ее муж иногда приглашают меня к себе, если я не дома на каникулах. В День благодарения я пошел к ним на ужин и посмотрел игру с ее семьей. Это было довольно непринужденно.

Это меня удивляет. Я бы подумала, что парень его возраста провел бы такой праздник, как День благодарения, на вечеринке. Знаю, что он проводит много времени в доме регби, но, может быть, это потому, что он... одинок?

Вот тут-то я и вступаю в игру.

Он не хочет жить один, как и я.

Эшли помнит, где я живу, и мне не нужно давать ему указания. В конце концов, это общежитие, и нужно быть идиотом, чтобы заблудиться по дороге к нему.

Остановившись у тротуара, парень опирается рукой в спинку моего сиденья, смотря в сторону здания.

— Хочешь, чтобы я поднялся и проверил все, что у тебя есть, чтобы понимал, сколько людей нам понадобится, чтобы тебя перевезти?

Мысль о том, чтобы увидеть его в моем крошечном пространстве, заставляет меня вспотеть.

— Нет, думаю, мы сами справимся. Там нет ничего массивного — ни кровати, ни дивана. Будет только несколько коробок и одежда.

— Если ты уверена...

Он знает, что я отказываюсь из вежливости, но не собирается обвинять меня в этом.

Я киваю.

— Я уверена, но спасибо тебе. — Сделав паузу, я на секунду замолкаю. — И спасибо тебе за... все, Эшли. Экскурсию, еду...

— Не делай это странным. — Его смех достигает глаз, когда он дразнит меня.

— Я пытаюсь быть милой!

— Отлично. Это было мило. А теперь вылезай из моего грузовика.

Мой рот приоткрывается.

— И закрой рот, а то муха залетит.

Какая наглость!

Что...

Вот... задница!

— Привет, мам. Папа рядом?

Я решила позвонить родителям, как только вышла из душа, пока волнение свежо в моей памяти, и когда они оба будут дома.

На самом деле, я могу предсказать, что они делают прямо сейчас, в тот самый момент, когда позвонила им, настолько предсказуемы были Паркеры.

Мои родители смотрят то одно, то другое шоу по благоустройству дома — вероятно, сейчас «Дизайн за копейки», поскольку они оба заядлые любители «сделай сам» с ограниченным бюджетом. Дом, в котором я выросла, подвергся капитальному ремонту с тех пор, как мама начала смотреть эти шоу, заставляя смотреть и моего отца, и каждые выходные это новый проект.

Сделать шкафчики в прихожей. Установить панели на кухне. Выложить плиткой ванную комнату в коридоре после снятия линолеума. Поменять освещение. Покрасить кухонные шкафы вместо того чтобы поменять на новые.

Список можно продолжать и продолжать — мои родители никогда не останавливаются, и всегда смотрят шоу по благоустройству дома.

Возвращаться домой — это утомительно.

Последнее, что я хочу делать в выходные, это мульчировать грунт, или чистить москитную сетку, или высаживать цветочные клумбы, или устанавливать полку со скрытым креплением.

Иногда девушке просто хочется поваляться на диване и побездельничать.

Как нормальный человек!

— Привет, милая, да, папа здесь. Мы как раз готовимся посмотреть передачу.

Я улыбаюсь, представляя, как они сидят бок о бок на бежевом диване, между ними огромный пакет с попкорном.

— Ну, просто чтобы он был рядом... Есть кое-что, о чем я хотела бы поговорить с вами обоими. — Я поспешно добавляю: — Не волнуйся, ничего страшного.

Моя мать заметно расслабляется.

— Что происходит? Как дела в колледже?

В большинстве случаев мы переписываемся в течение дня, но это не то же самое, что поболтать по телефону.

— Все хорошо и в колледже, и с занятиями. Кажется, прошла целая вечность, и я с нетерпением жду окончания, но все в порядке. Мне все здесь нравится. — Хотя это не правда. — Я только что вышла из душа. — Который, кстати, отвратителен.

Я придумываю еще несколько вещей, чтобы успокоить своих родителей, когда они спрашивают о легкой атлетике, внеклассных занятиях и моих тренировках, торопясь закончить, потому что я знаю, что им пришлось приостановить шоу и им не терпится снова

включить воспроизведение.

— Я звоню, чтобы сказать вам, что съезжаю из общежития — я нашла соседа по комнате, разве это не здорово? — Я заставляю себя говорить бодро, хотя внутренне съезживаюсь, зная, что будет дальше.

— О, хорошо! Ты сможешь разорвать договор аренды с общежитием?

— Это договор аренды не с общежитием, мама, а с университетом. Технически. И да, я могу его расторгнуть. Уже заполнила форму онлайн, прежде чем позвонить. Это было действительно легко, и они вышлют мне чек за те месяцы, когда я не буду здесь жить. Деньги должны прийти в течение пятнадцати дней после того, как администрация все проверит.

Я слышу, как хрустит пакет с попкорном, когда один из них запускает в него руку.

— С кем ты будешь жить, дорогая? С девушками из команды?

Я до сих пор не рассказала ни одному из них об инциденте с дедовщиной или о том факте, что я терпеть не могу капитана.

— Нет, это не из команды. Это кое-кто из класса.

Я съезживаюсь, когда она спрашивает:

— Правда? Кто?

— Вот поэтому я и звоню. — Я неловко прочищаю горло. — Это тебя удивит, но я хочу, чтобы ты мне доверяла. — Это прозвучало ужасно. — Я имела в виду, что беспокоиться не о чем.

— Ты же не переезжаешь в притон наркоманов, не так ли? — Мой папа смеется на заднем плане, потому что они, очевидно, включили меня на громкую связь.

— Папа, — ругаюсь я, ожидая, пока он перестанет хихикать.

— Прости, тыковка. Что ты там говорила?

Мой желудок — это комок нервов, и они не облегчают ситуацию своими шутками. Мне просто нужно выплюнуть это. Сорвать пластырь, как говорится.

Раз.

Два.

Два с половиной...

— Мой новый сосед по комнате — парень. — Я выпаливаю новость, мгновенно затаив дыхание.

Я слышу звук жевания.

— Алло?

— О, — говорит мама. — Мы думали, что в твоём объявлении будет что-то еще.

Еще что-нибудь в объявлении?

— Так ты не злишься?

Хрум, хрум.

— Злюсь из-за чего? Что ты встречаешься с парнем?

— Нет, я не встречаюсь с этим парнем — я бы сказала тебе, если бы встречалась с кем-то.

Снова хруст.

— Алло?

— Извини, папа включил программу, и они устанавливают бетонные столешницы в старом фермерском доме. Я подумала, что мы могли бы устроить бар в подвале... — Ее голос затихает, когда колесики в ее творческом мозгу начинают вращаться.

— Ребята, я пытаюсь с вами поговорить.

На их конце становится тихо, когда папа нажимает на паузу на пульте телевизора.

— Продолжай, — снова говорит мама.

Открываю рот, запинаясь. Я поделилась своим важным объявлением, а им нечего сказать по этому поводу, так что...

— Я просто подумала, что вы расстроитесь.

— Ты хочешь, чтобы мы расстроились?

— Нет, я хочу, чтобы вы смирились с этим.

— Это одна из тех вещей, которые ты делала в старшей школе, когда твои друзья просили тебя куда-то сходить, а ты отвечала: «Мои родители сказали, что я не могу пойти», хотя на самом деле даже не спрашивала нас?

Она поглощает попкорн, жует и болтает с набитым ртом.

— Мама права, тыковка?

Эм... может быть.

Хотя не совсем уверена, что бы я делала, если бы мои родители не были согласны с тем, что я живу с Эшли. Отступила бы? Ищу ли причину для этого?

— Нет, я рада, что вы не против, потому что он порядочный парень. И реально очень занят, так что его не будет большую часть времени, и это отличный дом. В моей комнате есть собственная ванная комната и гардеробная.

— О, это так здорово, дорогая! — рассеянно бормочет мама, и я решаю, что пришло время закончить разговор и избавить ее от страданий. Она любит меня до смерти, но не беспокоится о моем благополучии; они верят в мой здравый смысл.

— Когда ты переезжаешь? — спрашивает папа.

— Эм, думаю, в следующие выходные? Скоро.

— Это здорово — мы знаем, как сильно ты хотела выбраться из общежития. Будет приятно закончить свой выпускной год. Оставь немного воспоминаний со своими новыми друзьями.

— Я взволнована. — Наверное...

— Что ж, хорошо. Если тебе что-нибудь понадобится, дай нам знать.

— Так и сделаю. Спасибо, что отнесся спокойно к тому, что я живу с чуваком.

— Чувак? Это слово снова вернулось? — спрашивает папа.

Мы с мамой обе смеемся.

— Не думаю, что оно уходило, папа.

Эшли

Джорджия переезжает ко мне.

Черт возьми, у меня будет соседка, чего не было с тех пор, как впервые переехал в Штаты, когда целый семестр жил в общежитии, прежде чем решил, что с меня хватит общинной жизни.

Я смотрю на Энди Кляйна, парня, страхующего меня в жиме лежа, затем на Стюарта, который на тренажере для приседаний.

— Могу я одолжить твой грузовик на эти выходные?

Стюарт прекращает то, что делает, чтобы уставиться на меня, тяжело дыша.

— Конечно, но... зачем? У тебя проблемы со своим?

— Нет. Джорджия переезжает ко мне, и не думаю, что все ее вещи поместятся в моем, так что было бы неплохо...

Глаза Стью вылезают из орбит.

— Джорджия переезжает к тебе! Вы только начали встречаться! Вы хоть на свидание ходили?

Черт, я и забыл, что он думает, что мы с ней пара.

— Мы больше не вместе, но ей нужно где-то остановиться.

Энди фыркает.

— Ты теперь выпускаешь бродяг? Круто, я всегда мог бы этим воспользоваться. Могу забрать свое дерьмо из моей убогой квартиры сегодня же вечером.

Я качаю головой.

— Я не выпускаю бродяг, отвали.

Стюарт все еще выглядит озадаченным.

— Значит, вы не встречаетесь, но ты позволяешь ей переехать к тебе? Как ей это удалось? Я умолял пожить у тебя три года.

— Потому что у нее есть сиськи. — Энди смеется.

— Думаешь, я позволил бы кому-то жить со мной, только потому что у нее есть сиськи? — Они такие незрелые. Я качаю головой, штанга все еще на стойке надо мной. — Она чистоплотная, а ни один из вас, придурков, не убирает за собой.

— Я могу попробовать. — Это от Энди, который подталкивает меня к продолжению тренировки, поднимая штангу со стойки, чтобы я сделал свои повторы. — Дай мне шанс.

— Ты не будешь жить со мной, приятель.

Тяжело выдыхаю, перекладина сжата в моей хватке. Тяжело.

Вверх, один.

Вниз.

Вверх, два.

Вниз.

Я делаю еще шесть жимов, прежде чем Энди помогает мне поставить штангу обратно на стойку. Вдыхаю и выдыхаю, потянувшись за бутылкой с водой рядом со скамейкой. Впрыскиваю жидкость в свой широко открытый рот, жадно глотая.

— Хорошая работа, — говорит он. — Если с тобой будет жить девушка, могу я

приходить и тусоваться там чаще? Типа, потренироваться в твоём гараже?

— Ты собираешься прийти только для того, чтобы бросать сальные взгляды на Джорджи?

— Сальные взгляды? Что, черт возьми, это значит?

— Глазеть. Пялиться. Подкатывать. Это странно, и это мой дом, а не место размножения.

— Да, но ты единственный из нас, кто живет совместно с девушкой, а она одинока, верно?

Стюарт внимательно слушает.

— Подожди, если ты не встречаешься с ней, то можешь пойти на свидание с Ариэль.

Опять?

— Пожалуйста, не начинай это дерьмо снова.

— Но...

Я поднимаю руку, готовый встать со скамейки, если он начнет говорить о двойных свиданиях и той девушке с огненно-рыжими волосами.

— Если я одолжу тебе свой грузовик, смогу ли я потусоваться с тобой у тебя дома? — спрашивает Энди, прерывая нас обоих.

Почему они оба такие? И у Энди нет грузовика, у него есть старый «Субурбан» его матери, который, думаю, подошел бы.

— Ты не одалживаешь его мне, ты помогаешь Джорджии переехать. — Я чувствую необходимость внести ясность.

Он молчит еще несколько секунд.

— И мне не разрешается приглашать ее на свидание?

— Я этого не говорил. — Я делаю паузу. — Ты даже не знаешь, как она выглядит, придурок. Откуда тебе знать, что захочешь пригласить ее на свидание?

— Стью сказал, что она секси, а Тайлер сказал, что видел ее на одной из вечеринок, и ты отбил ее у него, так что думаю, что она должна быть ничего. Кроме того, ты бы не стал жить с троллем.

Я оскорблен.

— Я бы жил с троллем — внешность тут ни при чем.

— Не стал бы. Тебе нравятся только красотки.

Нравятся только красотки?

— На чем основаны такие выводы?

Откуда он это берет?

— Основываясь на том факте, что ты встречался только с красотками.

— Я ни с кем не встречаюсь, так что твой аргумент недействителен.

Стюарт и Энди не останавливаются.

— Помнишь ту блондинку, Джессику? Ты встречался с ней половину второго курса, потому что ее родители владеют баром в центре города, и ты хотел бесплатную выпивку.

— Тогда я был засранцем, и это было совпадением, что она оказалась симпатичной.

Стюарт фыркает.

— Ну ты и трепло.

— Что? У нее был богатый внутренний мир. — Я смеюсь. — Не моя вина, что ее родители владеют единственным местом, где мы тусуемся.

— Раньше тусовались. Ты, блядь, все испортил, когда порвал с ней.

Черт возьми, он прав — мы больше не можем ходить в этот паб, потому что я порвал с дочерью владельца, но в свою защиту скажу, что она стала немного одержима мной до такой степени, что захотела выйти замуж.

Замуж, черт возьми.

За меня.

В двадцать лет.

Она выжила из ума, поэтому я порвал с ней, что вызвало волну возмущения в сообществе игроков регби, так как я испортил всем жизнь.

Я сделал одолжение ее родителям, ради Христа. Ее отец убил бы меня, если бы мы обручились.

Точно убил.

С тех пор я ни с кем не встречался. Трахался, да. Свидания, нет.

И даже трах со случайными девушками больше не возбуждает, сколько бы ко мне ни приставали.

Количество тех, кто домогается меня на вечеринках, поражает, но не настолько, чтобы позволить кому-то из них отсосать мне. Вероятно, потому, что большинство из них кажутся отчаявшимися. Гоняющиеся за бутсами девушки, хотят лишь популярного бойфренда, которым они могли бы похвастаться.

Я знаю заинтересованность во мне; понял это вскоре после приезда сюда, когда девушки жаждали моего общества, ворковали по поводу моего акцента, прикасались ко мне, хихикали и смеялись над вещами, которые, черт возьми, не были забавными.

Абсолютно нет.

Я встречался с несколькими из них, но никогда не был связан.

Думаю, я уже одной ногой вышел из дверей Америки и готов перейти к следующей главе.

Так почему же меня раздражает, что Стюарт и Энди говорят о Джорджии так, будто она какая-то случайная девушка, которую можно подцепить на вечеринке? Она будет моей соседкой по комнате; они должны относиться к ней с уважением.

Мой дом — не место для чертового съема.

Последнее, что мне нужно, это Энди и кто бы то ни было, кто неожиданно придет, чтобы приударить за Джорджией; она на это не подписалась.

— Сможешь помочь в эти выходные? Я куплю тебе пиво.

— В настоящем баре, или ты имеешь в виду пригласить меня домой и угостить бесплатным пивом?

Я смеюсь, потому что он меня поймал.

— В баре. И еще я тебя накормлю.

— Я тоже хочу, чтобы меня накормили! — скулит Стюарт.

Я смотрю на него с недоумением.

— У тебя был шанс, и ты его упустил, приставая ко мне по поводу Ариэль. Если даже она сменит цвет волос с «Пылающего ада» на нормальный, меня это все равно не интересует.

— Это ее естественный цвет волос.

Он что, сумасшедший?

— Ты сейчас серьезно? — Я смеюсь. — Черт возьми, похоже на то.

Стюарт обдумывает это, тупо уставившись в пол, прежде чем снова поднять взгляд на

меня.

— Ты, наверное, прав. Они реально чересчур красные.

Ни хрена себе, Шерлок.

Волосы этой девушки — настоящий цветовой кошмар.

— Значит, персик Джорджия ^[12] переезжает в эти выходные? В какой день?

Нахмурившись, я игнорирую его прозвище для нее.

— Ну... у нее уже есть ключ и дверные коды, и некоторые из ее вещей уже в спальне, но официально, думаю, в субботу.

— Это будет похоже на одну большую пижамную вечеринку.

— Это будет полная противоположность пижамной вечеринке, — раздраженно ворчу я.

— Вранье. Теперь ты живешь с девушкой. Элли остается у меня на несколько дней, а это все равно что жить с женой.

— Жизнь с Джорджией не будет похожа на жизнь с женой. Она платит арендную плату, ты охламон.

— А что ты собираешься делать, если случайно увидишь ее обнаженной?

Вот зачем Энди нужно было сказать нечто подобное? Я не думал об этом, да и не должен был, но теперь, когда он заговорил об этом...

— Ничего. — Я ничего не буду делать. И кроме того... — У нее есть своя ванная, так что этого никогда не случится.

— Конечно, нет.

Ясно, что ни один из них мне не верит, судя по взглядам, которыми парни стреляют друг в друга.

— Я не думаю о ней в таком плане.

Она красивая и все такое, но я не ходячий, бушующий гормон; и могу контролировать свои мысли и свой член.

— Конечно, не думаешь. — Они закатывают глаза. — А я падре Энди, а он монах Тук, и мы все просто кучка монахов, выполняющих работу господ.

— Говори за себя, придурок, — возражает Стюарт. — Я не монах.

— Ладно, так что... — продолжает Энди. — Если она случайно окажется голой на кухне, когда ты придешь домой?

Энди такой идиот.

— Во-первых, с чего бы ей быть голой на кухне?

— Например, она принимала душ и проголодалась.

Как будто в этом есть какой-то смысл.

— Я бы вышел из комнаты, чтобы она могла одеться.

— Хорошо, а если она ночью во сне войдет в твою комнату? — Кажется, он наслаждается этой игрой в притворство, придумывая сценарии, которые никогда не произойдут, даже через миллион лет. Однако это его не останавливает.

— Кто вообще ходит во сне?

— Я хожу во сне, — хвастается он.

— С каких это пор?

Он задумывается, хмуря брови.

— О! Однажды, когда мне было семь, я встал посреди ночи и поссал в шкафчики в ванной на лак для волос и косметику моей сестры.

— Значит, пятнадцать лет назад. — Теперь он меня изматывает. — Отличная история,

братан.

— Может быть, я все еще это делаю, просто рядом нет никого, кто мог бы мне сказать, — рассуждает он.

— Джорджия не собирается заходить во сне в мою комнату. Ты бредишь.

— Только не говори мне, что это не твоя фантазия.

— Я собираюсь запереть дверь своей спальни, чтобы убедиться, что этого не случится. — Ха-ха.

— Ты бы не стал. — Стюарт выглядит шокировано.

Наконец, я поднимаюсь со скамейки, тянусь за бутылкой с водой и полотенцем, встаю, положив руку на бедро.

— Ты сможешь мне или нет?

— Да. — Энди ухмыляется. — Я помогу тебе.

Мы перевозим ее в кратчайшие сроки. У нее было меньше вещей, чем у меня, когда я переехал в Штаты, и в конечном итоге нам не понадобилась ничья помощь, кроме нашей собственной, чтобы перенести остальные ее вещи внутрь.

Стоя на пороге ее спальни, я наблюдаю, как девушка оглядывает комнату, а затем стонет.

— Черт, у меня нет простыней для двуспальной кровати! Я такая идиотка!

Я в замешательстве указываю на кровать уже застеленную вещами, купленными мамой, подушками и всем прочим.

— Что не так с этими?

Моя новая соседка по комнате выглядит удрученной.

— Я не могу пользоваться твоими вещами. Это невежливо — я уже пользуюсь твоим гостеприимством.

— Это не гостеприимство. Ты платишь арендную плату.

Арендную плату, на которую предоставил ей отсрочку. Я получу ее, как только Джорджии придет чек на возмещение из университетского офиса.

— Все равно. Я совсем забыла. Носилась как сумасшедшая с тренировками, встречами и занятиями, и мне не пришло в голову купить новые простыни.

Понятия не имею, почему она так суетится, но ей нужно остыть.

— Ты застряла с этими, пока не доберешься до «Таргета», так что, если не хочешь спать на голом матрасе, то предлагаю тебе расслабиться.

Девушка молча наблюдает за мной, затем раздражается смехом.

— Боже, ты такой британец.

— Я не знаю, что это должно означать.

— Извини, ты просто говоришь так серьезно, и твои предложения такие правильные. Это мило. Я не имела в виду ничего плохого.

Она улыбается, так что я ей верю.

— Ну, не буду отвлекать тебя. Кричи, если тебе что-нибудь понадобится.

— О, Эш? — Я останавливаюсь в дверях. — Спасибо.

Я лишь киваю, прежде чем пройти по коридору в свою комнату, держа дверь открытой на случай, если Джорджии действительно что-то понадобится или у нее возникнут вопросы. Иду в гардеробную, чтобы переодеться из спортивных штанов в шорты и футболку, чтобы

повалиться и посмотреть телевизор перед сном.

Или, может быть, мне следует пойти в гостиную и посмотреть его там, чтобы она...

Дерьмо.

О чем я думаю? Пойти в гостиную, чтобы Джорджия могла посидеть и посмотреть со мной телевизор в свой первый вечер здесь?

Может, нам стоит пойти куда-нибудь. Мы могли бы пойти... Я не знаю, отпраздновать или что-то в этом роде. Или это было бы странно?

Пойти в бар, чтобы напиться и отпраздновать — такой девчачий поступок.

Тогда мне пришлось бы провести весь вечер, разговаривая с ней, что было бы странно. Как будто мы на свидании.

Свидание, которое она все еще должна мне — не то, чтобы у меня был хоть какой-то шанс напомнить ей об этом, не тогда, когда она в комнате дальше по коридору.

Яблоневый сад... Она казалась такой взволнованной, чтобы сходить туда. Возможно, это было бы не так уж и плохо, и у них там наверняка есть пирог.

Я бы многое отдал за кусочек яблочного пирога.

До меня доходит, что я думаю о ней по-дружески, и это хорошо — мы можем быть друзьями.

Подруга.

Друг девушка.

У меня еще не было ничего подобного, и леди Луиза Ченнинг Уинтроп не в счет. Дочь графа, которая жила рядом с нами, приходила поиграть с Джеком и полностью игнорировала меня в процессе.

Нет, я бы не стал считать ее другом.

Скорее занудой, болтающейся поблизости, чтобы Джек влюбился в нее.

Плохо для Луизы, потому что этого так и не произошло.

С Джорджией все просто, она очень похожа на парня. Спортивная. Забавная. Не прихотливая. Не разряжается и не сходит с ума, когда бывает на вечеринках.

Она, наверное, убила бы меня за все эти мысли — какая девушка захочет, чтобы ее сравнивали с парнем?

Я слышу, как она передвигает вещи, перетасовывает, перекладывает, распаковывает коробки.

Слышно как закрывается дверь.

Открывается через несколько минут. Должно быть, она переодевалась и хотела уединения.

В туалете смывается вода.

Звуки музыки доносятся до моей спальни, и я прерываю бритье, чтобы прислушаться.

Это девчачья песня о летней любви, баллада, которая удивляет меня — я бы ожидал чего-то более быстрого. Возможно, даже техно. Или кантри, так как она с юга.

Джорджия напевает, и я тоже слышу это по коридору.

Ее голос звучит счастливо, но она фальшивит, что заставляет меня улыбаться про себя, когда провожу лезвием бритвы по своей коже, наконец-то удаляя щетину, которую отращивал слишком долго.

Джорджия

— Эш?

Высовываю голову из-за двери, большинство ламп внизу выключены или приглушены.

Я потеряла счет времени, распаковывая свои вещи, для большинства из которых уже нашла место. Единственное, что осталось неразобраным — это канцелярские принадлежности, которые я беспорядочно побросала в коробку, фактически ничего не упорядочив.

Это еще аукнется, когда я буду искать ручку.

Я голодна и с удовольствием перекусила бы. Надеюсь, он не будет возражать, если пороюсь в холодильнике в поисках фруктов или чего-нибудь вкусенького.

Завтра я пойду за продуктами, но пока...

Поваляться перед телевизором звучит как рай.

Сегодня суббота, и я официально живу в доме.

Я могла бы покружиться в счастливом танце, чтобы отметить этот момент, но вместо этого лягу на диван, наемся вкусняшек и посмотрю фильм — может быть, мне даже удастся убедить моего соседа присоединиться ко мне.

— Эш? — снова зову я, спускаясь по лестнице, свет в его комнате выключен, но дверь широко открыта. Должно быть, парень спустился вниз, пока я была в душе.

— В логове, — доносится его голос из пустоты дома, и я следую за ним на кухню.

— Не возражаешь, если я что-нибудь съем?

Наступает долгая пауза.

— Нет, я не возражаю, и тебе необязательно спрашивать каждый раз, когда чего-то хочешь.

Я слышу раздражение в его голосе и делаю мысленную пометку: перестать казаться такой нуждающейся и перестать спрашивать обо всем.

У меня вертится на кончике языка сказать ему, что я сожалею.

Но не извиняюсь.

— Спасибо! — кричу я, рывком открывая холодильник и заглядывая внутрь, чтобы изучить свои варианты.

Хм.

Эти варианты не так велики, как думала. Я даже не могу найти яблоко. Есть пакетик молодой моркови, поэтому беру ее вместе с небольшим количеством сельдерея, а затем разыскиваю арахисовое масло в маленькой кладовке рядом с холодильником.

Бинго!

Не желая сидеть и размазывать арахисовое масло по лицу перед ним в мой первый вечер, я накладываю немного ложкой на тарелку. Вот так.

Идеальная закуска.

После того как заканчиваю собирать закуски, я направляюсь в логово. Телевизор на стене ярко светит, отбрасывая свечение на все стены и на...

Эшли.

Мне кажется, или парень действительно выглядит безумно... красивым?

Плюхнувшись на противоположную сторону дивана, я стараюсь не смотреть прямо на него, но он развалился здесь, как какой-то оживший греческий бог, и я совершенно...

Я наклоняю голову.

— Почему ты выглядишь по-другому?

Он пожимает плечами.

— Не знаю? — Он трет подбородок рукой. — Я побрился?

Почему?

Почему он взял и побрился?!

В блаженном неведении о том, что у меня внутри все перевернулось с ног на голову, Эшли улыбается, и на его правой щеке появляется ямочка.

Щель между зубами подмигивает.

Одна темная бровь дьявольски приподнялась.

«О боже мой, Джорджи, отвернись».

Нужно отвести взгляд.

Но я не могу.

Я смотрю на его ноги, закинутые на пуфик перед нами. Толстую выпуклость его атлетических бедер. Футболку, прилипшую к его твердой груди.

Его влажные волосы торчат в разные стороны, как будто парень просто провел по ним пальцами вместо расчески.

Черт.

Твою ж мать!

Вселенная сейчас издевается надо мной?!

Я откусываю морковку, которая застревает в пересохшем горле, моя способность глотать полностью пропала.

Морковка громко хрустит.

— Вкусно? — спрашивает он, посмеиваясь в темной комнате.

— Ага?

Еще один смешок.

— Похоже на то.

О, боже мой.

Пристрелите меня сейчас же.

Мне нечего на это сказать, потому что из уголка моего рта может потечь слюна, мысли разбегаются в миллиардах МИЛЛИАРДОВ разных направлений, и я задаюсь вопросом, как черт возьми, мне провести остаток года рядом с этим... этим...

Секси-красавчиком.

Конечно, я заметила, что он симпатичный.

Это данность.

Может быть, дело в том, как парень пахнет — свежим лесом и каким-то средством для душа, которым он, должно быть, пользовался. Аромат доносится до меня через весь диван и попадает в ноздри, как скунсу Пепе Ле Пью^[13] из мультфильма, и если бы моя задница не была прижата к дивану, мои ноги оторвались бы от земли, чтобы последовать за запахом.

— Что смотришь? — Вот. Это прозвучало достаточно нормально, ровный тон, глаза устремлены в переднюю часть комнаты.

Мой голос даже не дрогнул. Отлично!

— Да ничего особенного, просто документальный фильм о вождении гоночного

автомобиля.

Внутренне я стону.

— Хочешь посмотреть что-нибудь еще? Можем переключить, я не возражаю.

Я украдкой смотрю на него, пока Эшли передает мне пульт, глазами сканирую его предплечье: татуировки, покрывающие его кожу, бицепс, полный цвета.

Сглотнув, сжимаю пульт в руке и откидываюсь на подушки, стесняясь того факта, что на мне пижама без лифчика. Хотя парень не взглянул на мое тело.

Ни разу.

Тем не менее, я чувствую себя уязвимой, находясь одна в этом доме с ним, одетая в одежду, предназначенную для постели.

Прочищая горло, я приковываю взгляд к экрану телевизора; он практически ослепляет меня своими размерами, испуская так много света, что я щурюсь в его сторону. В комнате темно, но телевизор чертовски яркий.

Навожу пульт на телевизор, подняв руку в воздух.

Отдергиваю его назад, чтобы посмотреть на него сверху вниз, изучая кнопки. Это так отличается от моего, и я...

— Понятия не имею, как им пользоваться. На что мне нажать, если я хочу найти телегид?

— Нажимай «Телегид»?

Ясно.

Я просматриваю шоу, не находя ничего, что мне действительно нравится, затем нажимаю «Выход», возвращаясь к документальному фильму об автомобильных гонках, бросаю пульт на середину массивного дивана, между нами.

— Мы не обязаны это смотреть, — снова предлагает Эшли.

Я зеваю.

— Нет, правда, все в порядке. Я просто посижу здесь и отдохну. Я устала.

Устала, но не готова ко сну. Откидываю голову на подушки дивана и наблюдаю за историей, разворачивающейся на экране передо мной — документальный фильм, которым был так заинтересован Эшли, когда я ворвалась со своим дурацким пакетом моркови и дурацким арахисовым маслом, которые я больше не могу есть, потому что это слишком громко.

«Смирись с этим, Джорджия. Ему все равно».

Иначе он бы посмеялся надо мной за это.

Мне ненужно беспокоиться об этом парне, о том, как я выгляжу — он и так увидит, что по утрам я выгляжу хуже некуда.

Мне ненужно беспокоиться о походе в туалет — я могу какать в своей собственной ванной комнате, и ему не придется это нюхать.

Мне ненужно беспокоиться о том, что я слишком громко жую, или ем слишком много, или выгляжу не мило, потому что парень все равно не интересуется мной, а я им, и даже если бы заинтересовалась...

Соседи по комнате не встречаются с соседями по комнате.

Где-то должно быть такое правило...

Около одиннадцати часов звонит его телефон, и я почти ожидаю, что он проигнорирует, но вместо этого Эшли берет трубку, с улыбкой поднося телефон к уху.

— Привет, мама. Почему ты встала так рано?

Привет, мама.

Вау, этот акцент.

Я притворяюсь, что не подслушиваю, но это невозможно — парень в полутора метрах от меня.

— Что? Собираешься в тренировочный лагерь по фитнесу? — Он замолкает на несколько минут, медленно кивая головой. — Ты что, спятила? — Затем: — Прости, мам. Мне не следовало этого говорить. Я имел в виду, ты с ума сошла? — Еще одна пауза. — Тренировочный лагерь? С кем? — Его мать говорит на другом конце линии, а он слушает. — Угу. Да. — Снова тишина. — Помолвлен? Они вместе всего шесть месяцев. — Эшли замолкает. — Я знаю, но... шесть месяцев? Будь реалисткой.

Должно быть, она читает ему нотацию, потому что потом Эшли говорит:

— Я знаю, мам, когда ты знаешь, то знаешь, но ему двадцать четыре, черт возьми. В последний раз, когда я видел Альфи Лэнгли, он пьяный в стельку мочился с моста.

Наблюдать за ним забавно. Очевидно, Эшли изо всех сил старается контролировать свой тон и интонацию, когда болтает со своей матерью, и у него это фантастически получается; насколько могу судить, он выругался всего один раз и использовал термин «помочился», который кажется таким же оскорбительным, особенно если его мама такая чопорная, какой он ее изобразил.

Я ерзаю на диване и ставлю его шоу на паузу, чтобы он ничего не пропустил.

— Можешь продолжать смотреть, — шепчет он мне. — С кем я разговариваю? С соседом по комнате. — Пауза. — Да, теперь у меня есть постоялец. Я забыл тебе сказать?

Эшли оглядывается и игриво показывает мне язык, поддразнивая свою мать, корча гримасу и скосив глаза.

— Только сегодня. Мы смотрели телепрограмму, когда ты позвонила.

Телепрограмму.

«Господи, как же мне это нравится».

— Ее зовут Джорджия. — Пауза. — Да, она девушка. — Эшли закатывает глаза и смеется. — Нет, мы не будем делить спальню. В доме, который ты мне сняла, две спальни, помнишь? — Пауза. — Мы познакомились на вечеринке и оказались в одном классе. — Пауза. — Бизнес-класс. Да, я учусь. — Пауза. — Нет, я ни с кем не встречаюсь. — Он молчит, пока она говорит, поглядывая на меня, а я наблюдаю за ним. — Да, она такая.

Да, она такая...

Какая?

Сейчас он говорит обо мне, я ПРОСТО ЗНАЮ ЭТО. Что они ГОВОРЯТ?

Его мама только что спросила, симпатичная ли я?

Или милая?

Или забавная? О чем она могла его спросить?!

— Все не так, мам. Расслабься. — Он отводит телефон от уха и смотрит на экран. — Прошло пятнадцать минут, тебе разве не пора идти? Ты опоздаешь. — Пауза. — Я тоже тебя люблю, мама. Передавай привет папе и Джеку. — Он театрально закатывает глаза к потолку. — Да, и Кэролайн тоже. — Он прикрывает микрофон рукой и шепчет: — Но на самом деле нет. Кэролайн небольшого ума.

Сиська ^[14]?

Что это, черт возьми, за оскорбление такое?

Если бы я сделала глоток чего-то — воды, например, — это был бы момент, когда я

выплюнула бы все это на пол.

Эшли забавный, смешнее, чем я думала.

Они с мамой болтают еще несколько мгновений, на его лице все время улыбка, ямочка на подбородке подмигивает мне — на самом деле насмеяться надо мной.

Как я раньше не заметила ее? Борода была не такой уж густой.

Когда парень завершает звонок и кладет телефон, то посмеивается.

— Мама проводит тренировочный лагерь по фитнесу.

Я поняла это из своего подслушивания.

— Сколько сейчас времени дома?

— Около пяти утра. Она рано встала, хотя обычно спит до обеда.

— О-ла-ла.

Эшли кивает.

— Она настоящая принцесса, да и гнездо опустело.

Похоже, у нее было пустое гнездо большую часть жизни, учитывая, что Эшли отправили в школу-интернат, но я держу рот на замке по этому поводу.

Кроме того, он кажется достаточно хорошо приспособленным, и похоже, у них с матерью прекрасные отношения. Не думаю, что это первый раз, когда они разговаривают за последние двенадцать часов, с момента как я переехала.

— Как часто вы разговариваете?

Он обдумывает это.

— Несколько раз в неделю. Думаю, ей одиноко. — Эшли наклоняется и достает из пакета несколько морковок, отправляя одну в рот. — Мой брат Джек живет в Лондоне и нечасто бывает дома, а папа много работает. Приятно, что она присоединилась к тренировочному лагерю, а не просто к благотворительному клубу, где они собирают средства и хвастаются у кого больше ботокса.

Его жевание и близко не такое громкое, как мое, или, может быть, я просто слишком стесняюсь этого. В любом случае, нет никаких шансов, что я снова засуну морковку в рот.

Не буду рисковать.

Спросите меня через неделю, и, возможно, я передумаю, но я не подписывалась на эту версию Эшли Драйден-Джонса. Я подписалась на волосатую, неряшливую версию.

— Мама славная, — добавляет он, и мое сердце смягчается.

Мама славная.

Не уверена, что такого в этом предложении, но если бы я была мороженым, то начала бы таять по бокам рожка и превращаться в лужицу.

— Сколько лет твоему брату? У тебя только один?

Он кивает.

— Джек младше меня, и уже работает на папу летом, пока я остаюсь здесь играть в регби. Не уверен, обижается ли он на меня прямо сейчас... Узнаю, когда вернусь. — Эшли жует еще одну морковку. — Ты близка со своей семьей?

— Да, я единственный ребенок в семье, так что мы близки, но мои родители не из тех, кто просто заскакивает ненадолго. Даже когда я была в том же штате, они все равно редко навещали меня. Они проводят много времени вместе.

— Ты сказала им, что съехала из общежития?

— Да.

— А что живешь с парнем?

— Да.

Он терпеливо ждет дополнительной информации, а когда таковой не поступает, подталкивает меня:

— И?

Он хуже, чем девчонка!

— И... они в порядке с этим. Им нечего было сказать по этому поводу.

— Нечего сказать по этому поводу?

Вот он продолжает, превращая заявления в вопросы.

— Нечего.

— Почему? — Внезапно Эшли встает с дивана и кружится по кругу. — Во мне сто восемьдесят семь сантиметров — рослый парень. Они не беспокоятся?

— А о чем им беспокоиться? — Я притворяюсь невежественной.

Хотя точно знаю, о чем он говорит; Эшли хочет, чтобы я рассказала ему, какой он большой и страшный и как, возможно, напуганы мои родители тем, что я живу с гигантским неуклюжим самцом.

— Об этом! — Он жестикулирует руками вверх и вниз по своему телу, как будто представляет себя в качестве главного приза.

— А что не так? — Я беру морковку и сую ее в рот, в основном для того, чтобы не расхохотаться. Он так старается быть крутым.

Эшли плюхается обратно.

— Какие родители не беспокоятся, что ты живешь одна с мужчиной?

Мужчина.

Я смеюсь, продолжая жевать.

Он хмурится.

— Они доверяют мне, и, следовательно, доверяют тебе. — Сделав паузу, я вспоминаю разговор, который он только что имел со своей мамой. — Что сказала твоя мама, когда ты сказал ей, что твой новый сосед по комнате — девушка?

Это ставит его в тупик.

— Ничего.

Лжец! Ей определенно было что сказать по этому поводу, потому что, если я правильно помню, он сказал ей, что мы познакомились на вечеринке и вместе ходим на занятия. Затем сказал, что ни с кем не встречается. А после посмотрел на меня и сказал: «Да, она такая».

Какая ТАКАЯ?

— Маме тоже нечего было сказать по этому поводу.

— Совсем ничего? — Я закатываю глаза. — Тогда о чем она спросила, когда ты ответил; «да, она такая»?

Эшли хихикает.

— Похоже у кого-то длинные уши.

Он прав. И что из этого?

Я пожимаю плечами, не собираясь оправдываться.

— Если хотел уединения, тебе следовало выйти из комнаты. — Я пожимаю плечами. — Так что она спросила?

Парень продолжает смотреть телевизор, уделяя этому все свое внимание, пытаюсь игнорировать меня.

— Ну же, скажи мне! — Бросаю в него подушку, потому что я девочка, но в то же время

веду себя как ребенок, устраиваю мини-истеричку, чтобы получить то, что хочу.

— Что мешает мне солгать и просто что-то выдумать?

— Ты слишком честен для этого.

— Черт. Ты права.

Я поднимаю брови.

— Так что?

— Почему тебя это волнует? Разговор состоялся десять минут назад.

Потому что она спросила его кое-что обо мне, и он сказал: «Да, она такая», и я хочу знать, что это было.

Она одинокая? Да, она такая.

Она умная? Да, она такая.

Она трудолюбивая? Да, она такая.

Так много возможностей, но я хочу знать наверняка!

— Она спросила, привлекательная ли ты, и я сказал «да».

Кроме этого.

Этого я не предвидела.

— О.

Привлекательная.

Это по-британски значит «милая»? Или хорошенькая?

Или горячая?

Эшли хмыкает, не реагируя, скрестив руки на груди и уставившись в телевизор, морковка торчит у него изо рта как сигара.

Суть в том, что он считает меня привлекательной.

И признался мне в этом прямо в лицо.

«Успокойся, Джорджия. Он разговаривал со своей матерью; она задала ему простой вопрос, и тот ответил, что я вроде как не тролль».

Я симпатичная. Милая.

Привлекательная.

Так или иначе, это кажется маленькой победой.

Мы сидим в тишине еще несколько минут, пока я не теряю интерес и не встаю, зевая, и, извиняясь, отправляюсь спать. Проверяю кухонную дверь, чтобы убедиться, что она заперта, и убираю тарелку, которую использовала для перекуса, проверяю входную дверь, чтобы убедиться, что она тоже заперта.

— Никто не собирается вламываться, — кричит Эшли из логова.

Разве он никогда не слышал о студентах колледжа, которые напиваются и заходят не в тот дом?

Поверьте мне.

Это случилось.

В своей комнате я, наконец, готова лечь спать и плюхаюсь на матрас, уставившись в потолок с выключенным светом. Только мой телефон иногда загорается сообщениями от Наллы или Прии, которые весь день спрашивали о моем дне, как все прошло, как Эшли, чисто ли в доме и бла-бла-бла.

Сообщение от моей матери, которая проверяет меня и хочет, чтобы я позвонила ей утром.

Смотрю сквозь непроглядную тьму, поворачиваясь лицом к двери, телефон на тумбочке.

Он снова пищит, загораясь, и я тянусь к нему, ожидая увидеть еще одно сообщение от девчонок.

Это не от них

Оно от Эшли.

Эшли: *Все еще не спишь?*

Я: *Нет. Что случилось?*

Почему он пишет мне, когда его комната всего в нескольких шагах по коридору?

Эшли: *Ты устала?*

Я: *Эм. Вроде того? Но я рада, что завтра смогу выспаться.*

Никакой тренировки в воскресенье.

Эшли: *Нам нужно чем-нибудь заняться.*

Я: *Э-э-э... например, чем?*

Эшли: *Я не знаю, возможно, мы могли бы отправиться в поход. Тропа ледникового периода в Данхейвене.*

Он серьезно?

Пешие прогулки — мое любимое занятие.

Я: *Звучит весело.*

Эшли: *Круто. Погода должна быть хорошей, нежарко, и нам ненужно спешить утром. Мы можем выпить кофе и позавтракать по дороге из города.*

Я: *Круто.*

Боже, теперь я повторяю то, что он сказал.

Эшли: *Пости немного, увидимся утром.*

Я: *Спокойной ночи.*

Вот только я не сплю. Лежу долгое время, гадая, во что я вляпалась. Жить с девочками — это одно, а с мальчиками — совсем другое, и я не знаю, смогу ли помешать своим мыслям блуждать, когда увижу его татуированные руки и буду вынуждена смотреть на щель между зубов, когда он улыбается.

У нас общие занятия.

Теперь мы живем вместе.

Слишком поздно признавать, что Эшли интересуется меня так, как не должен сосед по комнате, а ведь не прошло еще и суток.

— Какой кофе ты хочешь?

Мы едем по дороге в кофейню рано утром. Я не могла заснуть, и, хотя старалась оставаться в постели подольше, все-таки вылезла и спустилась вниз, найдя своего соседа на кухне, уже сидящего за стойкой.

Без рубашки.

Весь в татуировках и накачанных мышцах, опустошал миску хлопьев, на его лице было удивление, когда он увидел меня стоящей в дверях так рано.

— Я думал, ты спишь, — сказал он, вытирая молоко со рта и выпрямляясь на месте. Он также убрал локти со стойки.

Если бы он не был наполовину голый, то шкала хороших манер резко взлетела бы вверх.

— Не смогла уснуть. — Я стояла там в одной майке и шортах, встав посреди ночи и переодевшись, потому что мне стало жарко, затем пошла проверить термостат в коридоре и обнаружила, что он установлен на семьдесят градусов.

Скрестив руки на груди, я стеснялась того, что не надела лифчик.

— Пойду переоденусь, а потом мы сможем ехать?

Эшли кивнул, и через несколько минут мы выехали с подъездной дорожки и направились за город.

Первая остановка: кофе.

Я не смогу проглотить обычную порцию, поэтому заказываю что-нибудь со льдом — по-видимому, слишком сладкое на вкус Эшли, потому что он фыркает, заказывая себе порцию эспрессо, который подается в таком милом и маленьком стаканчике.

— Боже мой, это восхитительно. — Не могу не сказать я, когда он передает мне наш заказ, в то время как бариста подает их в окно.

Я поднимаю крошечную чашечку и заглядываю внутрь.

— Там почти ничего нет.

Какая пустая трата денег.

— Всего на несколько глотков.

— И что ты с этим делаешь?

Он смеется.

— Пью?

— Пьешь. — Хм. — Это не займет много времени. Я люблю не торопиться и потягивать свой напиток. — Сжимаю руками стаканчик с латте, несмотря на то, что он холодный.

— Иногда, — размышляю я вслух, глядя в окно на проплывающий мимо пейзаж, — днем я выпиваю теплый латте с теплым печеньем, и это лучшее, что есть в мире.

Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как его брови взлетают вверх.

— Это не может быть лучшей вещью в мире.

— М-м-м. Говорю тебе, нет ничего лучше теплого печенья.

— Ничего? — бормочет он, снова фыркая. — Я мог бы придумать несколько вещей получше.

Вопрос «Например, что?» вертится у меня на кончике языка, но я останавливаю себя. Эшли ведь не говорит о сексе, верно?

Он мог бы говорить о выпуске новых лего «Звездные войны» или отдыхе на гамаке где-нибудь на пляже. О победе в последнем матче сезона или о расслаблении в горячей ванне или ванне со льдом в университетском тренировочном зале.

Да.

Вот что он имеет в виду.

Эшли Джонс далек от того, чтобы флиртовать со мной.

Мы друзья и соседи по комнате, и ничего больше.

Мои волосы собраны в конский хвост, бейсболка натянута на голову, чтобы мне не понадобились солнцезащитные очки. На мне спортивный бюстгальтер и майка, пара укороченных черных леггинсов и кроссовки.

Эшли несколько раз оглядывается — такое ощущение, что он бросает взгляды украдкой, но этого тоже не может быть.

Я в беспорядке, даже несмотря на то, что собрана воедино.

Свежее лицо.

Никакого макияжа.

Такая же, какой он видел меня прошлым вечером.

Наклонившись вперед, я включаю радио, не в настроении навязывать разговор, когда поездка такая спокойная. Нахожу станцию, которая воспроизводит новые песни, устанавливаю громкость на низком уровне, но достаточно громко, чтобы услышать.

Бросаю несколько взглядов украдкой в сторону Эшли, изучая его мужественный силуэт, точеную, четко очерченную линию подбородка. Ночная щетина на его щеках отбрасывает сексуальную тень. Полные губы.

У него растут бакенбарды по бокам лица, и это не отталкивает меня, наоборот, мне это нравится.

Это даже круто с оттенком «Мне пофиг на все». Парень здесь только ради образования и опыта, и его не волнует, что о нем думают другие люди.

Эшли классный парень.

Он мне нравится.

Эшли

— Может, нам сделать селфи или что-нибудь в этом роде?

Вопрос Джорджии полон надежды, и ее лицо тоже, когда она прикрывает глаза от солнца.

Нам потребовалось почти два часа, чтобы добраться до вершины утеса, на который мы взбирались, любуясь потрясающими видами.

Мы пристроили наши задницы на гигантском валуне с видом на город, достаточно близко к коварному обрыву, чтобы вызвать головокружение. Жую протеиновые батончики, которые Джорджия достала из черного рюкзака, взятого с собой в поход.

— Селфи? — Почему девушки такие?

— Пожалуйста?

— Хочешь фото со мной? Почему бы мне просто не сфотографировать тебя?

Джорджия обдумывает это.

— Такой красивый вид.

Красивый вид.

Это она красивая.

Очень.

«Господи, Эш, возьми себя в руки».

Девушка занята тем, что достает свой мобильный телефон и тычет пальцем в экран, поднимая камеру и держа ее как можно дальше перед собой.

— Тебе нужно подойти ближе.

Ну уж нет.

Мое тело остается прикованным к месту.

Мне ненужно двигаться, так как девушка делает это за нас обоих, скользя по камню, пока мы оба не оказываемся в кадре.

— Не мог бы ты улыбнуться?

— Я улыбаюсь. — Обнажаю зубы, расщелина занимает центральное место, заставляя меня хмуриться.

Чертова щель.

Раньше ее не было. Я перестал носить фиксатор несколько лет назад, потому что какой идиот захочет надевать фиксатор в постель, и со временем появилась щель.

— Может, тебе стоит подержать телефон — у тебя руки длиннее.

Это действительно так.

Я тяжелее ее и выше как минимум на двадцать сантиметров, размах рук как крылья, и теперь девушка хочет, чтобы я взял ее мобильный и сфотографировал нас на него.

Картина, в которой я с самого начала не хотел участвовать.

— Хорошо.

Теперь он кажется крошечным в моей руке, когда я вытягиваю руку, большой палец на кнопке камеры — и когда делаю первое селфи, Джорджи прижимается ко мне еще теснее, сияя своей убийственной улыбкой.

Я чувствую ее запах.

От нее пахнет солнцем и каким-то фруктовым лосьоном, которым она воспользовалась. Ее волосы касаются моего лица. Носа.

Невозможно не вдохнуть.

Не успеваю я опомниться, как Джорджия рукой скользит по моей спине, другой показывает два пальца в виде буквы V, когда я нажимаю на дурацкую маленькую кнопку камеры.

— Не мог бы ты улыбнуться? Выглядишь так, будто у тебя запор.

У меня отвисает челюсть, и во второй раз с момента встречи с ней я застигнут врасплох — в первый раз в тот вечер, когда она подошла ко мне в доме регби, чтобы пригласить на дурацкое свидание.

И вот она говорит мне, что у меня, похоже, запор.

Я улыбаюсь.

— Ладно, не бери в голову. — Она смеется. — Похоже, я держу тебя здесь против твоей воли.

Ее лицо по-прежнему обращено к камере; на этот раз девушка настраивает свое выражение так, чтобы оно соответствовало моему, и я отстраняюсь, пока она, в конце концов, не выхватывает свой мобильный обратно, чтобы просмотреть фотографии.

Джорджия не отодвигается, не дает мне того пространства, которое было у нас, когда мы сиделись, вероятно, потому, что занята просмотром снимков, которые я сделал.

— Эта симпатичная.

Тычет фотографию мне в лицо.

— Симпатичная?

Я чертовски уверен, что выгляжу не очень, но с другой стороны, имеет ли значение, что с моим лицом? Волнует ли девушек это?

Другая группа пробирается к вершине — четыре человека, две пары — делая то, что мы делали, когда добрались сюда. Оглядываются вокруг, охая и ахая от открывающегося вида.

Джорджия предлагает их сфотографировать, наверное, потому, что у нее такое настроение.

Я смотрю, как она смеется и расставляет их, как будто она нанятый профессиональный фотограф. Перемещает одну девушку так, чтобы ее рука не загоразживала ее подругу, переставляет парня так, чтобы он был справа. Немного двигает всех. Нет, ветка мешает — все делают один шаг влево.

Джорджия прекрасно ладит с людьми, переставляя четверку во второй раз, не обращая внимания на меня, стоящего рядом, их смех эхом разносится по долине.

Мы высоко, где воздух чист, а обзор простирается на километры и километры.

— Они из колледжа, — говорит она, присоединяясь ко мне, отряхивая гравий со своих коленей, потому что опустилась на них, чтобы поиграть с ракурсом. — В основном гуманитарные науки.

— Что это значит?

— Э-эм... музыка и искусство, и кажется... психология? Черт возьми, я на самом деле не уверена, но все они казались действительно милыми.

Я оглядываюсь.

Группа все еще фотографируется, в основном делают селфи, пары держатся за руки и занимаются всякой ерундой, которая заставляет меня быстро отвести взгляд.

Никому не нужно видеть это дерьмо, и меньше всего мне.

В дальнем конце есть стол для пикника, и Джорджия направляется туда, достигает его раньше меня и усаживается на столешницу, а ноги ставит на скамейку для сидения.

Я присоединяюсь к ней, когда девушка вытягивает ноги, замечая, что они выглядят гладкими.

Джорджия загорела от пребывания на солнце, на беговой дорожке, ноги длинные и подтянутые во всех нужных местах.

Мускулистые, но женственные.

Сгибает их, и икроножные мышцы напрягаются.

Отвожу свой чертов взгляд, чтобы девушка не заметила, как я пялюсь; последнее, что мне нужно, это чтобы она увидела, как я пялюсь, и сбежала, потому что ей страшно.

Прошел всего день, но это уже чертовски здорово, когда в доме есть кто-то еще — не так одиноко.

Не так тихо.

Не так однообразно.

— Спасибо, что привез меня сюда. Люблю живописные виды. — Она оглядывается. — И спасибо тебе за завтрак.

Я оплатил ее кофе и круассан, которые она заказала, плюс дополнительные протеиновые батончики, которые та хотела положить в свой рюкзак на случай, если мы проголодаемся по дороге вверх или вниз по утесам.

— Не за что. — Мне кажется, или я действительно ворчу?

— Чем занимаешься сегодня вечером?

— По воскресеньям я обычно валяюсь и смотрю телик, но я делал это прошлым вечером, так что... не знаю. Давно не был в центре.

В центре города, в баре.

Вроде как весело, если достаточно людей.

— Какой твой любимый?

— Бар? Вероятно, «Номадс».

Там немного шумновато, но на столах есть арахис, и обычно там веселая компания. Выпивка пинты или двух в конце недели идет моему организму на пользу.

— Никогда там не была.

Она напрашивается на приглашение или просто говорит мне, что никогда не была в «Номадсе»? С женщинами это трудно понять.

У некоторых из них есть скрытые мотивы.

— Хочешь пойти?

Джорджия колеблется.

— Ты хочешь потусоваться со мной?

Я имею в виду... она так же хороша, как и любой другой из моих друзей, и в ней меньше драмы, что говорит о многом. Стюарт, Энди и другие парни великолепны, но они такие чертовски чувствительные. И если я услышу еще хоть слово от Стью о двойных свиданиях или от кого-нибудь из команды, болтающего о регби в наши выходные, я пойду и встану перед движущимся автобусом.

Нет.

Джорджия прекрасно подойдет в качестве напарника.

— Сегодня воскресенье, так что я, вероятно, не буду кутить.

Она наклоняет голову.

— Это значит «зажигать» или что-то совершенно другое?

— Напиваться, — объясняю я. — До беспамятства. Вдрызг.

— Крысиная задница^[15]? — повторяет она. — Хм, возможно, теперь это мое новое любимое выражение.

Это заставляет меня рассмеяться.

— Ты не можешь просто так говорить это, когда тебе заблагорассудится.

— Заблагорассудится? Мне это тоже нравится.

Вау. За ней было бы так легко ухаживать, или подкатывать, или как там это называют люди. Ключ в моем британском акценте.

Или нет.

Джорджию трудно понять — к тому же, у нас есть эта история с соседями по комнате.

— Что еще тебе нравится? — спрашиваю я с любопытством.

Она пожимает плечами, размышляя.

— Кроме бега? Я люблю воду — катание на байдарках, вейкбординг и... не знаю. Плавание? Хм. Рождество?

— Рождество — одно из твоих увлечений?

— Да, это же волшебство. Кто его не любит?

Хорошо. Двигаемся дальше...

— Что еще?

— Я люблю путешествовать, но у меня не было ни возможности, ни денег.

— Куда бы ты отправилась завтра, если бы была возможность поехать куда-угодно?

— В Соединенных Штатах?

Я киваю.

— Допустим.

— Вегас.

— Вегас!? — Какой странный выбор.

— Это странно? Я никогда там не была, и там кажется весело. — Она пожимает плечами. — К тому же это не так дорого, и там так много всего можно сделать.

Она права — это не так уж дорого, и там чертовски много развлечений, плюс куча неприятностей, с которыми можно столкнуться.

— Поездка займет всего день или два.

Верно; мы с парой парней ездили туда, когда я был первокурсником, только что с самолета из Британии. Они попытались нанять мне проститутку, но мне вряд ли нужно платить кому-то, чтобы отсосали мой член.

Не думаю, что они понимали, что проститутки не так новы для парней в Великобритании, как в Америке. Меня тошнило от мысли о том, чтобы заплатить за трах. Это не сделало меня твердым.

— А куда бы ты отправился, если бы была возможность поехать куда-угодно? — задает Джорджия аналогичный вопрос.

Точно не Вегас.

— Куда-нибудь, где тепло. — С пляжем и гамаками, висящими под пальмами.

— Как Флорида? — уточняет она со смехом.

— Слишком много туристов. Меня от них тошнит — вот почему я держусь подальше от Лондона, когда бываю дома.

— Тогда, может быть, западное побережье?

Я пожимаю плечами.

— Не Америка. Например, в Грецию.

Ее глаза практически вылезают из орбит.

— Греция! Звучит так... необычно.

— Там тепло, и до Лондона рукой подать.

— И сколько это по времени «рукой подать»?

— Не знаю, около трех часов?

— И все? Звучит отлично...

— Это недолгий перелет, и оно того стоит — самая голубая вода, которую ты когда-либо видела. — Честно говоря, я немного скучаю по дому, вспоминая поездки, которые мы совершали на каникулах — мама, папа, Джек и я — в Грецию после Рождества, обычно, когда мы с братом возвращались домой из школы. — Да, думаю, что хотел бы вернуться туда когда-нибудь.

— Звучит как мечта. — Она тяжело вздыхает, вероятно, неспециально, с отсутствующим выражением в глазах, когда смотрит на открывающийся перед нами вид.

Я так понимаю, Джорджи не из привилегированной семьи, и в детстве у нее не было кучи денег, поэтому ей пришлось перевестись так поздно во время учебы в колледже. Ей приходится следить за деньгами, потому что у нее нет денег в банке, как и у ее родителей.

И вот я говорю о поездке в Грецию, при ее мечтах о Вегасе...

Мы вдвоем сидим еще немного, слушая птиц, ветер и шелест деревьев. Наблюдаю за четверкой, как они сидят на краю обрыва, обняв друг друга.

Джорджи снимает бейсболку, стягивает резинку с волос. Заплетает их в одну толстую косу, спадающую ей на спину.

Я встаю со стола для пикника и смотрю на девушку сверху вниз.

— Готова спускаться?

Она поднимает взгляд.

— Да, конечно.

Потребуется некоторое время, чтобы спуститься вниз по утесам, примерно час, чтобы добраться домой — может быть, остановиться и выпить еще кофе — и я, возможно, захочу вздремнуть, если мы собираемся пойти в «Номадс».

Джорджия ведет нас вниз.

Я смотрю, как ее коса раскачивается взад-вперед по спине, когда девушка пробирается по камням, обходя ветки на пешеходной тропе.

Бойко.

Изящно.

Делаю все возможное, чтобы не заикливаться на этих волосах, которые раскачиваются там, призывая меня потрогать их, чтобы увидеть, такие ли они мягкие, какими казались, когда ниспадали ей на плечи.

Блядь.

«Сосредоточься, Эш».

Сосредоточься.

Слово, которое, уверен, я буду повторять про себя до конца года, уже сожалея о решении попросить ее жить со мной.

Я так и не научился идти легким путем...

Джорджия

Я не планировала делать прическу и макияж, чтобы пойти в захудалый бар в колледже, но все равно сделала. И теперь выгляжу довольно мило и чувствую себя хорошо... когда кружусь для Эшли, войдя на кухню.

Он заказал нам такси, чтобы мы могли выпить, хотя сейчас конец выходных, и у нас обоих завтра не только занятия, но и тренировка.

Мне приходится вставать в пять утра, чтобы пробежать круги по стадиону, и я уже боюсь этого. Уже подсчитываю оставшиеся часы сна, исходя из того, когда смогу лечь в постель.

Если мы вернемся к десяти, то у меня будет шесть часов, как только сниму макияж и приму душ.

Если к одиннадцати, то пять часов.

Если вернемся к...

И так далее.

Запах моих духов наполняет машину по дороге в «Номадс» — и не в ужасном смысле, типа: «Ты что, купалась в них?» Я заметила, как Эшли нюхает воздух в моем направлении после того, как мы пристегнулись, с удовлетворением отметив, что он не комментирует.

Мы приезжаем в центр города относительно рано — большинство студентов начинают собираться около десяти, но мы хотим быть дома к тому времени, — так что, когда мы прибываем в «Номадс», есть много мест, где можно посидеть.

Подойдя к бару, мы выбираем два стула в дальнем конце — идеальное место для людей, наблюдающих за медленно прибывающими посетителями.

Колено Эшли натывается на мое, когда мы устраиваемся, контакт обжигает мою кожу через джинсы.

Его локоть толкает меня в грудную клетку.

— Извини, — бормочет он, далеко не такой компактный, как я, постоянно натываясь на меня при каждом движении.

Это не его вина, что он такой огромный, но, когда парень прикасается ко мне, это нервирует.

У меня не должно быть бабочек в животе.

Я просто... не...

Эшли проголодался и заказывает немного еды — начос с начинкой и палочки из моцареллы, — и мой желудок урчит при мысли о жирных закусках в баре, и в то же время я задаюсь вопросом, насколько чистая здесь кухня.

Я посмотрела слишком много плохих реалити-шоу о барах для своего же, черт возьми, блага.

— Мне нужно в ванную комнату, не мог бы ты заказать мне то, что у тебя?

Эш кивает, терпеливо ожидая, пока бармен обратит на нас внимание, хотя здесь совсем немногочисленно. Просто несколько парней, играющих в бильярд в соседней комнате, и еще один или два человека за стойкой — не то, чтобы бармен был слишком занят.

Я легко нахожу ванную комнату, стены которой окрашены в тошнотворный оттенок

розовой краски, которая скорее всего выглядит тем лучше, чем больше человек опьянен.

Когда стягиваю джинсы ниже бедер, чтобы сходить в туалет, мой взгляд останавливается на ярком, красочном изображении на задней стороне розовой двери кабинки.

Я писаю и одновременно просматриваю листовку, с волнением вчитываясь в слова.

Новый эксклюзивный отель и казино «Харт»

Все расходы оплачены

1000\$ наличными на расходы

Мои глаза играют со мной злую шутку, или я смотрю на плакат «Выиграй поездку в Вегас» на задней стенке туалетной кабинки?

КАКОВЫ ШАНСЫ?!

Я только сегодня говорила о том, что хочу поехать в Вегас!

Внизу есть маленький белый квадратик с кодом для сканирования, и я выуживаю мобильник из заднего кармана, все время стараясь не уронить его в унитаз под задницей. Сканирую, чтобы перейти по ссылке на конкурс.

Читаю, перечитываю еще раз, уже запоминая правила, сроки и дату, когда они выберут победителя.

Плакат висит уже некоторое время, конкурс заканчивается на следующей неделе.

Я никогда ничего не выигрываю, но все равно участвую, заполняя форму со своего телефона, находясь в туалете, пока Эшли ждет меня в баре.

Взволнованная, забираюсь обратно на свой барный стул.

— Угадай, что я только что сделала?

Эшли смотрит на меня в ожидании, большой рукой сжимает бокал пива.

Я жду, что парень скажет: «Что?» или, по крайней мере, сделает предположение, но он этого не делает.

Он поднимает брови. Обе.

— На задней стенке туалетной кабинки висел плакат с объявлением конкурса. Приз — поездка в Лас-Вегас.

— Дай угадаю, — шутливо произносит он наконец. — Ты участвуешь, чтобы победить.

— Да! Это было легко — все, что мне нужно было сделать, это войти и заполнить некоторую информацию.

— Ты понимаешь, что никогда не выиграешь, верно?

Почему он так говорит?

— Мысли позитивно! Это может случиться.

Хотя он прав; скорее всего, этого не произойдет — я никогда ничего не выигрываю, уж тем более поездку в Вегас, о которой я МЕЧТАЮ?

Статистически очень маловероятно.

— Ты когда-нибудь слышала о том, чтобы кто-нибудь выиграл поездку куда-нибудь? — спрашивает меня кайфоломщик, отпивая из своего стакана и вытирая пену с верхней губы.

— Никогда, но чудеса случаются. Перестань быть таким занудой. — У меня тоже есть пиво, но оно не мое любимое, и теперь я больше не в настроении пить.

Я поднимаю палец на барменшу, и она подходит.

— Можно мне чай со льдом и воду, пожалуйста.

Хмуро глядя на своего соседа по комнате, я мрачно пододвигаю к нему свое пиво.
Эшли смеется.

— Отлично. Ты, вероятно, выиграешь.

Я свирепо смотрю на него.

— Не ценю твой сарказм. Ему не место за этим столом.

— Мы не за столом, мы в...

— Перестань быть таким буквальным. Просто остановись.

Он сейчас такой раздражающе реалистичный, даже с горячим британским акцентом.

— Что я не так сказал?

— Ничего.

Эшли изучает меня несколько секунд, не веря.

— Когда девушки говорят, что все в порядке, это означает, что что-то не так.

Это, конечно, стереотип, но в моем случае правда.

Я иррационально раздражена, потому что он не думает, что я могу выиграть поездку, которую я, вероятно, не выиграю.

— Ты теперь эксперт по девушкам?

— Нет, вовсе нет, но не лги и не говори, что все в порядке.

Я смотрю на него, делая глоток холодного чая из стакана передо мной, совсем маленький глоток.

— У тебя когда-нибудь была девушка? — выпаливаю я вопрос, честно говоря, мне любопытно, так как мы затронули тему девочек.

— Нет.

Я сейчас в ударе, будучи раздражительной, так что решаюсь спросить:

— Есть ли причина, почему?

— Не особенно. Просто не нашел девушку, которую хотел бы превратить в подружку — хотя не отрицаю факт, что мама пыталась меня сосватать.

— Как бы ты мог встречаться с кем-то из Англии, когда ты на другом конце света?

— Видеочаты? Плюс... — Он теребит салфетку под своим бокалом, разрывая ее на крошечные кусочки. — Я недолго пробуду на другом конце света. Возвращаюсь домой в конце года.

— Точно. Я все время забываю, что ты не отсюда. — Я смеюсь. — Я имею в виду, акцент — хорошее напоминание... и тот факт, что ты такой правильный.

Временами немного чопорный и прямолинейный, но не невыносимый.

— Не думаю, что кто-то раньше называл меня правильным. Изворотливым — да, правильным — нет.

— Не в лицо, но думаю, что есть много людей, которые думают, что ты говоришь как королева Елизавета.

— Я не говорю как королева Елизавета.

Он звучит таким обиженным.

— Тогда принц Чарльз?

— Перестань.

Я удовлетворенно вздыхаю и беру палочку моцареллы, разламывая ее пополам.

— Я рада, что мы занимаемся соседскими делами вместе.

— Соседскими делами. — Это заставляет его ухмыляться. — Как два приятеля, да?

— Точь-в-точь как два приятеля. Два брата.

— Эй, эй, не так быстро. — Эшли издаёт рвотный звук. — Не сравнивай нас с братьями.

— Почему ты ведешь себя как какашка на вечеринке? Я просто дразнилась. — Я кладу сырную палочку в рот и откусываю. — Я даже не просила тебя стукнуться кулаками или что-то в этом роде.

— Что такое «какашка на вечеринке»?

Он сейчас говорит серьезно, или в Британии не используют это выражение?

— Какашка на вечеринке — это ты, т. е. тот, кто не хочет веселиться. Дебби Даунер ^[16]. — Я делаю все возможное, чтобы объяснить, но даже для меня объяснение звучит неубедительно. — Кто-то, кто не думает, что я выиграю поездку в Вегас.

Плюс, ему, похоже, все равно на определение; ему просто не нравится, когда его обзывают.

Его лицо искажается, когда я вытаскиваю конец палочки моцареллы изо рта, и за ней следует о-о-о-очень липкая полоска сыра.

— Ты только что употребила «т. е.» в устном предложении?

Я продолжаю жевать, сознавая тот факт, что у него, вероятно, манеры за столом лучше, чем у меня.

— Давай сменим тему? Я серьезно.

— Подожди, так я «какашка на вечеринке», потому что говорю тебе, чтобы ты не надеялась выиграть отпуск в Лас-Вегасе? Сейчас, между прочим, середина семестра. Ты, — он указывает на меня, — никуда не сможешь поехать. Ты, — снова указывает, — получаешь стипендию. Ты не сможешь улететь с бухты-барахты, когда тебе заблагорассудится.

Я оскорбленно встряхиваю волосами.

— Смогу, если это будет в выходные.

Эшли фыркает.

— И кого ты собираешься взять с собой? На сколько человек это рассчитано?

— Эм... два.

Еще одно фыркание, настолько возмущенное, что я обижаюсь.

— Я должна взять тебя, если выиграю, просто чтобы помучить тебя.

— Договорились, — кивает он. — Я настолько уверен, что ты не выиграешь поездку, что, если выиграешь, я с радостью поеду и позволю тебе таскать меня повсюду — мы посмотрим и сделаем все, что ты пожелаешь.

Все, что я пожелаю.

Музыка для моих ушей.

Это было бы мечтой!

— В пустыне есть достопримечательность под названием «Семь волшебных гор» — это разноцветные скалы. Что-то вроде Стоунхенджа. Они выглядят так круто, и я хочу сфотографироваться там.

Эшли достает свой телефон, и, бросив взгляд через его плечо, я вижу, что он гуглит «Семь волшебных гор».

— Это не достопримечательность, а художественная инсталляция, и никогда больше не сравнивай ее со Стоунхендж.

— Видишь? Какашка. На. Вечеринке.

— Я не пытаюсь разрушить твою мечту, Джорджи. Просто не ожидай слишком много.

Как насчет того, чтобы позволить мне беспокоиться о моих ожиданиях и перестать быть

таким кайфоломщиком?

— Хорошо, мистер Ведро холодной воды.

Он снова выглядит сбитым с толку, и, честно говоря, этот языковой барьер, из-за которого тот не понимает — или отказывается понимать — мои тупые шутки, действует мне на нервы.

Так расстраивает.

Все, что я пытаюсь сделать, это посмеяться и помечтать наяву вместе со своим пивом и закусками; разве я прошу слишком многого?

Я переключаюсь с сыра на начос, зачерпываю мясо и апельсиновый соус, отправляя их в рот.

— Если этому суждено случиться, значит, так тому и быть, — наконец говорит Эшли, присоединяясь ко мне за закусками.

Мы снова погружаемся в дружескую тишину, музыка, льющаяся из динамиков, — единственный звук, который я хочу слышать прямо сейчас.

Почему я так раздражена?

В чем моя проблема?

И почему он прикасается ко мне всякий раз, когда двигается? Мог ли он быть еще больше?

Фу.

Наши пальцы встречаются, когда снова тянусь за начос, и я отдергиваю руку, как будто он ошпарил меня. Парень берет закуску большой рукой, и мой взгляд пробегает по всей длине его предплечья.

Его покрытого татуировками предплечья.

— Твои родители кажутся консервативными — как они относятся к твоим татуировкам?

Он жует.

Глокает.

— Ну. — Вытирает рот бумажной салфеткой. — Сначала у мамы чуть не случился сердечный приступ — сердилась на меня из-за этого в течение нескольких недель, а в тот момент у меня была только одна на плече. — Он делает глоток пива, чтобы запить остатки чипсов во рту. — Потом я сделал еще одну в конце первого года обучения. Мне казалось, что нужно чем-то заняться, понимаешь?

— Просто захотелось чем-то заняться? Кто ходит и делает татуировки, потому что им скучно? Полоумные, вот кто.

Это заставляет его засмеяться, запрокинув голову назад, обнажая горло и татуировку низко над ключицей. Я вижу проблески чернил, выглядывающие из-за выреза его простой футболки.

— Я не жалею. Мне нравится, как они выглядят.

— Твоя мама видела твои руки?

— Да, мы общались по FaceTime, и она их видела. Думал, она упадет в обморок, когда я сделал ту, на которой написано «мама».

— Как банально. — Я хихикаю.

— По крайней мере, у меня нет мотоцикла — это было бы последней каплей. Они бы посадили меня под замок.

— Какой из себя твой брат? — спрашиваю я, копаясь в чипсах.

— Джек... полная моя противоположность. Очень порядочный парень, как ты бы сказала. Застегнут на все пуговицы, одна и та же пташка с тех пор, как мы учились в школе, вероятно, собирается взять годичный перерыв после окончания колледжа.

Пташка?

— Что за пташка? — спрашиваю я.

— Ну, не знаю — блондинка. Ее зовут Кэролайн, на самом деле она настоящая стерва.

— Его пташка — стерва? — Я смеюсь. — Что, черт возьми, это вообще значит? Она кричит слишком громко? Кусается?

Эшли непонимающе смотрит на меня.

— Мы говорим об одном и том же?

— Я не знаю. Мы говорим о настоящей птице?

Он качает головой.

— Нет, не птица. Пташка. Его девушка Кэролайн.

Я кошусь в его сторону, хотя он прямо передо мной.

— Пташка — это один из тех британских терминов, которые не означают то же самое в Америке?

— Видимо.

Ах, в этом есть смысл, и, черт возьми, я идиотка.

Как неловко.

— Это странное слово для девушки. — Это единственное, что я могу сказать, потому что чувствую себя глупо.

Он пожимает плечами.

— Не я его изобретал.

Я возвращаюсь к первоначальной теме.

— Сколько лет твоему брату?

— Двадцать.

— И он дома с твоими родителями?

Эшли бросает на меня хмурый взгляд.

— Он живет в Лондоне.

Я ничего не знаю о Лондоне или о том, что нужно для того, чтобы там жить, но знаю, что это чертовски дорого. Как двадцатилетний парень может себе это позволить?

— Точно, кажется, ты упоминал об этом. — Пауза. — Он приезжал навестить тебя?

— Да, приезжал. Кэролайн хотела увидеть Чикаго, поэтому они приехали на несколько дней, а затем взяли напрокат машину и поехали осматривать город. — Он достает из корзинки палочку моцареллы. — Думаю, что это ее тайная мечта — иметь дом в Америке. Она самоуверенна и стремится никогда в жизни не работать.

Могу сказать, что это его беспокоит.

— Это плохо.

Еще одно пожатие массивными плечами.

— Это проблема Джека, не моя. Я не из тех, кто встречается с кем-то, кто хочет, чтобы его осыпали подарками и имели членство в «Аннабель».

— Что такое «Аннабель»?

Он все еще жует.

— Самый шикарный клуб во всем Лондоне. Членство в клубе стоит чертовски дорого.

О.

— Пусть мечтает дальше. Этого никогда не случится. Джек не такой идиот. — Жует. Жует. — К тому же, не он наследник.

А я.

Слова не произносятся вслух, но они есть, как будто он их произнес.

Интересно, что все это значит. Мое сверхактивное воображение выстраивает в уме историю о прошлом Эшли, используя имеющуюся у меня информацию: его утонченный акцент. Дом, в котором он жил один, с гранитными столешницами и спальней для гостей — с собственной ванной комнатой.

Совершенно новый грузовик.

Школы-интернаты.

Разговоры о наследстве и эксклюзивных клубах, где нужно членство.

За пределами моего понимания.

Я знала девочек, которые росли так, южных красавиц голубых кровей, чьи семьи проживали в этом районе на протяжении нескольких поколений. Противные, заносчивые девчонки, которые были членами загородных клубов и смотрели на людей, задрав носы.

Носы, измененные хирургическим путем. И с отсутствием личности.

Не тот мир, в котором я хотела бы оказаться в ловушке.

— Поэтому ты переехал сюда? — внезапно выпаливаю я.

— С чего такой вопрос? Из-за «Аннабель»?

Я хихикаю.

— Нет. Ты переехал в Штаты, чтобы сбежать от своих обязанностей? Людей?

Парень медленно кивает.

— Да, наверное. — Он снова начинает теревить смятую салфетку, которую уже разорвал на части и уничтожил. — Не все это плохо — просто становится утомительным. Я не хочу устраивать обеды, вечеринки в саду и гребанные благотворительные мероприятия всю оставшуюся жизнь. Это не то, кто я есть.

Но это то, для чего я был рожден.

— Но ты собираешься работать на своего отца?

Он снова кивает.

— Так получилось, что я люблю цифры и финансы, поэтому думаю, что это будет не так уж плохо. — Пожимает плечами. — Я иногда ходил с ним в офис, когда был дома на каникулах, и мне всегда это нравилось. Он ставил мне мой собственный стол и просил подсчитывать цифры, а клиенты приходили поговорить об акциях. — Эшли замолкает. — А как насчет тебя? Какая у тебя семья?

— Мои родители — обычные американцы. Они оба работают полный рабочий день, иногда сверхурочно. Занимаются домом по выходным. Я выросла в маленьком домике, где нет места даже для собаки, но там мило. — Я думаю о том, как мое описание родителей и воспитания может звучать для него. — Никаких модных клубов или благотворительных мероприятий, если не считать сбора средств в школе, чтобы футбольная команда могла получить новую форму.

— Ты играла в футбол?

— Немного. Так мы обнаружили, насколько я быстра. Затем, когда у меня начало получаться в легкой атлетике, мне пришлось решить, на чем хочу сосредоточиться — никто не хотел, чтобы я травмировалась на футбольном поле, а легкая атлетика была самым безопасным выбором для получения стипендии

— Разве ты не могла достаточно хорошо играть в футбол, чтобы получить за это стипендию получше?

— Может быть? Хотя мне это не очень нравилось. Правила выводили меня из себя. И не могла вспомнить и половины из того, что они собой представляли: где я должна была находиться на поле, кто куда бежал во время удара по воротам.

— Понятно.

— В любом случае, у моих родителей не было денег на мое обучение. В общем, сделала то, что должна была сделать, а футбол ставил меня в тупик, поэтому я ушла. — Я пью из стакана с водой, который бармен поставил раньше. — Я люблю соревнования и путешествовать.

— И посмотреть изнутри гостиничные номера?

— В основном. — Я не могу удержаться от смеха.

Он прав; мы путешествуем, но это не значит, что мы занимаемся туризмом. Легкая атлетика — это не совсем тот вид спорта, который вызывает шумиху. На самом деле всем на это наплевать, кроме спортсменов и тренеров.

Это почти не приносит денег.

У нас почти нет зрителей.

Это спорт, который приходит и уходит практически незаметно.

Полагаю, как и регби. Такой малоизвестный вид спорта.

— Как давно ты играешь в регби?

Эшли издает жужжащий звук глубоко в горле.

— С тех пор как учился в средней школе. Регби и лакросс. — Он ухмыляется, сверкая расщелиной. — Так предсказуемо по-британски.

— Это увлекательно. Мне нравится. — Я подмигиваю ему и жалею об этом, потому что его глаза расширяются, и парень отводит взгляд — как будто не уверен, что делать с моим маленьким кокетливым жестом.

Это касается нас обоих...

Мне немного неловко, когда я ломаю голову, что бы еще сказать, или о чем поговорить, или спросить его.

— У вас есть какие-нибудь домашние животные?

Вот. Это хороший вопрос.

— У мамы какое-то время было несколько тьявкаующих собак. Хотя они мертвы.

Эм. Ладно.

— Мне не приходилось иметь с ними дело с тех пор, как учился в школе, хотя один из них — Лютик, померанский шпиц — страстно ненавидел меня. Укусил меня дважды, маленький ублюдок.

Я хихикаю.

— Скажи «Лютик» еще раз.

Парень сводит брови вместе.

— Одного раза достаточно, мисси.

Думаю, он дразнит меня в ответ, но трудно сказать наверняка; он все еще выглядит крутым. Грубоватый, с щетиной, в черной рубашке и с татуировками.

Не могу поверить, что подошла к этому парню несколько недель назад и осмелилась пригласить его на свидание.

Какая наглость!

Но с другой стороны...

Посмотрите, где мы сейчас находимся. Делимся закусками после утренней прогулки, живем через коридор друг от друга.

Никогда в жизни не поверила бы.

Мои часы издают звуковой сигнал, и я бросаю взгляд на уведомление.

Ронни: *Предупреждение: тренер проводит проверки. Она дает всем 30 минут.*

Дерьмо.

— Мы должны идти, — говорю я со вздохом. — Мой тренер проводит случайные проверки комендантского часа сегодня вечером.

Им нравится иногда следить за тем, чтобы мы не ходили на вечеринки, чтобы были в отличной форме на предстоящую неделю; им нужно будет мое селфи из дома, с отметкой даты и времени.

— Понял, — говорит Эшли, уже залезая в задний карман и вытаскивая бумажник. Достает несколько купюр и бросает их на стойку.

Я тоже лезу в свой.

Он останавливает меня, когда я поднимаюсь с барного стула.

— Я заплачу, Джорджи.

Краснея, я одариваю его застенчивой улыбкой. Это не свидание; он не обязан платить за мои напитки. Мне кажется, что в последние несколько дней я только и делала, что брала, брала и брала у него.

Представьте, если бы я действительно выиграла эту поездку и смогла бы пригласить его на уик-энд вдали от дома — веселый уик-энд за мой счет. Чтобы выразить ему свою благодарность за все хорошее, что он для меня сделал.

— Спасибо.

Мы встаем, собираем наши вещи и направляемся к двери.

Сегодня вечером Эшли сделал все, что делает парень на свидании: оплатил счет, открыл дверь, положил руку мне на поясницу, чтобы вывести на улицу.

Он делает это неспециально; хороший этикет глубоко укоренился в нем.

И все же я чувствую его теплую руку на своем позвоночнике.

И вечером, когда лежу в постели — после того как отправила тренерскому штабу фотографию, на которой снимаю макияж в ванной, морщю лицо и высовываю язык, — я не могу не пожелать, чтобы это было настоящее свидание, размышляя о том, каково было бы поцеловать Эшли, когда мы вышли из грузовика.

Эшли

В салоне моего грузовика пахнет духами Джорджии.

В доме тоже.

Холодильник забит ее едой, маленькие напоминания о ее присутствии начинают рассеиваться по всему дому: ее обувь у задней двери рядом с моей.

Уютное одеяло на диване в гостиной.

Пушистые носки на полу.

Бюстгальтер, оставленный в стиральной машине. Я не должен был его видеть или трогать, но он запутался с моими спортивными штанами, когда я вытаскивал их из сушилки — нежно-голубая изящная вещь, не похожая ни на что, что я мог бы представить на ней.

В этом нет ничего целомудренного или чопорного.

Прозрачный.

Кружевной.

Не знаю почему, но я думал, что она предпочитает что-то белое. Или серое. Спортивные бюстгальтеры в качестве повседневной одежды. Не то чтобы я представлял ее в нижнем белье, но, возможно, бюстгальтеры, которые продаются в упаковке по три штуки в «Костко» или что-то в этом роде — не нижнее белье от «Виктория Сикрет».

Я думаю об этом лифчике позже в тот же день, когда спешу на урок коммуникации. Еще раз, когда бегаю круги по полю для тренировки. И вспоминаю снова в раздевалке стадиона после того, как вышел из душа, и завязываю кроссовки.

— Эш, чувак, у тебя есть запасной комплект ботс, которые я могу одолжить? — Парень по имени Уилл подходит ко мне сзади, уже одетый. — Энди сказал, что у тебя тоже тринадцатый размер, а я сегодня порвал свои.

Я бросаю на него взгляд через плечо.

— Да, у меня есть запасная пара.

На самом деле их несколько; одолжить одну не проблема.

— Круто. Можно я их заберу?

— Сейчас?

— Да, не думаю, что увижу тебя завтра перед тренировкой, так как приду прямо с приема у врача — проверяю свои яйца.

Я тупо смотрю на него.

— Что?

Уилл смеется.

— Нет, я не... Я сдаю анализы на ЗППП. — Он снова смеется. — Только начал встречаться с цыпочкой, и она не будет заниматься со мной сексом, пока не убедится, что я чист.

Имеет смысл.

Я заканчиваю завязывать свой второй кроссовок, встаю и натягиваю толстовку через голову.

— Да, можешь пойти со мной до дома. Я дам тебе ботсы.

Я не в настроении приглашать кого-либо к себе — парни, как правило,

задерживаются, — но если они понадобятся ему до завтра, у меня нет никаких причин не отдавать их...

— Круто. Престон и я последуем за тобой.

Престон?

Фу.

О, черт, точно. Престон — сосед Уилла по комнате, и Уилл повсюду возит парня, как будто он его шофер.

Беру свою спортивную сумку, и мы идем на парковку, по дороге обмениваемся приветствиями с другими спортсменами, входящими в здание на тренировку и выходящими из него.

Парни следуют за мной до моего дома, и у меня нет выбора, кроме как пригласить их войти, учитывая, что они оба дышат мне в затылок у боковой двери на кухню.

— У тебя есть еда? — спрашивает Уилл, как только заходит внутрь, направляясь прямо к холодильнику.

Когда достает большой контейнер с клубникой и ставит его на прилавок, затем тянется за нарезанной дыней, я начинаю качать головой.

— Ты не можешь это взять. Извини, положи на место.

— Почему нет? — Он с тоской смотрит на контейнеры. — Я голоден.

— Они не мои, они моего соседа по дому.

Престон садится за стойку и устраивается поудобнее.

— С каких это пор у тебя есть сосед?

С каких это пор он следит за моими делами?

— С прошлых выходных.

Он хмурится.

— У тебя здесь живет чувак, который ест так много фруктов?

— Не чувак, а девушка.

— Вау. Погоди-ка, ты живешь с цыпочкой? — Уилл вытягивает шею, чтобы оглядеться, как будто Джорджия волшебным образом появится.

И она это делает.

Она выбирает именно этот момент, чтобы войти в кухонную дверь с распущенными волосами, ветер раздувает их вокруг нее, как будто за ней повсюду следует чертова ветряная машина.

Розовые щеки.

Розовые губы.

От удивления ее глаза расширяются.

Дерьмо.

— О, привет. — Она закрывает за собой дверь, скидывает туфли и убирает их с дороги.

Я ворчу.

— Это Престон и его сосед по комнате, Уилл. Они как раз собирались уходить.

— Мы никуда не уходим. — Престон ухмыляется. — Извини, Уилл собирался съесть твои фрукты, но Джонс ему не позволил.

— О-о-о, так мило с твоей стороны, — говорит она мне с улыбкой. — Но ты можешь взять немного, правда, я не возражаю.

Она не может позволить, чтобы эти засранцы съедали всю ее еду, особенно фрукты — это дерьмо самое дорогое в чертовом продуктовом магазине.

Прищуриив глаза, я пристально смотрю на Уилла, пока он не встает с барного стула, чтобы убрать клубнику и дыню обратно в холодильник. Он оглядывается на меня, показывая средний палец.

Я закатываю глаза.

— Можешь сделать сэндвич. — Все это дерьмо мое: хлеб, мясо индейки, майонез и горчица.

Он недовольно стонет, но начинает вытаскивать продукты и выкладывать все это на столешницу, делая бутерброд для себя, не обращая внимания на нас.

— Как тебя зовут? — спрашивает Уилл Джорджию.

— Джорджия.

— Мило. — Он говорит и смотрит на нее так, что вы не догадаетесь, что парень только что начал встречаться с кем-то, ради кого завтра пойдет к врачу.

Идиот.

— Ты высокая для девушки.

— Эм. Спасибо?

— Как ты познакомилась с этой мошонкой? — спрашивает Престон ее, оскорбляя меня без малейшего стыда.

Это заставляет Джорджию мило хихикать.

— Мы познакомились на вечеринке в доме регби.

— И с тех пор вы стали лучшими друзьями?

Еще один смешок.

— Что-то в этом роде.

— У тебя есть парень? — Уилл спрашивает это, не смущаясь, откусывая первый кусочек моего хлеба с моим мясом, прислонившись бедром к моей стойке и с интересом смотрит на мою соседку по комнате.

— Нет.

И мой товарищ по команде, и его сосед переводят взгляд с меня на Джорджию, затем обратно, взгляды мечутся туда-сюда.

— Ты одинока, и он одинок, и вы не... — Голос Уилла затихает.

— Эй, — требую я. — Следи за своими словами, придурок.

Уилл поднимает свободную руку вверх.

— Я ничего такого не имел в виду. Я просто спрашиваю, трахаетесь ли вы или она готова пойти на свидание — успокой свои сиськи.

Если он пытается уговорить ее встретиться, то у него дерьмовый способ сделать это. Трах и сиськи в одном предложении?

Что за гребаный придурок.

Даже у меня есть больше средств, чем это, когда дело касается женщин.

— Я стою прямо здесь, — говорит Джорджия, входя в кухню и закатывая глаза, рюкзак все еще перекинут через плечо.

Она хватается яблоко и подбрасывает его в воздух, выходя из комнаты.

Через несколько секунд я слышу, как она поднимается по ступенькам в свою комнату.

— Так держать, идиот. — Престон хлопает своего соседа по комнате по руке.

— Что? Я просто задал вопрос.

— Теперь она думает, что ты свинья.

Уилл пожимает плечами.

— В море полно рыбы, мой друг. Я забросил широкую сеть.

Я стою там еще несколько секунд, прежде чем приступить к делу, направляясь в прачечную рядом с кухней.

— Позволь принести бутсы для тебя, чтобы вы могли идти по своим делам.

Мой тон не оставляет места для обсуждения, но это не значит, что до этих парней всегда доходит с первого раза.

Чертовски упрямые и ничего не замечающие.

Хватаю запасные бутсы — удобно, что они висят на крючке, где я их сразу замечаю, — и вернувшись в кухню, протягиваю их Уиллу.

— Вот.

Он встает и берет их.

— Спасибо, чувак.

— Нет проблем.

Уилл кивает своему соседу по комнате, подавая универсальный сигнал: «Давай убираться отсюда».

Меня это устраивает; я измотан и хочу надеть пижаму и посмотреть телик, прежде чем отправиться спать, и мне не нужно, чтобы эти шуты нарушали мой распорядок больше, чем они уже сделали за последние пятнадцать минут.

Поднявшись наверх, решаю заглянуть в комнату Джорджии, прежде чем зайти в свою.

Стучу.

— Входи.

Девушка сидит на полу, скрестив ноги, с мобильником в руке. Должно быть, я прервал ее общение в социальных сетях.

Кроме того, она в леггинсах и спортивном лифчике, и больше ничего.

— Эй. — Она приветствует меня с улыбкой. — Твои друзья ушли?

— Это не мои друзья, — уточняю я. — Ну, Уилл в моей команде, но его сосед по комнате — болтливый идиот. Прости.

Джорджи смеется.

— Много болтающих идиотов разгуливает по кампусу. Это не твоя вина.

Да, но...

— Чем занимаешься? — выпаливаю я, несмотря на то, что очевидно, что она ничем не занята, просто возится со своим мобильным.

— Эм, на самом деле ничем особенным, просто смотрю Instagram. Мне нужно в душ. — Она поднимает руку и нюхает свои подмышки, я видел, как это делают парни, но никогда девушки.

Должно быть, я выгляжу потрясенным, потому что она начинает хихикать.

— Ты бы видел свое лицо. О боже, это так весело. — Снова смех. — Прости, это было невежливо, но я не могла удержаться.

Я усмехаюсь.

— Я никого не осуждаю за нарушения этикета — просто ничего не могу поделать с тем фактом, что в меня с детства вбивали правила поведения. — Это прозвучало так чертовски пафосно. — Попробуй оказаться в раздевалке команды по регби, в окружении неандертальцев. То, что ты нюхаешь свои подмышки, ничто по сравнению с тем, что я смотрю, как парни ходят голышом и регулярно чешут свои хозяйства.

Не было ли сказанное мной пересечением границ?

Я пытаюсь относиться к ней как к леди, но в то же время и как к моей соседке по дому, и эта грань сбивает с толку. Она не одна из парней, но у нас также нет романтических отношений, так что мне ненужно производить на нее впечатление.

Но.

Я хочу.

Будь я проклят, если не хочу этого.

— Ты голодна? У меня в холодильнике со вчерашнего дня есть курица-гриль, она все еще вкусная.

Джорджи откидывается назад, опираясь на кровать.

— Звучит неплохо. Думаю, что приму душ перед едой, а потом спущусь вниз. — Она смотрит на меня с пола. — Хочешь посмотреть фильм или еще что-нибудь?

— Да, с удовольствием.

Она тычет в свой мобильный кончиком пальца.

— Уже почти семь... Давай встретимся на диване через сорок пять минут?

— Круто.

Круто?

Мне нужно вернуться в Британию — я теряю единственное преимущество, которое у меня есть перед этими американскими парнями: класс.

На Джорджии нет ничего откровенного, когда она спускается вниз; на самом деле, на ней, по сути, надето что-то вроде одежды для сна.

Мешковатая.

Свободная.

Даже изношенная и потрепанная.

Ладно, может быть, мешковатость и потрепанность — это немного немилосердно, но дело в том, что она не пытается произвести на меня впечатление или соблазнить, надевая сексуальный или откровенный наряд.

Хотя она действительно выглядит мило.

Очень мило.

Серые университетские спортивные штаны. Красная футболка команды по легкой атлетике из ее старой школы. Босые ноги.

Волосы собраны на макушке в небрежный пучок.

Я хлопочу на диване, разворачивая одеяло, все время приносиваясь к воздуху в поисках следов геля для душа и спрея для тела.

Она все еще мокрая.

Я имею в виду, что у нее мокрые волосы.

Когда Джорджия садится по другую сторону дивана, я бросаю ей пульт и говорю, что она может выбрать, что мы будем смотреть. Мы смотрели то, что я хотел в субботу, в вечер, когда она переехала, единственный раз, когда мы смотрели телевизор вместе.

Джорджия поднимает пульт, направляя его на телевизор, прикусывая нижнюю губу.

— Не уверена, что хотела бы посмотреть. Как насчет триллера? Подожди, нет — это может вызвать у меня кошмары.

Она продолжает, листая меню обычных каналов. Переходит к кабельному, затем к учетным записям подписки.

Останавливается на фильме, который только что вышел, все еще подстраховываясь, не желая выбирать что-то провальное, что-то, что я возненавижу и потеряю интерес.

Что я и сделаю, если это отстойно.

Мы устраиваемся, внизу выключен весь свет, кроме того, что над плитой, и комната становится похожа на маленький кинотеатр.

Я закидываю ноги на пуфик.

Она кладет ноги на пуфик.

У меня есть одеяло. У нее есть одеяло.

Все это очень уютно и так платонически.

Фильм, который она выбрала, неплох, но если честно, то я почти не обращаю внимания. Думаю о регби и матче, который мы только что проиграли, о том, как дерьмово я играл — что на меня совсем не похоже, — о звонке отца по поводу Джека и о том, как у него дела в офисе.

Мои родители ворчат на меня по поводу того, когда я вернусь домой, подталкивают меня сесть на самолет, как только закончится выпускной, и начать ту жизнь, для которой я был воспитан.

С каждым днем, приближающим нас к выпускному, давление нарастает.

В основном от мамы.

Папе тоже небезразлично, но он с головой погружен в слишком много общественных мероприятий и работы, чтобы надирать мне задницу по этому поводу, как это делает она.

Не так уж много можно сделать из старой доброй Англии; это не значит, что они прыгнут в самолет, чтобы помочь мне упаковать мое барахло. Если они собираются затащить меня домой сразу после окончания семестра, им придется для этого немного потрудиться.

Не так-то просто игнорировать Джорджию, сидящую там и выглядящую весьма мило в своих попытках замаскироваться. На ней даже лифчик, что не ускользнуло от моего внимания.

Кто носит лифчик, когда они дома в пижаме?

Не то чтобы я что-то знал о женщинах и их ночных привычках, но разве нижнее белье не неудобно? Разве женщины обычно не срывают их, как только входят в парадную дверь?

Так что, возможно, это признак того, что Джорджия не так невосприимчива ко мне, как я думал. Или, может быть, она просто не хочет, чтобы я пялился на ее сиськи, потому что, скорее всего, в какой-то момент ее соски затвердеют, потому что в этой комнате холодно, и я смогу увидеть их через тонкий материал футболки, а это было бы неловко.

Я не мог бы перестать смотреть — в конце концов, я всего лишь мужчина, и прошло чертовски много времени с тех пор, как занимался сексом.

Соски.

Сиськи.

Дерьмо. От этих мыслей неловко ерзаю, член шевелится в моих спортивных штанах, и клянусь, что обычно я не такой извращенец.

Хм. Я извращенец, или просто борюсь с влечением, которого, как я думал, у меня не было?

Черт.

Я запал на свою соседку по комнате? Она не пробыла здесь даже проклятой недели!

Этого не может быть на самом деле.

Мои щеки покрываются румянцем, чего не было с тех пор, как один из учителей в школе-интернате застукал меня за мастурбацией в моей комнате в общежитии, когда я должен был быть снаружи на обычной пожарной тренировке.

Это было ужасно неудобно для нас обоих.

Почти так же неудобно, как я чувствую себя сейчас, подергивание в штанах неудобно и — если оно станет еще больше — будет очень неловко.

Я не могу встать и уйти. Но мне нужно сидеть здесь и перестать думать о сиськах и голой коже.

Джорджия хихикает над чем-то по телевизору, и я ерзаю на месте.

— Тебе не показалось это забавным? — Ее голос прорывается сквозь напряжение, о котором она и не подозревает.

— Хм?

— Ты вообще смотришь? — обвиняет она, ставя фильм на паузу.

— Конечно.

— Что только что произошло?

— Не знал, что будет викторина.

— Ты прав. — Она опускает пульт, снимая фильм с паузы. — Прости. Я не имела в виду... Не бери в голову. Извини.

Она повторяет это дважды, и я чувствую себя жалким.

— Не извиняйся. Я просто поглощен мыслями.

— Хочешь поговорить об этом?

— Нет, все в порядке. Просто был один из таких дней.

Девушка кладет пульт и наклоняется вперед, как будто собирается встать с дивана.

— Хочешь, я принесу тебе что-нибудь с кухни? Я думала о том, чтобы перекусить.

— Эм. Конечно.

Она выжидающе смотрит на меня.

— Что бы ты ни ела, это будет вкусно.

К счастью, она уходит, шаркая по кухне, пока идет фильм — понятия не имею, что происходит на экране, да мне и все равно. Я только знаю, что то, что происходит у меня в штанах, ненормально.

Еще два часа я сижу вот так. Облегчение приходит, только когда забираюсь в постель, как только фильм заканчивается, и натягиваю на себя одеяло.

Пыхтя, поворачиваюсь то в одну, то в другую сторону, не в силах найти удобное положение.

С каких это пор эта подушка стала такой комковатой?

Беспокойный и внезапно безумно возбужденный, говорю «К черту это», прежде чем спустить резинку своих спортивных штанов вниз по бедрам, отбрасывая их в изножье кровати вместе с боксерскими трусами.

Скольжу рукой вниз по животу на короткое расстояние до моего напряженного члена, голос в моей голове рационализирует то, что я собираюсь сделать.

«Это не о ней, это не о ней, это не о ней».

Вот только я вижу Джорджию, когда закрываю глаза. Волосы распущены, застенчивая улыбка на ее губах в ту ночь, когда она подошла ко мне в доме регби. За моими закрытыми веками на ней только спортивный лифчик, сиськи приподняты, кожа загорелая от занятий спортом на улице.

Розовые губы.

«Нет, нет, нет — ее губы не розовые!»

Они... они...

Потрескавшийся.

Бледные.

В них нет ничего пухлого или сексуального.

«Ты чертов лжец».

В данный момент я абсолютно ничего не могу сказать себе, чтобы отвлечься от мыслей о моей соседке по дому, которая, без сомнения, крепко спит или свернулась калачиком в кровати дальше по коридору, не обращая внимания на мои развратные мысли о ней.

«Этот стояк сам собой не спадет».

Я чувствую себя таким мерзавцем.

Таким мошенником.

Чувствую, что подвожу ее, думая о ней таким образом, наименее дружественно, как мужчина может думать о женщине. Вне зоны друзей, вне зоны соседей по дому и прямоком в мою постель.

Я бы никогда не переступил черту.

Никогда.

Но ведь я могу снова закрыть глаза и погрузиться в грезы наяву... в которых Джорджия входит в дверь моей спальни, медленно движется к кровати, стягивает через голову эту мешковатую красную футболку и бросает ее на пол.

В этом нет ничего плохого, не так ли?

— Мне показалось или я слышала, как ты звал меня, — говорит Джорджи, приоткрывая губы, когда подходит ближе, покачивая бедрами — даже одетая в эти нелепые серые спортивные штаны, ее тело великолепно.

Каждый нежный изгиб.

Каждая женственная, подтянутая линия.

— Я тебе для чего-то понадобилась? — спрашивает она, оглядываясь на меня через плечо, лицом к двери, пока наклоняется, выпячивая задницу, сгибаясь в талии, чтобы спустить эти уродливые серые спортивные штаны с бедер.

Я смотрю, приоткрыв губы, член пульсирует между ног.

Неторопливо поглаживаю себя рукой, когда она нарочито выставляет себя напоказ передо мной, стоя в стрингах и том прозрачном лифчике, который я нашел в прачечной, темные соски флиртуют со мной, делая меня тверже.

Покачивает задницей.

Я жажду отшлепать ее.

Она выглядит гладковыбритой во всех нужных местах, но я не узнаю, пока девушка не подойдет ближе, и не смогу погладить ее, ладонь так и чешется, желая пробежаться по всей ее плоти.

Черт возьми, она красивая.

Такая подтянутая и уверенная в себе.

— Что ты делаешь под этим одеялом? — дразнит она мягким голосом, когда подходит, лифчик и трусики волшебным образом оказываются на полу.

Ее грудь невелика, но она покачивается, и мой взгляд опускается к месту между ее

бедер.

— Непослушный мальчик... У тебя были грязные мысли обо мне?

Джорджия забирается на матрас, задрав задницу в воздух, скользя рукой по моему животу... вниз по моему тазу... пока не сжимает мой член, медленно водя рукой вверх и вниз. Мучительно медленно.

Вверх и вниз.

Вниз, потом вверх.

Я откидываю голову назад, пока она ласкает мою плоть, мои глаза все еще закрыты, рот приоткрыт от удовольствия.

— О, черт возьми, Джорджия.

Да, вот так — погладь его, детка.

Сильнее.

Я прикусываю нижнюю губу, скрежещу зубами, желая толкнуться бедрами, чтобы кончить быстрее, поглаживаний едва хватает, чтобы удовлетворить меня.

Распаляют меня еще больше.

Я жажду быть внутри ее.

Ее рта.

Ее тела.

Длинными, нежными пальцами она хватается меня за талию.

— Я хочу его у себя во рту, — хнычет она, опуская голову — волосы мешают, заслоня самый совершенный вид, когда-либо созданный Богом: вид ее великолепных губ, готовых сосать мой член.

— Соси его, — шепчу я, замороженный зрелищем. Тянусь к ее волосам, собирая шелковистые локоны в свои руки, чтобы я мог наблюдать. — Ты такая сексуальная, детка, — бормочу ободряющие слова снова и снова. — Так сексуально.

— Боже, я люблю твой член, он такой вкусный. М-м-м, это все, чего я хочу, — стонет она, облизывая, как будто это эскимо, а я ее любимый вкус.

Только в фантазиях мужчины женщина ненасытна до его члена — это тот сон, от которого я никогда не хочу просыпаться.

Закидываю руки за голову, откидываясь назад, чтобы я мог наблюдать, как она делает всю работу. Смотрю, как ее голова покачивается вверх-вниз на моем члене, глубоко заглатывая его, не задыхаясь, как настоящий чемпион.

Ее рот влажный, теплый и опьяняющий.

— О, черт возьми, Джорджия. — Стон вырывается из моего горла.

Сжимаю ее волосы в одобрении, но ей это почти ненужно.

— Да... да... — Не останавливайся, черт возьми, не останавливайся.

Каштановые волосы.

Голубые глаза.

Маленький дерзкий носик с россыпью веснушек.

Я чертовски люблю ее веснушки, все до единой.

— О, черт возьми, Джорджия.

Да, Джорджия... трахни меня.

ДЖОРДЖИЯ

— О, черт, Джорджия.

Мои глаза распахиваются при звуке моего имени — я не сплю, но придремала, так что сначала думаю, что мне это почудилось.

Наклоняю голову, напряженно прислушиваясь, стараясь услышать это снова.

Ни шепота.

Не приглушенных звуков.

В доме тихо.

Конечно, мне это не приснилось; я точно бодрствую.

Не так ли?

Может быть, я схожу с ума? Даже я могу признать, что была не в себе с тех пор, как перевелась сюда, и этот новый дом, в котором я живу. Может, здесь водятся привидения? Это объяснило бы шумы.

Голоса.

— О, Джорджи, блядь... о, блядь...

Подождите. Я определенно слышала свое имя. Но с чего бы призраку бормотать мое имя? Я живу здесь всего несколько дней — едва ли этого времени хватит, чтобы я кому-то понравилась, да?

Я посмеиваюсь над абсурдностью своих мыслей, отбрасывая их в сторону.

— Да, Джорджи, черт возьми.

Я сажусь в постели, звуки доносятся из соседней спальни через стену.

Что означает...

Означает...

Эшли стонет мое имя?

Не может этого быть. Нет никакого долбанного способа.

Нет.

Невозможно.

Я сижу словно парализованная, молчаливая — не шевеля ни единым мускулом, настолько ошеломленная этой мыслью, что задерживаю дыхание, едва дыша.

С чего бы ему произносить мое имя? Какая возможная причина?

Он в беде?

Что, если...

Что, если что-то не так?

Я откидываю одеяло и выскальзываю из кровати, крадусь на цыпочках по ковру, как кошка, как будто он мог меня услышать, подкрадываюсь к двери и съеживаюсь, когда поворачиваю дверную ручку.

Дверь скрипит.

Тсс, тише!

«Спокойно, Джорджия! Тихо».

Медленно высовываю голову и обнаруживаю, что его дверь закрыта.

Наклоняю голову и слушаю еще раз.

Вот оно снова.

Мое имя.

Мне не почудилось это. Что, черт возьми, происходит в его комнате!? Стоны не могут быть нормальными, не так ли? Ему снится долбаный кошмар? Мы только час назад легли спать после просмотра фильма!

Звучит так, будто в его спальне снимают порно, и нет никаких сомнений, что парень дронит, судя по звукам, которые он издает, визуализируя...

Я ахаю.

О, мой Бог.

О, нет.

О, нет, нет, нет, нет.

Этого не может быть.

Сердце бешено колотится, возвращаюсь в свою комнату, закрываю дверь так тихо, как только могу, учитывая, насколько я шокирована, бросаюсь обратно на кровать и ложусь на спину.

Моя кожа горит от звуков, которые я теперь могу слышать лишь смутно.

Ох, Эшли, Эшли, Эшли — стены тоньше, чем ты думаешь.

«И ты ему нравишься больше, чем думала».

Я зарываюсь головой в подушку, истерически хихикая.

Но.

ЧТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ЭТО ЗНАЧИТ?

Джорджия

Следующие несколько дней я вообще почти не вижу своего соседа по дому; можно было бы подумать, что он привиделся мне, если не считать того факта, что мы живем под одной крышей и спим через коридор друг от друга.

Должно быть, Эшли избегает меня.

Неудивительно, учитывая, что той ночью он дрочил и выкрикивал мое имя.

Я сижу на траве и смотрю, как Вероника прыгает в высоту в конце поля стадиона. До сих пор она каждый раз с легкостью преодолевала перекладину, что является впечатляющим достижением, учитывая, что она не такая высокая и не такая быстрая.

Если бы Ронни не относилась ко мне плохо, я бы восхищалась ею больше. И хотела бы быть ее другом. К сожалению, ее отношение отвратительно, и, если бы она не была моим товарищем по команде, я бы сейчас здесь не сидела, хлопая в ладоши и приветствуя ее победу.

Она приземляется на мат, на спину, с трудом перепрыгнув, чтобы не сбить штангу со стойки. Думаю, что следующая попытка может стать для нее последней, а она — последняя в списке, а это значит, что я смогу уйти и отправиться домой.

Хотя...

Кажется, у Эшли сегодня игра. Я помню, что видела это в его календаре, который он держит на холодильнике, его расписание, нацарапанное черным маркером на доске неаккуратными буквами и цифрами, которые я едва могу разобрать.

Если я правильно помню, то игра будет дома.

Возможно, команда по регби нуждается в болельщиках так же, как и мы, для мотивации.

Я была права.

С Ронни покончено.

Она не смогла перебраться через планку, не сбив ее.

К счастью для нашей команды и благодаря системе начисления очков для соревнований по легкой атлетике, Ронни набрала достаточно очков, чтобы вывести нашу команду на первое место и, вероятно, сделать нас победителями этой встречи.

Что ставит нас в тройку лучших во всем нашем дивизионе.

Я отгалкиваю от земли, стряхивая траву со своей задницы и задней части ног, направляясь к нашим тренерам, которые собираются возле скамейки с водой и нашими вещами. Обычно они подводят итоги дня, делая нам замечания, а иногда и критикуя, пока мы стоим без дела, и говорят нам, во сколько быть на собрании нашей команды на следующее утро.

Рано.

Я ненавижу просыпаться на рассвете, чтобы сидеть на совещании, когда едва проснулась, и почти не запоминаю информацию, но выбора нет.

Тренировки перед занятиями, а иногда и в середине дня, чтобы оставаться в форме — необходимость, чтобы соревноваться на этом уровне.

Я не утруждаю себя походом в полевой домик, чтобы принять душ и переодеться, направляясь в раздевалку. У меня в шкафчике есть запасной комплект одежды, так что мне не придется надевать спортивную форму на игру Эшли.

Вот куда я направляюсь, и хочу убедиться, что у меня есть время добраться туда до того, как все закончится.

Я хочу посмотреть, как он играет.

Парень игнорировал меня в течение нескольких дней, и я скучаю по нему. Станным, непостижимым образом я скучаю по нему.

В доме было слишком тихо.

Он не может избегать меня вечно.

Если устроить ему засаду — это то, что я должна сделать, то так тому и быть.

Погуглив в телефоне расписание регби, я иду к окраине кампуса, следуя по тротуару к парку, где я видела, как играют спортивные лиги; там есть большая площадка, и я понимаю, что нахожусь в нужном месте через несколько минут, когда прохожу через ряд жилых домов, и появляется поле.

Полное грязных гигантов.

Хрюкающие, кричащие, грязные гиганты, швыряющие продолговатый мяч, который вроде как похож на футбольный, но им не является.

Я иду по периметру поля к противоположной стороне, где сидят ребята в цветах нашей школы.

Толпа немногочисленна, но шумная — и я наклоняюсь, чтобы спросить парня, сидящего рядом, каков счет и кто выигрывает. Я абсолютно ничего не знаю о регби.

Счет три ноль в нашу пользу.

Хорошо.

Тем не менее, я понятия не имею, что происходит на поле, замороженная тем, как масса игроков начинает скапливаться, когда один падает, перелезая друг через друга, толкаясь локтями и коленями.

Разбиваются лица.

Повсюду грязь.

У одного парня начинает сильно кровоточить нос, когда он отходит от группы, и, ради всего святого, что, черт возьми, происходит?

Я бы сравнила это зрелище с чем-то средним между шотландскими играми горцев ^[17] и настоящей дракой.

Я в недоумении.

Не уверена, чего ожидала, но точно не это.

Неудивительно, что Эшли все время так чертовски устает, шишки, синяки и царапины на каждой части его тела. Синяк под глазом, который был у него в тот первый вечер, когда мы встретились, шрам на левой брови, рассечение губы.

Боже мой.

Удивительно, что у него до сих пор целы все зубы. Seriously.

Я наклоняюсь к тому же парню, который озвучил мне счет, чтобы спросить:

— В регби есть таймы или четверти?

Он смотрит на меня так, словно у меня три головы.

— Таймы.

— Сколько их?

Еще один странный взгляд.

— Два.

— Хорошо, спасибо. — Мне следовало бы вместо этого просто погуглить это. — Эм.

Где мы находимся в этой игре?

— До конца второго тайма осталось десять минут.

— Потрясающе. Спасибо.

Я прислоняюсь спиной к холодной металлической трибуне позади себя, делая все возможное, чтобы опознать Эшли на поле.

Станным образом, все игроки выглядят одинаково.

Большие.

Покрытые грязью.

Почему они покрыты грязью — на улице не было дождя. Они обливают поле водой перед каждым матчем? Другого объяснения этому нет!

Что за странная игра.

Лишь немногие из них носят шлемы с ушными щитками. Остальные, без сомнения, сумасшедшие, не боящиеся потерять сознание от случайного удара коленом в череп.

Большинство — из того, что я могу видеть с этой выгодной точки — носят каппы.

Сплевывают кровь.

Я снова наклоняюсь.

— Извини меня, прости. Ты случайно не знаешь, который из игроков Эшли Джонс?

Мой сосед по скамейке, прищурившись, осматривает поле. Ищет.

— Э-э, да, думаю, он номер девять.

Номер девять.

Высокий, мускулистый, грязный.

Явно не в своем чертовом уме, потому что на голове у него нет защитного снаряжения, волосы растрепаны и торчат в разные стороны, пот стекает по лбу.

Я могу видеть это даже отсюда.

Фу.

Такой потный.

Так мерзко.

Эшли уворачивается и петляет по полю, направляясь прямо к парню с мячом, запутывая клубок соперников, бегущих, как стадо быков по дикой местности.

Они сбиваются в кучу.

— Что, черт возьми, они делают? — спрашиваю я вслух, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Это схватка.

О, ладно....

Я перестаю задавать вопросы; это бессмысленно — я никогда не пойму правил этой игры.

Поворачиваю головой туда-сюда, пока наблюдаю за происходящим передо мной, время от времени загугливаю, как все работает, чтобы оставить бедного парня рядом со мной в покое.

В основном я просто наблюдаю за Эшли.

Смотрю на него, как он бежит, уворачивается, принимает удары.

Его икроножные мышцы просто невероятны.

Потные руки — настоящее произведение искусства.

Эшли — воплощение влажной мечты на этом игровом поле, и он дробил при мысли обо мне в своей кровати.

Некоторым девушкам была бы противна мысль о том, что их сосед по дому фантазирует о них, когда удовлетворяет себя, но не мне, не тогда, когда я лелею свои собственные мечты о нем.

И вот он здесь, выглядит таким мужественным, грубым и крутым.

Когда громко вздыхаю, на меня бросают несколько взглядов, и я неловко улыбаюсь в ответ.

Ой.

Вожусь со своим телефоном.

Пишу сообщение в групповом чате с Наллой и Прией.

Я: Я на матче по регби Эшли. Вы когда-нибудь были на игре? Это безумие.

Налла: Я не была, но разве это не похоже на футбол?

Я: Эм, типа? Но без защиты, и они прыгают друг на друга, и это БЕЗУМИЕ. Кто-то только что потерял зуб, и никого из них, похоже, это не волнует!

Я: Это варварство!

Прия: Однажды я встречалась с игроком в регби. Он обычно наливал пиво во фрисби и пил из него. Эти отношения длились недолго, но оральный секс с ним был невероятный... я еле выживала, ЛОЛ.

Налла: В этом и есть цель.

Я: Было бы странно, если бы я прямо сейчас призналась, что у меня никогда не было парня, который бы сделал такое со мной?

Налла: ЧТО?!?!

Прия: Девочка, ты много упускаешь. Мы сходим куда-нибудь в эти выходные и найдем тебе кого-нибудь.

Я: ЛОЛ, прекрати, этому НЕ бывать.

Прия: О, верно, ты собираешься сидеть дома и ждать, когда твой сосед по дому случайно выйдет из своей спальни, завернутый в полотенце.

Налла: ...а потом расскажешь нам все об этом.

Человек, который сказал, что девушки не такие извращенные, как парни, был чертовым лжецом, потому что мы — по крайней мере, две мои новые подруги — такие, и вы никогда не узнаете этого с первого взгляда на них.

Чопорные и правильные — вот как я изначально описала бы этих двоих. Прилежные. Серьезные.

Чем больше я узнаю о них, тем больше убеждаюсь, что ошибалась.

Они оптимистичны и веселы. Глупы и игривы.

И.

Секс-позитивны, по-видимому.

Я: Во-первых, я бы НИКОГДА не сказала. Даже если бы поцеловалась с ним.

Прия: Этого не будет, потому что ты САМА СОЗДАЛА ФРЕНДЗОНУ.

Я: Ты не можешь сама создать френдзону... не так ли???

Прия: Да, можешь, и ты сделала это, переехав к мальчику.

Налла: Ха-ха, в Эшли Джонсе нет ничего мальчишеского.

Я: И, ВО-ВТОРЫХ... шансы на то, что я увижу его голым, ничтожны.

Налла: На самом деле шансы довольно высоки, если жить вместе. На самом деле они выросли в геометрической прогрессии.

Я: Я НЕ ХОЧУ ВИДЕТЬ ЕГО ГОЛЫМ.

Прия: О. Ну, это облом...

Налла: Точно.

Прия: Но на самом деле, ты бы сказала нам, верно? Если бы поцеловала его?

Я: Да, наверное, ЛОЛ.

Прия: Хорошо, потому что мы бы тебе сказали. Кстати, кто выигрывает в игре?

Я: Думаю, что наши, все почти закончилось.

Слава богу.

Мой желудок начинает урчать, и определенно приближается время обеда, а я понятия не имею, что буду есть. Или, может быть, мы с Эшли сможем пойти куда-нибудь, как только он примет душ.

Это было бы здорово. Тогда никому из нас не придется готовить.

Или поленимся и закажем что-нибудь с доставкой?

Мой телефон снова подает звуковой сигнал, и я кладу его на ладонь, бросая взгляд вниз, ожидая сообщение от Наллы или Прии, или обеих сразу, улыбка уже приклеена на мое лицо.

Эти двое сводят меня с ума.

Я так счастлива, что мы подружились.

Уведомление пришло с номера, который я не узнаю, и которого нет в моих контактах.

Хм.

Открываю сообщение.

212-555-9093: Джорджия Паркер, вы стали обладателем главного приза поездки в сказочный Лас-Вегас с оплатой всех расходов, любезно предоставленной «Мунлайт Грэвэл»!

Сразу же появляется другое сообщение.

212-555-9093: Покупка не требуется. Отправьте ДА ответным сообщением, чтобы получить свой приз; применяются некоторые исключения, см. Правила и условия для получения права на участие. Чтобы отказаться отправьте НЕТ.

Отказаться?! Кто в здравом уме отказался бы!?

Я выиграла!

Я выиграла поездку в сказочный Лас-Вегас!

— Срань господня! — кричу я, вскакивая со своего места на трибунах, заставляя нескольких человек испуганно оглянуться.

— Я что-то пропустил? — спрашивает парень, который назвал мне счет.

— Нет. Нет, я... — Я ошеломленно смотрю на свой телефон. — О боже мой!

Переполненная энтузиазмом и возбуждением, я делаю то, что сделал бы любой разумный человек — бросаюсь на поле, несмотря на то, что игроки все еще собираются у боковой линии. Понятия не имею, закончилась игра на самом деле или нет, и мне все равно, поэтому, не обращая внимания на радость и возбуждение, я начинаю выкрикивать имя Эшли, поднимая руки вверх, отчаянно размахивая ими, как сумасшедшая.

Размахиваю своим телефоном.

Если бы это был настоящий стадион в кампусе, охранники остановили бы меня с помощью электрошокера, чтобы помешать добраться до игроков и, возможно, причинить им вред.

Я веду себя как сумасшедшая, но мне все равно!

— Я выиграла поездку! — кричу я. — Эшли, Я ВЫИГРАЛА ПОЕЗДКУ!

Я вращаюсь по кругу.

Позади себя слышу, как кто-то бормочет: «С этой девушкой все в порядке? Она выглядит неуравновешенной», но это не мешает мне броситься к моему соседу по дому.

— Я ВЫИГРАЛА! — возбужденно кричу я.

Преодолеваю оставшиеся несколько метров; теперь все смотрят на меня, но мне все равно, МНЕ ВСЕ РАВНО, МНЕ ВСЕ РАВНО.

Я еду в Лас-Вегас!

— Эй, ты не можешь выйти на поле — игра еще не закончена, — говорит один из парней.

Эшли бросается мне навстречу.

— Джорджи, ты в порядке? — Он явно сбит с толку, судя по тому, как держит меня и смотрит мне в глаза — как будто проверяет, нет ли признаков сотрясения мозга.

— Я выиграла. Я выиграла поездку в Вегас! — Я снова кружусь, его друзья и товарищи по команде смотрят на меня, тяжело дыша от напряжения игры.

У меня перехватывает дыхание от восторга.

Эшли колеблется.

— Ты выиграла?

— Я выиграла! — повторяю я примерно в двенадцатый раз, и это звучит так, словно это никогда не устареет, мне хочется пойти домой и собрать чемодан прямо сию минуту.

— Срань господня!

— Я также сказала! — Почему он не поднимает меня и не кружит по кругу? Это самая замечательная новость! — Мы едем в Вегас!

— В чем, блядь, дело? — Я слышу, как несколько парней разговаривают так, будто я не нахожусь в метре от них. — Это Вегас, а не Бали. Эта цыпочка сумасшедшая.

Другой спрашивает:

— Это его девушка?

— Наверное.

— Нет, чувак, это его соседка по дому.

Я прыгаю вверх-вниз и в этот момент волнение переполняет и Эшли. Он хватает меня в охапку и кружит — именно так, как я и представляла.

Я начинаю смеяться, пока он кружит меня по кругу, чувствуя, как у меня кружится голова, но по всем правильным причинам.

И когда он начинает бегать со мной, крича «Мы едем в Вегас!» во всю плотку? Стюарт,

Уилл и еще несколько парней из его команды начинают гоняться за нами, пока он несет меня, бегая по периметру игрового поля.

Улюлюканье и вопли.

Это самое нелепое, чудесное чувство, которое я когда-либо испытывала.

Веселье.

— Я так счастлива прямо сейчас, что могла бы расцеловать тебя! — Я смеюсь, обнимая его за шею, чтобы не упасть задницей на землю, хотя не сомневаюсь, что он достаточно силен, чтобы удержать меня.

Я не волнуюсь, что Эшли уронит меня, и мне действительно приятно быть в его объятиях, когда он держит меня.

В этом нет ничего романтического.

Господи, он такой сильный.

— Отпусти меня — ты такой грязный! — Я визжу от смеха, грязь с его рук попадает на мои ноги и тело, пока он мчится по траве.

— Мы едем в Вегас! — кричат его приятели. — Дорожное путешествие!

Судья начинает свистеть в свисток и качать головой, делая руками крест-накрест, как будто все это является частью игры. Все это вышло из-под контроля. Интересно, что произойдет, когда Эшли придется отпустить меня и вернуться в игру.

Дерьмо.

Я прервала его.

Я устроила грандиозную сцену, что так на меня непохоже!

— Дорожное путешествие, дорожное путешествие, — скандирует один из гигантских товарищей по команде Эшли. — Дорожное путешествие!

— Ты не поедешь с нами! — кричит Эшли в ответ с широкой улыбкой.

Разве это плохо, что я хочу прижать его к себе?

— Черта с два! — кричит Стюарт, бегая кругами вокруг нас. — Когда отправляемся?

Хороший вопрос.

Мне не терпится узнать все это; первое, что сделаю, когда вернусь домой, это перейду по ссылке, введу всю свою информацию и узнаю все подробности.

Завтра.

Или на следующей неделе.

Я буду готова.

Эшли

Меня будут доставать из-за того, что произошло сегодня на матче, всю оставшуюся жизнь. Определенно, до конца сезона.

Я смотрю, как остатки грязи стекают в канализацию, вода льется вслед за ней, моя голова склонена в изнеможении после долгого дня.

— Джонс, ты все еще там?

Стью стоит у входа, прислонившись к кафельной стене, и нетерпеливо смотрит внутрь.

— Очевидно, что я все еще здесь — ты пялишься прямо на меня, придурок.

Он смеется.

— Мы хотим поговорить о Вегасе.

Мы? О Вегасе?

— Уходи. — Вода стекает по моей шее, по спине.

— Скажешь дату поездки? Я хочу, чтобы Элли знала.

Он, блядь, сейчас серьезно?

— Приятель, я не знаю дат. Она только сегодня узнала, что выиграла, и даже если бы знал, думаешь, я бы тебе сказал? — Они не поедут.

Не могу представить себе поездку с этими придурками, сводящими меня с ума еще больше, чем они уже делают. Кто захочет отдыхать с этими идиотами?

— Должен ли я тогда просто написать Джорджии сам, или эм...

Почему он не ушел?

— Ты все еще стоишь там?

— Да.

— Оставь меня в покое, я устал. — И мои мышцы болят — не только от того, что я таскал Джорджию на руках по полю, но и от того, что меня так много раз били во время матча.

Иногда мне кажется, что я застрял в теле восьмидесятилетнего старика.

Стюарт в конце концов смягчается, или, может быть, я просто игнорирую его достаточно долго, чтобы ему стало скучно, и уходит, оставив меня наедине с моими мыслями.

Часть меня хочет подрочить, чтобы немного снять напряжение, которое испытываю, но я нахожусь в раздевалке, и вокруг все еще достаточно людей, и если кто-нибудь поймает меня, то подумает, что я гигантский извращенец.

Которым я не являюсь.

Обычно.

Мои мысли тут же возвращаются к Джорджии и тому выражению, которое было у нее на лице, когда она подбежала ко мне сегодня на поле. Сначала, когда увидел ее, я был встревожен — честно говоря, само ее присутствие на моей игре сбило меня с толку.

Я видел, как она шла к полю, когда мы были в середине игры, но подумал, что мои глаза обманывают меня. Мы не обсуждали ее приход, поэтому тот факт, что девушка появилась...

...действительно, было неожиданностью.

Затем, когда увидел, как она спускается по ступенькам трибуны и спешит ко мне,

практически бежит, я запаниковал.

Кто бы не подумал о худшем, когда их соседка по дому набрасывается на них посреди матча по регби? Я подумал, что кто-то умер. Или ей стало плохо. Или произошла чрезвычайная ситуация. Может быть, дом загорелся?

Кто вообще знает.

Последнее, о чем я думал, это о хороших новостях.

Самое последнее, чего бы я от нее ожидал, так это того, что она выскочит на игровое поле, заполненное грязными игроками в регби. Очень нехарактерно для нее, но в некотором роде заводит.

Никогда бы не подумал, что она способна быть такой импульсивной.

Мне это нравится.

Если быть честным, то Джорджия Паркер производит впечатление серьезной, временами немного чопорной и правильной. К обеим характеристикам я привык, приехав из Великобритании.

Девушка выглядела абсолютно взволнованной, когда я поднял ее и закружил. Смеялась и хихикала, как ребенок, когда я начал бегать с ней по полю, улюлюкая и вопя. А потом, когда мои приятели присоединились к...

Веселью.

Было уморительно.

И все же, черт возьми, я ни за что не позволю ни одному из этих недоумков сопровождать меня на отдыхе с Джорджией. Никогда в жизни я не видел более неуклюжей группы тупоголовых придурков.

Конечно, мне придется солгать — Стью ни за что не оставит это просто так.

Ополоснув остальную часть тела, высовываю руку из душевой кабины, пальцами пытаюсь нащупать полотенце, которое оставил висеть рядом с занавеской, но его нет.

Вот черт.

У меня было полотенце, не так ли?

Оно было там минуту назад...

Чертов Стью, он украл его.

Выключив воду, я стою там весь мокрый, позволяя каплям стекать, прежде чем выйти на холодный бетонный пол раздевалки. Взгляд останавливается на ухмыляющемся Стью, у которого теперь, как я предполагаю, мое полотенце обернуто вокруг головы в стиле тюрбана, в остальном он полностью одет.

— Ты придурок.

С болтающимся между ног членом, я подхожу к вешалке для полотенец и хватаю еще два, обматываю одно вокруг талии (его едва хватает), а другим промокаю волосы.

— Когда едем в Вегас? — спрашивает Фил Джефферсон, но я поднимаю руку в воздух, чтобы заставить его замолчать — и всех остальных.

— Не начинай. Никто, черт возьми, не едет в Вегас. Ни один из вас, оболтусы, никуда не поедет. Ни один.

— Ты говоришь так, словно ты из 1812 года. — Кто-то смеется в углу и передразнивает: — Ни один из вас, оболтусы, никуда не поедет.

— Я не говорю как шотландец, придурок.

Решаю игнорировать их всех, но это, черт возьми, почти невозможно. Они собрались вокруг, обсуждая все, что собираются сделать в своем вымышленном путешествии. Азартные

игры, шоу и выпивка в бассейнах на Вегас-Стрип. Стриптизерши и танцовщицы.

Сжимаю губы.

Я просто больше не буду поднимать эту тему; если они не будут знать даты, которые мы выберем, то не смогут присоединиться, не так ли?

Вот именно.

Торопясь попасть домой, я заканчиваю одеваться, каждый предмет одежды становится влажным от воды, все еще прилипающей к моей коже.

— Можешь подвезти меня домой? — спрашивает кто-то, и я немедленно отвечаю «нет». Я не в настроении вести светскую беседу или быть пленником очередной болтовни о Вегасе в своем собственном автомобиле.

— Да ладно тебе, чувак! — кричит он мне вслед. — Мы должны спланировать нашу поездку!

Это вызывает ухмылку на моем лице, и я снова улыбаюсь, бросая свою черную спортивную сумку на пассажирское сиденье своего грузовика, тело расслабляется, как только сажусь за руль и пристегиваюсь.

Джорджия стоит у барной стойки, когда я вхожу в дверь. Услада для моих глаз.

Она подбегает, чтобы обнять меня, затем подпрыгивает вверх-вниз на носках, все еще переполненная энергией.

— О, боже, ты можешь в это поверить? Мне до сих пор не верится.

— Что ты выяснила? — Опускаю сумку на пол. Снимаю обувь.

На стойке стоят контейнеры с китайской едой навынос, рисом и всем остальным, что она заказала, и у меня дергается нос от того, как вкусно это пахнет.

— Мы сами можем выбрать даты — просто это должно быть в определенных временных рамках. Мы бронируем авиабилеты, отправляем им квитанции и получаем компенсацию. Прокат машины оплачен, мы можем ехать, когда захотим, максимум на четыре ночи. В отеле еда и напитки оплачены, а также билеты на одно шоу.

Джорджия визжит, на щеках румянец.

— Мечта, ставшая явью.

Вегас. Из всех мест на земле.

Господи, на нее слишком легко произвести впечатление.

Интересно, как бы она отнеслась к Эйфелевой башне в Париже?

Или Биг-Бену в Лондоне.

Или великим пирамидам Египта.

Она получает все это в одном месте, в Вегасе.

Я делаю паузу, и меня осеняет осознание. Джорджия не думает, что когда-нибудь увидит настоящие чудеса света лично, поэтому готова довольствоваться тем, что по сути является имитацией в тематическом парке.

Черт возьми.

Теперь я чувствую себя колоссальной задницей.

— Ты все еще хочешь поехать, верно? — торопливо спрашивает она, выдвигая для меня барный стул у стойки. — Я имею в виду — мы заключили пари, что я не выиграю, но если ты на самом деле не хочешь ехать, то пойму. Ты занят. К тому же сейчас середина семестра — это безумие.

Она слегка качает головой.

— Я поеду.

— Не хочу, чтобы ты чувствовал, что обязан.

Это почти заставляет меня закатить глаза; она практически заманила меня в эту поездку, поставив на то, что не выиграет, и используя мое присутствие в качестве ставки.

— Я похож на парня, которого заставляют делать то, чего он не хочет делать?

Джорджия скользит взглядом вверх и вниз по моему телу, останавливаясь на моих ногах, татуированных руках и груди, прежде чем вернуться к моим глазам.

— Нет?

Я сажусь за стол и начинаю накладывать ложкой рис, брокколи, говядину и креветки. Яичный рулет, соус. Нагружаю тарелку так, будто не ел несколько дней и еда скоро закончится.

— Спасибо за ужин.

Она кивает, накладывая себе еду.

— Подумала, что это хороший способ отпраздновать — не нужно готовить. Не то чтобы я готовила, ха-ха, — нервно лепечет Джорджи. — Я просто, — она визжит, — так счастлива!

Я опускаю голову, чтобы отправить рис вилкой в рот, пряча улыбку.

— Так когда ты хочешь поехать? — рискую спросить я, зная, что этот вопрос вызовет еще больший натиск бессвязности.

— На самом деле, я уже проверила свое расписание, потому что, если мне придется ждать пять месяцев, я умру. К тому же, летом в Вегасе ужасно жарко. Если ты сможешь уйти... то есть скоро. — Она нервно хихикает. — Я чувствую, что веду себя как ненормальная.

Вроде того.

Но я не упоминаю об этом; не нужно заставлять ее чувствовать себя неловко.

— Мой сезон не закончится до конца семестра, но могу сказать, в какие выходные у нас нет матчей. Скоро будет неделя отдыха.

Джорджия кивает, уставившись на свой мобильный.

— И я свободна через два выходных, а затем в следующем месяце.

Еще один визг.

Мой взгляд перемещается на холодильник — на висящий там календарь с моим расписанием — пытаюсь прочитать его, не отрывая задницу от табурета.

Я бросаю на Джорджию взгляд.

— Ты проверила, когда я буду свободен, не так ли?

Она мило краснеет.

— Может быть. — Она смеется. — Прости, но я так взволнована. Я ничего не могла с собой поделать!

— Все в порядке. — Пауза. — Итак, когда я могу поехать?

Она прочищает горло.

— Ну, так уж получилось, что ты тоже свободен через две недели — но если это слишком рано, я понимаю. Я имею в виду, кто отправляется в путешествие через две недели без какого-либо уведомления?

Я хочу отметить, что многие люди, но рискую показаться напыщенным болтуном.

— Значит я могу поехать через две недели? — Черт, это действительно скоро.

Но если будем ждать еще немного, то есть шанс, что я передумаю, разленюсь и захочу остаться, заставив Джорджию найти кого-нибудь еще, чтобы присоединиться к этой бесплатной поездке.

— Ага. — Девушка кивает. — Ты свободен через две недели. Если только не забыл что-то занести в свой календарь?

Я ничего не забываю, и вряд ли есть что еще, что можно туда втиснуть.

Регби.

Занятия.

Это две вещи, которые я обычно делаю, редко отклоняясь от курса.

Вечеринки не в счет; они проводятся в последнюю минуту. Родители не навещают меня здесь. Нет каникул, на которые я мог бы поехать домой.

Это слишком проблематично.

Слишком далеко.

Слишком дорого, не то чтобы стоимость когда-либо была фактором.

Мне повезло, что я родился с серебряной ложкой в моем редкозубом рту.

Это отрезвляет меня.

— И мы будем жить в одной комнате?

— Да, но... кажется, я читала, что в комнате есть диван-кровать?

— Эм. Что это?

Она наклоняет голову.

— Диван-кровать? Это диван, который превращается в кровать. Разве не видел ни одного такого?

Эм, нет. У нас никогда не было таких в двухсотлетнем поместье, где я вырос. Они бы не сочетались с показным декором.

— Нет.

— Оу. Что ж, в номере такой есть, и мы можем бросить монетку, чтобы узнать, кому придется на нем спать. — Она одаривает меня мегаваттной улыбкой. — К сожалению, я не могу позволить себе поселить тебя в отдельном номере.

Джорджи великолепна.

Такая чертовски красивая и счастливая.

— Все в порядке. Я переживу это.

Я снова опускаю голову, желая избежать ее огромных голубых глаз, веснушек на носу и розовых губ.

Как, черт возьми, я должен провести с ней выходные в Городе Грехов и не иметь о ней грешных мыслей?

«Переживешь; это всего на несколько ночей».

— Как долго мы там пробудем?

— Как насчет двух ночей? Мы не можем пропустить занятия, и определенно не можем пропустить тренировку.

Нет, не можем.

Кроме того, Вегас хорош в небольших дозах.

Двух ночей будет достаточно, прежде чем это станет слишком.

— По-моему, звучит неплохо. Можешь прислать мне смс с датами, чтобы я не забыл?

Она берет свой мобильный, наклонив голову вниз.

— Вот. Отправлено.

Больше улыбок. Снова смешки.

Она так невероятно жизнерадостна, что это практически сочтется из ее пор.

— Может посмотрим фильм сегодня вечером, или... — Ее взгляд блуждает по моему

лицу. — О, боже, твоя губа!

Протягивая руку, девушка дотрагивается пальцами до уголка моего рта — до пореза. Его уже почистили и обработали, но я представляю, как это ужасно выглядит.

Новые порезы всегда появляются в первые несколько часов, кожа в пятнах крови и все такое.

Я отдергиваю голову от ее пальцев, зная, что, если девушка прикоснется ко мне, это ужалит мою кожу сильнее, чем мог бы любой шип.

— Ничего страшного. Я в порядке.

— Уверен? Выглядит ужасно. Я могла бы...

— Нет, все нормально.

Все еще болит, но я в порядке.

Она отдергивает руку, отступая к табурету.

— Если ты уверен.

Я киваю.

— Я устал. Думаю, что просто пойду спать после того, как закончим уборку на кухне.

Джорджия медленно кивает.

— Ты совершенно прав — это был насыщенный событиями день.

— Эй. — Я останавливаюсь. — Как прошло твое сегодняшнее соревнование?

Чувствую себя придурком из-за того, что не спросил об этом раньше. Я забыл, что у нее были соревнования по легкой атлетике.

Джорджия кажется довольной, что я вспомнил.

— Хорошо. Мы выиграли.

— Не сомневался в этом.

После того как заканчиваем есть, мы перемещаемся по кухне, загружаем посуду в посудомоечную машину, вытираем столешницу, убираем коробки в холодильник.

Я наполняю оба наших стакана водой, прежде чем выключить свет на кухне, когда мы направляемся к лестнице.

Наверху Джорджия делает паузу.

Покусывает нижнюю губу.

— Спасибо. Я...

Она колеблется, снова краснеет, застенчиво замолкает.

— Ты?.. — Тянусь рукой к перилам, держась за них, пока жду.

— Мне не следовало сегодня бежать на поле. Уверена, что выглядела как сумасшедшая, но я получила сообщение, пока сидела там, и просто ничего не могла с собой поделать.

Она действительно выглядела как сумасшедшая, но «счастливая сумасшедшая».

Ее ухмылка прямо сейчас стоит тех неприятностей, которые она причинила мне сегодня — я не упоминаю, как тренерский штаб надрал мне задницу. Судья признал фол нашей команды неспортивным поведением, наказав меня за то, что я бегал с ней по полю.

Как будто все это, блядь, имеет значение.

Не прямо сейчас — не с таким выражением на ее лице.

То, как Джорджия смотрит на меня сейчас, такими сияющими глазами и...

И...

Я качаю головой.

Нет.

Это просто взгляд; не стоит воспринимать его как что-то еще. Джорджия Паркер мной

не увлечена. Ее не влечет ко мне. Мы установили это в первый же день.

— Спокойной ночи, — говорю я наконец.

Она наклоняется вперед, нежно целуя меня в щеку, недалеко от пореза на губе.

— Спокойной ночи.

Как, черт возьми, я должен теперь спать, когда моя кожа горит там, где касались ее губы?

Лежу в кровати, вспоминая выражение лица Джорджии, когда она подбежала ко мне ранее.

Всю прошлую неделю, с той ночи, когда дробил при мысли о ней и представлял, как она могла бы выглядеть обнаженной с губами на моем твердом члене, я не мог заснуть. И не мог смотреть на нее, не раздевая взглядом.

Я не мог отвлечься от мыслей о ней.

Точно так же, как сейчас.

Один в своей комнате, как и каждую чертову ночь, все по-старому, все без изменений.

Тот же дерьмовый очередной день.

Не могу остановить себя, когда рукой скольжу под одеяло, только на этот раз вместо того чтобы фантазировать о том, как Джорджия входит в мою спальню здесь, в доме, мое воображение рисует, как она забирается в мою постель в Лас-Вегасе, в отеле.

Как, черт возьми, мне пережить ночи с ней в одной комнате, делить душ, ванную, спальню? На самом деле никакого уединения.

И как мне ходить в туалет по-большому?

Как мне испражняться и вонять в ванной, как делаю каждое утро около девяти часов, когда мы делим одну комнату?

Черт, нет.

«Сосредоточься, Эшли».

Сосредоточься на том, чтобы не быть полным извращенцем. Сосредоточься на том, чтобы не испытывать вождления к своей соседке.

«Она доверяет тебе».

«Ты проведешь две ночи в Вегасе так же, как и остаток семестра, не прикасаясь к ней. Она переехала к тебе не для того, чтобы ты мог соблазнить ее — не то чтобы ты соблазнял кого-то за всю свою жизнь».

И не буду начинать с нее.

Я вытаскиваю руку обратно из своих трусов, чувствуя себя виноватым.

Как будто делаю что-то не так. Возможно, я просто параноик, но по какой-то странной причине мне кажется, что Джорджия знала, чем я занимался той ночью, когда дробил и стонал ее имя. Она никак не могла слышать, не так ли?

Не думаю, что я был настолько громким.

Почти уверен, что мой голос не разносился по коридору — с другой стороны, я был погружен в свои мечты о ней и о том, как приятно было ласкать себя.

«Ты должен взять себя в руки, чувак, а не свой член».

Может быть, мне стоит попробовать встречаться.

Наверное, нужно было согласиться на свидание с Ариэль. Она меня не привлекает, но никогда не помешает попробовать. Практика делает совершенным даже то, что касается свиданий, верно?

Смотрю в потолок, прежде чем отказаться от этих мыслей и дотянуться до пульта

дистанционного управления, спрятанного где-то в одеялах на кровати, нащупывая его рукой в темноте. Нажимаю кнопку включения телевизора, установленного на стене, и откидываю голову на стопку подушек.

По телевизору нет ничего интересного, но это лучше, чем закрыть глаза и думать только об одном: Джорджия дальше по коридору, в соседней комнате.

Интересно, что она делает в своей спальне.

Интересно, мастурбировала ли она с тех пор, как переехала сюда. Пользовалась ли она вибратором? Или просто использовала руку, как делал я?

Спустя полчаса после начала телесериала, в который мне еще предстоит вникнуть, раздаётся тихий стук в мою дверь. Насторожившись, я сажусь, кладя пульт на прикроватный столик.

— Входи.

Дверь со скрипом медленно открывается, и в коридоре темно, но маленький носик Джорджии — это первое, что я вижу, когда девушка осторожно открывают дверь.

— Ты не спишь?

Конечно. Я ведь сказал ей войти, не так ли?

— Не могу уснуть.

— О, хорошо. — Дверь открывается шире. — Мне показалось, я слышала телевизор. Я тоже не могла уснуть.

Она слышала мой телик?

Черт, а ведь громкость на минимуме.

Джорджия нерешительно задерживается в дверях; очевидно, она хочет войти.

Я смягчаюсь.

— Можешь войти, если хочешь.

Это все приглашение, в котором она нуждается, чтобы войти в мою спальню и обойти кровать с противоположной стороны, забраться под одеяло, как маленький ребенок, уютно устроившийся в постели своих родителей.

— Устраивайся поудобнее, — бормочу я, отодвигаясь, чтобы у нее было больше места и чтобы девушка не прикасалась ко мне. Последнее, что мне нужно, это лежать здесь со стояком, потому что ни на ком из нас почти нет одежды, и я провел последний час, думая о ее губах на моем теле.

Так чертовски неловко.

Джорджия переворачивается на бок, приподнимаясь на локте, чтобы изучить меня в темноте.

— Что мы смотрим?

Она определенно не устала.

— Сериал о трех соседях по дому, и они находят четвертого по имени Джесс. Комедия.

Не знаю, зачем объясняю ей это дерьмо. Я видел, как она несколько раз смотрела «Новенькую», когда приходил. Очевидно, ее вопрос был риторическим, чтобы завязать разговор.

Ее голова покоится на другом наборе подушек, сложенных на кровати.

— Твоя кровать действительно удобная.

Обычно, да, но не тогда, когда в ней лежит кто-то, кого я хотел трахнуть всю прошлую неделю, что доставляет мне неудобство.

— Я не должна бодрствовать так поздно... Мне нужно встать в пять на тренировку.

Мне тоже.

Поправка: я не обязан, но мне нравится начинать тренировку как можно раньше, чтобы избежать переполненного зала и покончить с этим, чтобы у меня были свободные вечера.

— Я всегда был жаворонком, — наконец говорю я. — А ты?

— М-м-м, не совсем, хотя мне никогда не разрешали долго спать в детстве. У моих родителей всегда были дела по дому, которые я должна была выполнять, даже по выходным. Так что, думаю, часов до восьми я могла повалиться. И в воскресенье, если мы не ходили в церковь. — Она делает паузу. — Раньше я ненавидела это, но, думаю, именно это сформировало мою трудовую этику, хотя я могла бы обойтись без необходимости загружать дровяной ящик зимой.

— Мы тоже не могли спать долго в школе. Правила были довольно строгими, хотя большинство моих приятелей были избалованными и никуда не годными.

Изнеженные аристократы, их много. Или сыновья богатых гангстеров, корпоративных магнатов и финансовых воротил.

Как мой отец.

Простой барон, но чертовски богат.

— Какие у них были причины будить вас? — спрашивает Джорджия, сиськи приподняты и набухли над вырезом белой майки, в которую она переделалась перед сном.

Я отвожу взгляд.

— В основном тренировки. Я играл в лакросс, когда учился в школе, некоторым парням приходилось работать на конюшнем дворе и тому подобное. Мы по очереди работали в трапезной. В кафетерии, я имею в виду.

— Тебе обязательно было носить сетку для волос? — поддразнивает она.

— И резиновые перчатки. — Я шевелю бровями и смеюсь.

— Фартук?

Я киваю.

— Определенно фартук.

Некоторое время мы оба сосредотачиваемся на шоу, и я закидываю руки за голову, сплетая пальцы вместе. Джорджия все еще лежит на боку, свернувшись калачиком.

— У меня так мерзнут руки. Жаль, что я не могу надевать перчатки в постель, — раздаётся ее мягкий голос.

— Дай мне потрогать.

Она скользит одной ладонью по матрасу, по моим прохладным простыням и к моей руке.

На ощупь, как лед.

— Черт возьми, соседка, да ты не шутишь.

— Мои ноги были холодными до того, как я вошла сюда, но сейчас становятся теплее. Иногда я надеваю носки в постель, что, я знаю, неправильно, но все же.

Я держу ее руку в своей, зажимая.

— Давай другую.

Она пододвигается, чтобы дать мне другую ладонь, и я потираю ее, — потираю, как будто грею над костром, трение создает тепло.

Джорджия наблюдает за мной в темноте, свет от телевизора отбрасывает тени на ее лицо.

— Спасибо.

После того как ее руки согрелись, девушка не возвращается на свою сторону матраса, вместо этого лежит там, где есть, спокойно изучая меня.

Взгляд скользит по моей обнаженной груди.

Затем неторопливо убирает руку из-под моего бока, и медленно скользит пальцами по чернилам на моей ключице. Прослеживает линию, которая идет от одной стороны к другой.

Это татуировка плюща, которую я сделал, когда мне исполнилось восемнадцать, и которую спрятал от мамы и папы, зная, что они сойдут с ума, если узнают об этом.

Плющ обвивает фразу: «Делай все с намерением» на латыни. Другие татуировки на моем теле включают крест, старый корабль с парусами, кровоточащее сердце и несколько случайных, которые я сделал, когда был слишком пьян, чтобы принимать правильные решения.

Моя соседка скользит кончиком пальца по моей коже, вызывая мурашки, очерчивая предметы, выполненные в черном цвете.

Интересно, что сейчас происходит у нее в голове; по мрачному выражению ее лица невозможно понять. Лоб нахмурен, когда она концентрируется на своей задаче.

— Мне нравится эта, — шепчет она, имея в виду тату фамильного герба, которую я сделал в прошлом году. Это напоминает мне о доме. История Драйден-Джонсов. Верность Англии.

Прочищаю горло, но ничего не отвечаю.

Я не могу.

Моя кожа и тело гудят от энергии.

Мне требуются все силы, чтобы лежать неподвижно и не двигаться, желая прикоснуться к ней, но борясь с искушением.

Я не хочу пугать ее или выводить из себя.

Кажется, что все происходит в замедленной съемке, и все, что я могу делать, это наблюдать. Смотреть, как Джорджия проводит пальцем по моей татуированной коже, безусловно, более захватывающе зрелище, чем смотреть телевизор.

Мое сердце колотится так, будто я только что сыграл восьмидесятиминутный матч по регби на полной скорости. Клянусь, если бы девушка задержалась достаточно долго над моим сердцем, она бы почувствовала, как оно бьется у меня в груди. На самом деле, возможно, она уже это чувствует.

Ее глаза ничего не выдают.

Я едва могу сказать, о чем она думает, очарована ли она, испытывает ли отвращение или восхищается видом искусства на моем теле.

— Когда ты сделал эту? — спрашивает она, имея в виду кровоточащее сердце. — Что это значит?

— Это, эм... просто символ того, что я вкладываю свое сердце и душу во все, что делаю. Я никогда ничего не делаю наполовину. Всегда выкладываюсь по полной.

Это заставляет ее засмеяться, глаза загораются. Она прикусывает нижнюю губу, как будто стесняется. Тем не менее, ее руки не отрываются от моей кожи.

У Джорджии внезапно появляется такое выражение лица, которое я не могу описать или идентифицировать, когда девушка наклоняется ближе, чтобы получше рассмотреть меня. Как будто пытается запомнить морщины на моем лице. Ее рука перемещается от моей ключицы и груди вверх к моему лицу, зависая в сантиметрах от моей скулы.

— Ничего, если я прикоснусь к тебе здесь? — спрашивает она.

Не уверен, зачем она спрашивает, потому что уже прикасалась ко мне все это время. Но, может быть, Джорджия почему-то думает, что прикасаться к лицу более интимно, чем к моей груди. В любом случае, я не против этого.

— Конечно. — Я задерживаю дыхание.

Пальцы, которые пробежали по моей ключице, теперь пробегают по шраму на моей щеке. Большой и указательный пальцы. Брови Джорджи приподнимаются, когда она касается шрама в уголке моего рта, который я заработал в игре на прошлой неделе, который кровотолил и болел несколько дней.

— Это было больно?

Чертовски.

Я хихикаю.

— Не так больно, как в прошлом году, когда бутса попала мне в угол глаза. — Но, слава богу, не осталось шрама.

Ее рот образует маленькую букву «О» от удивления.

— Тебя ударили ботинком в лицо?

Вот что такое бутса, да.

— Так случается.

Она наклоняется ближе, так близко, что я чувствую, как ее сиськи прижимаются к моей груди.

— Не могу поверить, что не осталось шрама.

— Есть крошечный, едва заметный. С другой стороны, у меня есть шрамы поверх шрамов, так что кто вообще разберет, что к чему.

— Не могу поверить, что они не заставляют вас носить шлемы.

Я тоже, иногда. Регби чертовски опасный вид спорта.

Веселый, но опасный.

Джорджия проводит указательным пальцем по моей брови.

— У тебя когда-нибудь было сотрясение мозга?

— Несколько.

Она хмыкает, недовольно поджимая губы.

— Они определенно должны заставить вас носить шлемы.

— Не думаю, что один из них поместился бы на моей голове.

Она закатывает глаза.

— Тебе никто не говорил, что у тебя завышенное самомнение?

— Думаешь, я этого не знаю?

— Ты даже не представляешь насколько. — Она издевается надо мной.

— Разве это плохо?

Джорджия откидывает голову назад, чтобы посмотреть мне в глаза.

— В мире, где каждый парень просто хочет потрахаться и ведет себя как придурок, нет, это не так уж плохо. Это хорошо.

Я пожимаю плечами.

— Меня постоянно изводят из-за акцента. Думаю, некоторые люди ошибочно принимают это за напыщенность.

— Напыщенный, нет. — Она хихикает. — Правильный, да.

— Ты тоже правильная, знаешь ли.

— Неужели?

— Да.

— Хм, — мурлычет она, все еще находясь всего в нескольких сантиметрах от моего лица. — Думаешь, я хорошая девочка?

Я делаю еще один вдох, в ее словах слышится дерзость.

Вызов согласиться с ее утверждением.

Но я не собираюсь этого делать. Не собираюсь говорить ни слова. А просто позволю ей верить в то, во что она хочет верить, вместо того чтобы начинать с ней спорить.

Правда в том, что я действительно думаю, что Джорджия хороший человек, несмотря на трудное начало, которое у нас было. И понимаю, почему она тогда это сделала, потому что понимаю, каково давление со стороны сверстников.

Теперь я знаю, что она не поверхностный человек; Джорджия веселая и оптимистичная. Добрая, щедрая и милая.

И, говоря о миле, ее дыхание пахнет мятой. Ее кожа пахнет миндалем и маслом ши — тем же лосьоном, который она вчера оставила на кухонном столе, и которым я натер руки, думая, что это крем для рук.

— Я думаю, что ты хороший человек, да. — Я сглатываю, не желая использовать фразу «хорошая девочка» — это почему-то кажется слишком сексуальным и интимным, и я сильно сомневаюсь, что ей было бы приятно.

Я не думаю, что большинству молодых женщин нравится, когда их называют девочками, или милыми. Или хорошими.

Это как-то уныло и занудно, хотя совсем не то, что это значит.

— Хороший человек, — повторяет она, выдыхая. — Значит, не дерзкая засранка, которую ты встретил в доме регби?

— Я не держу на тебя зла. Тебе нужно отпустить это. Если, конечно... — Я оглядываю ее с ног до головы. — Ты не планируешь снова издеваться над кем-то.

— Нет! — торопится сказать она. — Я бы никогда... не сделала это снова, ты же знаешь. Это не я, и с тех пор больше не общалась с теми девушками из моей команды.

Я заметил, что Джорджия отделилась от них, но не был уверен в точной причине. У меня были свои подозрения, и теперь они подтвердились.

Девушка щелкает меня пальцами по носу, на ее губах играет улыбка.

После того как заканчивает прикасаться к заживающему порезу на моем рту, начинает исследовать другие места. Скользит кончиком пальца по переносице, которая была сломана по меньшей мере три раза, затем еще раз по моей брови, по-видимому, ей нравится тот факт, что они густые, если судить по приподнятому уголку ее рта.

Хотел бы я прочесть ее мысли.

Мне бы хотелось, чтобы она сказала, о чем думает, чтобы мне не пришлось лежать здесь, пытаясь угадать.

Я отчасти хотел бы, чтобы она поцеловала меня прямо сейчас.

— Наверное, мне не следовало так прикасаться к тебе... Теперь я чувствую себя странно. — Она наконец-то говорит мне то, что у нее на уме. — Прости.

— Знаешь, — медленно начинаю я. — Ты слишком часто извиняешься. В прикосновениях к моему лицу нет ничего плохого. Все, что ты делаешь, это смотришь на мои порезы и синяки. В этом нет ничего особенного.

— Я правда слишком часто извиняюсь?

— Достаточно часто, чтобы я заметил, — говорю я, не желая, чтобы она чувствовала

себя плохо. Но Джорджия действительно просит прощения больше раз, чем она думает. — Не то чтобы это имело большое значение. В мире есть вещи и похуже, которые кто-то может сделать, и извинения не входят в их число. Даже не возглавляет список правонарушений.

— Ты прав, это правда. Если это худшее, что я делаю, кроме того, что случайно приглашаю не того парня на свидание... — Теперь она поддразнивает, начиная выглядеть усталой, веки немного отяжелели.

Джорджия отстраняется, чтобы откинуться на подушки, на которых лежала ранее, и с легкой улыбкой смотрит на меня.

— Что будем делать в Вегасе? — почти шепчет она. Ее лицо выражает умиротворенное спокойствие.

«Не спать в одной постели», — хочу проворчать я.

— Думаю, было бы здорово полежать у бассейна хотя бы несколько часов.

Здесь хорошо, но в Неваде, должно быть, действительно тепло, и плескаться в прохладной воде с бокалом в руке звучит чертовски фантастично.

Кроме того, я не могу вспомнить, когда в последний раз был в воде, которая не была в душе, или из шланга на вечеринке в летнем доме.

— Это было бы весело. Нужно будет упаковать купальник. — Джорджия зевает. — Вообще нужно начать составлять список.

— Ты во всем разобралась?

— С конкурсом? Да, я разговаривала по телефону с организатором, потому что у меня было несколько вопросов, и она была мила. Мне лишь нужно было назвать имена двух человек, которые поедут — ты и я, — и она отправила мне по электронной почте форму, которую я должна заполнить, для налогов. — Это заставляет ее стонать. — Я понятия не имела, что должна платить налоги с подарков, ты можешь себе представить?

— Вроде того. Хотя не настолько хорошо знаком с американскими законами.

— Налог на подарки. — Она корчит гримасу. — Если бы я выиграла машину, мне пришлось бы продать ее только для того, чтобы заплатить дурацкий налог.

— Ты уверена, что хочешь отправиться в это путешествие, Джорджи? Нам необязательно — вместо этого мы можем отправиться в дорожное путешествие.

Она смотрит на меня пристальным взглядом.

— Ни за что.

Хорошо. Ладно.

Я отступаю, когда она зевает, закрывая глаза, прежде чем снова опустить голову. Эм... не похоже, что она торопится уходить — значит, планирует спать здесь, в моей постели?

Должен ли я сказать ей, что она не может остаться?

Мне никогда не удастся заснуть, если она будет лежать здесь, вкусно пахнущая и потрясающе выглядящая.

После нескольких минут молчаливых дебатов я оглядываюсь только для того, чтобы обнаружить, что девушка уже спит, выглядя очаровательной и хорошенькой, завернувшись в мое одеяло, натянув его до подбородка.

Мне тоже не требуется много времени, чтобы уплыть по течению.

Когда просыпаюсь посреди ночи, вокруг кромешная тьма. Я не уверен, который сейчас час, но, должно быть, уже поздно, потому что солнце еще не начало всходить. Нет смысла вставать или даже проверять свой мобильный, и мне не нужно писать...

Чье-то тело прижимается ко мне спереди, задница прижимается к моему члену, и я

лежу неподвижно, боясь пошевелиться хоть на сантиметр.

Боюсь, что у меня будет стояк, и Джорджия проснется и подумает, что я делаю что-то неподобающее.

Я пытаюсь отодвинуться — только для того, чтобы обнаружить, что я уже настолько далеко на своей стороне кровати, насколько это возможно. Моя соседка по комнате перекадилась на мою сторону в какой-то момент посреди ночи, заняв все пространство.

Кто знал, что она любит занимать всю кровать?

Никогда бы не догадался об этом.

Неуверенный в том, что делать, я продолжаю лежать неподвижно, если не считать моего дыхания, и теперь не уверен, куда деть свою руку, которая покоилась у меня на бедре. Это, мягко говоря, неудобно, и я чувствую себя как сардина, засунутая в банку.

Может быть, мне стоит поспать на диване в гостиной?

Или в кровати Джорджии.

Нам обоим все равно рано вставать, и если она проснется, а меня не будет в постели, то не подумает о том, что я сбежал от нее посреди ночи.

Она ничего не узнает, если я встану и уйду, чтобы поспать.

Джорджия тихо стонет, ерзая на кровати, перекатываясь на спину и закидывая руку за голову. Она остается в таком положении несколько минут, успокаиваясь.

Тихая.

Мирная.

Слишком темно, чтобы я мог видеть ее лицо или наблюдать, как ее грудь поднимается и опускается от дыхания, но она все еще прижата ко мне боком, и это приятно. На самом деле, очень приятно, когда кто-то лежит рядом. Определенно не то, к чему я привык, но это то, к чему я мог бы пристраститься.

Возможно, это один из плюсов, чтобы иметь девушку.

Не то чтобы я был против этого. Просто никогда... не хотел этого.

Проходит еще несколько мучительных мгновений, и все, что я могу слышать, это звук моего собственного дыхания в ночной тишине, пока Джорджия не подкатывается ко мне. Тихо постанывая. Но это стон удовлетворения, а не от дурного сна.

Вздыхает.

Тянется рукой, ища мое бедро, пробегает ладонью по изгибу моей талии. Вниз по моему боку.

— Эшли, — бормочет она, и я чертовски уверен, что она все еще спит. — Ты так хорошо чувствуешься.

Хорошо?

Я ничего не делаю, просто лежу здесь!

Блядь.

Мне следовало встать с постели, когда был шанс ускользнуть.

Я все еще мог бы, только на этот раз, поскольку девушка обняла меня, она наверняка проснулась бы.

Теперь внутри меня идет война: сила воли, чтобы держать свои руки подальше от нее, против желания прикоснуться к ее коже так, как она касается меня.

Я позволяю ей прижаться ко мне еще сильнее, наслаждаясь теплом ее тела, даже несмотря на то, что чертовски сгораю, когда ее сиськи давят мне на грудь.

Вдыхаю и выдыхаю, затем снова вдыхаю и выдыхаю, пытаюсь выровнять свой пульс,

чтобы он не мчался со скоростью сто километров в минуту. Интересно, что бы произошло, если бы я тоже обнял ее?

Было бы это худшей вещью в мире — обнять ее? В конце концов, она мой друг. И разве это не то, что делают друзья? Обнимают друг друга?

Кроме того, она в моей постели, и это она держится за меня.

Нерешительно я поднимаю свою руку и кладу на нее, так что мы на самом деле как бы обнимаемся.

Так это делается?

Или подождите, мы лежим ложечкой? Или против друг друга? Или против друг друга было раньше, когда она лежала на противоположной стороне, подальше от меня? Я понятия не имею; никогда этого не делал.

Слышал об этом только от своих приятелей, которые любят обниматься в постели, потому что это приводит к сексу.

Это чертовое чудо и упражнение в терпении, но мне удастся снова заснуть с Джорджией, прилипшей ко мне, и стояком в моих боксерах.

Джорджия

— Не могу поверить, что я в Лас-Вегасе. — Смотрю в окно, вниз на освещенную улицу из нашего гостиничного номера, ослепительные огни уже горят, хотя еще не стемнело.

— Да, это то, из чего сделаны мечты, — саркастически замечает Эшли, бросая свой чемодан на диван в дальнем конце комнаты.

Я опускаю занавески и поворачиваюсь к нему лицом.

— Ты говоришь с сарказмом?

— Я? Нет. — Он смеется, расстегивая молнию на одной из своих сумок.

Он взял целых три, и я была удивлена, увидев, что парень немного переборщил с багажом. Я предполагала, что он захватит спортивную сумку или рюкзак, набитый одеждой, но это не так.

Два клетчатых чемодана и одна ручная кладь, плюс рюкзак.

Куда, черт возьми, он думал, мы направляемся, на луну на месяц?

Серьезно.

— Там внизу похоже на Диснейленд, — говорю я ему, желая покружиться, но боясь, что он будет смеяться надо мной.

— Ты была в Диснейленде? — спрашивает он, не поднимая глаз и роясь в своей сумке. Достает пару шлепанцев и бросает их на пол, выскользывая из кроссовок.

— Нет. — Я краснею, когда признаю это; поход в Дисней кажется мне чем-то, что я уже должна была сделать в своей жизни. — Но хочу.

Эшли поднимает взгляд.

— Лас-Вегас, Дисней — какие еще чудеса света есть в твоем списке желаний?

— Гм. — Мой тихий гул нерешительности звучит восхищенно. — Ниагарский водопад. Аквапарки в Висконсин-Деллс. Э-эм, я бы с удовольствием посмотрела на Биг-Бен.

Его улыбка кажется печальной.

— Ну, это кажется очень разумным, места, которые стоит посмотреть. Легко.

Ну, легко — это относительный термин. Это легко, если у тебя есть деньги, чтобы поскитаться по миру к туристическим ловушкам из моего списка, да. Нелегко, если вам приходится считать каждый пенни и залезать в долги просто для того, чтобы получить высшее образование и «бесплатную» поездку в Лас-Вегас.

Я, вероятно, пожалею, что приняла этот приз из-за затрат, которые придут позже, но сейчас собираюсь наслаждаться видом и компанией.

Прошло две недели с тех пор, как я забралась в его постель и заснула, перевернувшись на другой бок в его объятиях, что в то время я лишь смутно осознавала.

Я проснулась одна, что меня не удивило; Эшли с самого начала не решался пускать меня в свою спальню. Я видела это в его глазах. Было ли это потому, что он не хочет иметь со мной ничего общего, кроме случайных влажных снов, или потому что не хочет иметь со мной ничего общего, и точка?

Может быть, на самом деле я его не возбуждаю.

Может быть, фантазия, которая была у него той ночью, была просто случайностью.

Сегодня вечером мы планируем поужинать в стейк-ресторане, который я видела по телевизору, и мне посчастливилось позаимствовать несколько платьев у Наллы и Прии, которые примерно того же размера, что и я, хотя и ниже.

Я вытаскиваю их из своего чемодана и подхожу к шкафу.

— О, ты одна из них, — смеется Эшли.

— Из кого?

— Из тех путешественников, которые развешивают свои вещи, как будто они переехали.

— Я не такая! — Я заглядываю в шкаф, где уже повесила несколько рубашек. — Я просто не хочу, чтобы они помялись.

— Ты положила носки и нижнее белье в ящики.

— И что?

Он пожимает плечами.

— Ты словно переехала и чувствуешь себя как дома.

— Перестань смеяться надо мной. Быть взволнованной — это не преступление. — Я бросаю на него свой самый свирепый хмурый взгляд. — Мы здесь уже десять минут... не будь кокблоком.

— Я не могу быть кокблоком — тут нет никакого секса.

— Ты портишь мою атмосферу отпуска.

— Твой отпускной стояк. — Он смеется. — Я могу увидеть этот член отсюда. Как ты можешь ходить с этой штукой между ног?

Эй, эй, эй — попридержи коней!

Я в шоке смотрю на Эшли, держа платье, которое собиралась повесить в шкаф. Это первый раз, когда он сказал что-то даже отдаленно связанное с сексом — по крайней мере, мне в лицо. Мастурбация не в счет.

Я даже не знаю, что сказать!

— Вижу, что лишил тебя дара речи. — Парень снова смеется надо мной, теперь шаркая в сторону ванной с сумкой для туалетных принадлежностей.

— Ты только что сказал «член» и «стояк» — чего ты ожидал? Обычно ты идеальный джентльмен.

— Я все еще такой. — В ванной он раскладывает свои вещи на стойке. — Использование этих слов не означает, что я неидеальный джентльмен. Мы в отпуске, и ты пригласила меня сюда как своего друга, так что я собираюсь вести себя как один из твоих друзей. — Его голова высовывается наружу. — Разве вы, девочки, не так разговариваете?

Э-эм, ну да.

— Ты не одна из моих подружек.

Это не слишком тонкое напоминание, и я надеюсь, что он меня не слышит.

И я, конечно, не хочу держать его во френдзоне. Если подумать, я точно не помню, как он вообще туда попал и кто кого туда поместил.

Все стало таким запутанным благодаря тому долбанному вызову.

Он снова высовывает голову.

— Тогда кто я?

— Ты... — Мой рот разинут, как будто я рыба. — Просто ты.

Это не самый блестящий ответ, по крайней мере, в долгосрочной перспективе, и я даже не уверена, что имею в виду под этим.

— Верно.

Он снова исчезает, и я опускаю плечи, упустив возможность сказать что-то более глубокое. Немного более... кокетливое. Что-нибудь, что угодно, лишь бы выбраться из этой ямы, которую вырыла для себя.

В течение следующего получаса Эшли занимается тем, что приводит себя в порядок, а затем дает мне воспользоваться ванной. Там есть две раковины, но мне ужасно нужно принять душ и причесаться, прежде чем мы отправимся на ужин.

Стоя под горячими струями прекрасного цельностеклянного душа, я поворачиваюсь и смотрю в зеркало над туалетным столиком. Я могу ясно видеть себя через прозрачную кабину, пар поднялся не настолько, чтобы заслонить мне обзор.

Провожу рукой по своему плоскому животу, затем вверх, обхватываю ладонями грудь. Откидываю голову назад, чтобы намочить волосы.

Я наблюдаю, как намыливаюсь и смываю, чего не делаю дома. Зеркало слишком высоко над стойкой, чтобы что-то хорошо рассмотреть, говоря о моих сиськах, животе или... других вещах.

Не буду врать, это опьяняющий вид, и мне жаль, что я здесь одна, представляя, как возбудился бы Эшли при виде моего обнаженного тела.

Конечно, он бы так и сделал; какого мужчину не возбуждает обнаженная плоть?

Вытираюсь полотенцем, прежде чем выйти. Холодный кафельный пол и мраморные стены заставляют меня задрожать, поэтому я быстро вытираюсь.

— Я завернусь в полотенце, если тебе нужно зайти сюда, — кричу я на случай, если ему захочется пописать; я не хочу полностью оккупировать ванную, как сделала с его кроватью.

Он напоминал мне об этом факте не менее дюжины раз.

Маленький зануда.

Мне требуется гораздо больше времени, чтобы высушить волосы феном, чем обычно, вероятно, потому, что я использую все, что предоставляет отель, вместо своих собственных вещей — фен, причудливо сложенные полотенца, все средства для укладки.

Лосьоны.

Я делаю мысленную пометку взять крошечный набор для шитья и шапочку для душа, прежде чем мы выедем, хотя я, вероятно, никогда не воспользуюсь ни тем, ни другим. Но они такие милые и должны быть у меня!

Завиваю волосы.

Макияж? Минимальный.

На улице жарко и душно, и последнее, чего мне хочется, это чтобы мой тональный крем и тушь для ресниц потекли, потому что в конечном итоге я вспотею. Я провела кое-какие исследования в интернете, и все говорят, что в Лас-Вегасе так много гуляют, что не стоит носить действительно высокие каблуки и много косметики — ноги, в конце концов, просто убивают вас, а макияж тает.

Платье, которое я выбрала для сегодняшнего вечера, уже висит на крючке за дверью, и я снимаю его с вешалки, чтобы влезть в него.

Оно принадлежит Налле.

Ярко-розовое, на бретельках-спагетти, глубокое декольте, бюстгальтер не нужен. С завышенной талией, подол доходит до середины бедра.

Оно сексуальнее, чем я ожидала, увидев в ее шкафу, пока рылась в нем, и еще более удивительно, что я выбрала именно его, чтобы взять с собой в эту поездку. Но это мой шанс, я пытаюсь сделать что-то другое. И, возможно, это моя попытка заставить Эшли увидеть

меня совершенно по-другому, а не просто как свою соседку по дому и друга.

На очереди обувь.

Босоножки на танкетке, принадлежащие Прие.

Это особенное путешествие, и я хочу чувствовать себя особенной.

Хорошенькой.

Даже сексуальной.

С тревогой я надеваю несколько золотых браслетов на левое запястье и наблюдаю за собой в зеркале, когда по очереди вдеваю кольца в каждое ухо.

Вспоминаю, что забыла нанести блеск для губ, и роюсь в своей дорожной сумке в поисках красивого розового цвета. У меня не так много косметики, и обе мои подруги были достаточно любезны, чтобы одолжить мне немного своей.

Я безнадежно нервничаю.

Переполнена волнением и предвкушением — что он скажет, когда я открою дверь и войду в наш гостиничный номер?

И собираюсь это выяснить.

Втягивая воздух, я выдыхаю, когда открываю дверь и делаю первые несколько шагов вперед.

Эшли сидит на диване, листает журнал, прежде чем поднять глаза. Кладет его на стол, вытирая обе руки о штанины своих парадных брюк, прежде чем подняться.

Парадные брюки.

Парень переоделся в брюки и отглаженную голубую рубашку. Рукава закатаны до локтей, татуированные руки заигрывают с моим заинтересованным взглядом.

Я странно польщена, что он приложил столько усилий, чтобы хорошо выглядеть, волосы зачесаны назад, щетина пострижена.

О боже.

Держу пари, он потрясающе пахнет.

— Ты выглядишь... — Он делает паузу, подыскивая прилагательное. — Красиво.

Я кружусь, как хотела сделать с тех пор, как мы приехали, желая ущипнуть себя.

— Спасибо, ты тоже.

Ты тоже? Фу.

— Готова идти? — Он берет бумажник и сотовый и засовывает их в задние карманы.

— Да, дай мне взять свою сумочку. — Не теряя времени, достаю удостоверение личности и наличные из одной сумки и кладу их в маленький розовый клатч, который сочетается с этим сексуальным, милым платьем.

Краем глаза замечаю, что Эшли наблюдает за мной, и притворяюсь, что не замечаю, желая, чтобы он смотрел, но у меня все еще скручивается узел в животе.

Прошло несколько часов, осталось еще тридцать с чем-то...

Я могу пройти через это. Могу держать свои руки подальше от него и притвориться, что мы просто приятели.

Да, точно.

Я делаю это каждый день. Это не должно было быть проблемой, несмотря на тесноту помещения.

Поездка на лифте в вестибюль проходит тихо, как будто мы двое незнакомцев, спускающихся вместе, старающихся не пялиться и не встречаться взглядами.

Пальцами тереблю цепочку на сумочке, желая чем-то занять себя.

Тротуар — это безумие.

Переполнен.

Кишит людьми.

Проезжая часть? Забита машинами, такси и туристическими автобусами, бампер к бамперу. Все сигналият. Кричат.

Откуда-то сверху льется музыка, и я поднимаю взгляд — на мониторе высотой в три или четыре этажа транслируется видео, рекламирующее артиста, проживающего в этом отеле.

Кто-то не смотрит, куда идет, и врзается в меня; я наклоняюсь, шатаюсь на этих дурацких каблуках, на которых у меня мало практики ходьбы, и которые следовало бы оставить в комнате.

— Нам туда, — кричит Эшли мне прямо в ухо, помогая мне выпрямиться. — Ты в порядке?

Я киваю.

— Следуй за мной.

Наблюдая за его сильной спиной, за тем, как мышцы напрягаются при каждом его движении, и изо всех сил стараюсь держаться рядом с ним. И так продолжается до тех пор, пока мы не подходим к известному отелю с его знаменитым танцующим фонтаном перед входом.

Все останавливаются, чтобы посмотреть, что вызывает заторы.

Я натыкаюсь на спину Эшли, толпа перед гигантским водным шоу казино огромна и становится еще больше теперь, когда вода взлетает брызгами.

Туристы всех национальностей толпятся здесь ради видео и фотографий, локти и плечи натыкаются на нас со всех сторон.

Чья-то рука хватает мою.

Я смотрю вниз. Рука Эшли.

Большой и сильный, он крепко держит меня, пока мы движемся сквозь толпу, не желая вызывать такси, так как движение тоже ужасное.

— Чтобы мы не потеряли друг друга, — бросает он через плечо.

Ясно.

Врезаюсь в еще кучу людей, потому что моя голова опущена, пока я иду, уставившись на наши соединенные руки, вид и тяжесть его в моей собственной ладони заставляют мое сердце биться чаще.

Парень не отпускает меня.

Не тогда, когда мы выбрались из толпы людей, не тогда, когда входим в ресторан.

Когда стоим там, ожидая, когда нас усадят, Эшли отпускает мою руку, но тут же кладет свою мне на поясницу, как будто там ей самое место.

Я счастливо вздыхаю, следуя за хостес, когда она ведет нас к нашему столику, уединенному месту в углу, вдали от шума и суеты.

Должно быть, часть призового конкурса — один из лучших столов.

— Празднуете что-то особенное? — спрашивает официант, когда мы садимся, кладя меню перед каждым из нас, пока другой наполняет стаканы с водой, которые уже были расставлены на столе. — Годовщина? Свидание?

— О, мы не пара, — выпаливаю я, указывая между Эшли и собой, как идиотка.

«Почему, Джорджия? Почему? Просто держи рот на замке. Вот поэтому он думает, что тебе неинтересно, и ты делаешь только хуже!»

— Я имела в виду, что мы не празднуем ничего особенного. — Я делаю глоток воды из стакана, чтобы заткнуться, лицо краснеет от смущения.

— Могу я предложить вам для начала выпить?

Я украдкой бросаю взгляд на Эшли.

Его лицо непроницаемо, взгляд прикован к меню, которое он сейчас держит в обеих руках, взгляд блуждает по страницам. Губы сжаты.

— Конечно, — говорит он. — Я буду «Гиннесс».

Нерешительно прикусываю нижнюю губу.

— Эм, я буду бокал белого вина. Что у вас есть?

Официант предлагает мне несколько вариантов, и я выбираю один, на самом деле понятия не имея, что я заказала, но уверена, что мне это все равно понравится.

— Что выглядит хорошо? — спрашиваю я, беря свое меню и открывая его, как книгу.

— Все.

Стейк. Лобстер. Паста. Суп.

Десерт.

Все это здесь, и мы можем заказать; нам даже не придется оплачивать счет в конце трапезы.

Строки на странице передо мной с таким же успехом могут быть написаны на другом языке, который не могу понять, потому что едва их читаю. Я только что сказала официанту, что мы не пара и не празднуем ничего особенного; думаю, я только что испортила всю атмосферу.

Мы молчим, пока официант не возвращается с нашими напитками; я делаю большой глоток из своего бокала, нуждаясь в жидкой смелости. Желая набраться смелости, чтобы изменить этот вечер к лучшему.

— Ты прекрасно выглядишь, — выпаливаю я. — Синий — это твой цвет.

На самом деле, любой цвет — это его цвет, но я не собираюсь этого говорить.

— Спасибо.

Ага. Он определено отгородился.

Я наклоняюсь вперед на своем стуле, положив локти на стол, отмечая, как взгляд Эшли блуждает от моего лица к декольте.

Интересно.

Значит, он не так уж невосприимчив ко мне... или, может быть, не так уж невосприимчив к красивой паре сисек. Имеет ли значение, на чьем теле они находятся? Хотела бы я знать.

На самом деле он никогда не видел большей части моей обнаженной кожи — если не считать того, что я в спортивном лифчике, что не считается, потому что эта штука делает меня неприлично плоской.

Хорошо.

Ладно, это хорошо. С этим я могу работать.

В конце концов, он мужчина...

Я способна на женские уловки.

Наверное.

Я имею в виду, это было давно, но думаю, что могу флиртовать и быть сексуальной, если буду достаточно стараться.

Наклоняюсь вперед еще больше, положив грудь на стол. Теперь она приподнята, как

будто на мне бюстгальтер пуш-ап. Я невинно улыбаюсь.

— Как твое пиво?

Эшли ерзает на своем месте.

— Холодное.

— Выглядит пенистым.

— Так и должно быть.

— Серьезно?

— Ага.

Он ведет себя дерзко, это хороший знак.

Я откидываюсь назад, отпивая еще вина. Чувствую себя так, словно мы на первом свидании, но оно проходит не очень хорошо.

Между нами есть странное напряжение, которое я не могу понять; мы «просто соседи по дому», так что он не должен был обижаться на то, что я сказала официанту, что мы не пара.

Это правда.

И он не должен был обижаться, что я сказала официанту, что мы не празднуем ничего особенного, потому что это не так.

Мы просто двое друзей, приехавших сюда на выходные.

Так почему же он ведет себя странно?

«Потому что ты ему нравишься, но он не хочет переходить черту», — говорит голос в моей голове. — «Ты обманывала себя все это время, если думала, что он не заинтересован. Переехать к нему было огромной ошибкой».

Я ломаю голову в поисках темы для разговора и останавливаюсь на:

— Что бы ты предпочел — отрезать палец на ноге или на руке?

Он смотрит на меня удивленно.

— Эм... это было неожиданно.

— Выбери один вариант.

— Легко — палец на ноге. Но на самом деле я все равно их почти не использую. А как насчет тебя?

— На сто процентов палец ноги. — Я делаю паузу. — Подожди, а я могу выбрать, какой палец ноги, или мафия выберет за меня?

— Эм, это был твой вопрос, но мафия усложнит выбор: они выбирают палец на ноге, но ты можешь выбрать палец на руке.

О, это действительно оживляет ситуацию.

— И все же я выбираю палец на ноге. Я могу носить туфли с закрытым носком, или, если почувствую себя особенно нахально, то достану свой ампутированный мафией палец ноги, задеру штанину и заставлю всех это увидеть

— По твоему сценарию ты сейчас в сомнительном итальянском ресторане со своим пальцем? Все это кажется действительно экстремальным. Ты подняла это на совершенно другой уровень.

— Я почувствовала, что это требует большей детализации.

Он наблюдает за мной поверх своего пинтового стакана.

— Понятия не имел, что ты такая.

— Ты многого обо мне не знаешь.

— Очевидно.

Под столом я дергаю ногой.

— Твоя очередь задавать вопрос.

Это занимает у него несколько мгновений. Парень молчит, пока думает, но в конце концов говорит:

— Хорошо. Ты бы предпочла отправиться в тюрьму на шесть месяцев или провести в коме целый год?

О, хороший вопрос — мне нравится.

— Тюрьма.

— Ты ответила очень быстро. Никаких колебаний?

Я выпиваю немного вина.

— Нет. Я просто использую это время, чтобы написать мемуары, в зависимости от условий содержания и доступа к ноутбуку.

Он кивает.

— Я бы мог пополнять твой счет в тюремном магазине, поддерживая иллюзию «Мы будем вместе, когда ты наконец освободишься». Потом, когда выйдешь, я скажу тебе, что ты изменилась.

— Ну да, тюрьма изменит меня. Я стану жестче — я ведь слишком много повидала изнутри.

Я посылаю ему улыбку, и он смеется.

— Ты чудная.

— Я? — Небрежно пожимаю плечами. — А как насчет тебя? Тюрьма или кома?

— Кома, тогда мне не пришлось бы ничего помнить о прошедшем времени.

— Но что, если ты проснешься и у тебя будет амнезия?

— Ну, мне придется учиться всему заново... — Он подыгрывает мне.

— И я бы притворилась твоей невестой, хотя мы ни разу в жизни не встречались, и ты забереешь меня домой к своей семье.

— Как я буду помнить свою семью, если у меня амнезия?

— По фотографиям в твоём бумажнике.

Эшли смеется.

— Ни у кого нет семейной фотографий в бумажнике.

— У моего отца в бумажнике есть моя фотография — маленькая, два на три, — когда я училась в пятом классе, с торчащими зубами и косами. Это единственный способ, которым они могли похвастаться своей фотогалереей в те времена.

— Значит, одно из твоих требований как моей фальшивой невесты, чтобы я хранил твою фотографию в своём бумажнике?

— Ну, очевидно, нам придется пойти и сделать несколько снимков. Распечатать несколько селфи.

— Особенно на тот случай, если я впаду в эту загадочную кому, и мне понадобится фото, чтобы опознать тебя.

— Именно. Следовательно, нам придется сделать несколько штук, чтобы распечатать их для твоего бумажника.

— Ты сказала все это с единственной целью использовать слово «следовательно» в предложении. — Он закатывает глаза, глядя на меня. — Отлично. Давай сделаем селфи.

Сейчас?

— Здесь?

— Разве девушкам не нравится делать селфи, где и когда им заблагорассудится?

— Большинству да.

Эшли поднимает плечи.

Я смотрю, моргаю, делаю вдох, затем отодвигаю стул, встаю из-за стола и, ковыляю, чтобы встать рядом с ним с телефоном. Протягиваю его ему после того, как открываю камеру.

— Вот, возьми. У тебя руки длиннее.

— Ради всего святого, — ворчит он, и его голос звучит очень по-британски.

Я пригибаюсь позади него и улыбаюсь, неуверенная, что делать со своими руками. Фотография получилась бы лучше, если бы мои руки были где-нибудь на нем, на его плечах или...

— Можешь придвинуться поближе, — инструктирует он своим глубоким голосом.

Я придвигаюсь ближе, мое лицо рядом с его, сиськи почти вываливаются из моего платья, улыбаюсь благодаря вину.

Его запах наполняет мой нос ароматом лосьона после бритья, специй и дезодоранта, которым он пользуется, и мне хочется плюхнуться к нему на колени — или поцеловать его в затылок.

Прикоснуться к нему.

Эш постригся, борода не сбрита, но он привел ее в порядок.

Парень выглядит грубым и пахнет божественно.

Как настоящий спортсмен.

Он делает еще несколько снимков, и я делаю глупое лицо, прежде чем вернуться на свое место рядом с ним. Выпиваю большую часть вина из своего бокала от разочарования — я делаю ситуацию более странной, чем должно быть.

«Перестань слишком много думать об этом. Повеселись».

Будь веселой.

Будь кокетливой.

Я улыбаюсь ему через стол, когда парень переводит взгляд на меня, но я ни за что на свете не могу сказать, что может твориться у него в голове.

— Сохранять нейтральное выражение лица — одна из вещей, которым тебя научили в школе?

— Прости?

О, боже, какого черта я спрашиваю о подобных вещах?

— Твое лицо — я не могу сказать, о чем ты думаешь.

Эшли молчит еще несколько мгновений, приоткрывая губы, собираясь с мыслями. Делает глоток своего пива. Небрежно откидывается на спинку кресла, положив локти на подлокотник.

— Ты не захочешь знать, о чем я думаю.

— Нет?

— Нет.

— Почему нет?

Эшли продолжает наблюдать за мной, и вижу, что он взвешивает свои варианты, как будто я реально внезапно могу прочесть его мысли. Если будет до конца честен, то вдруг я могу оттолкнуть его. Если вообще ничего не скажет, то буду ли продолжать требовать ответа.

В этом деле победы нет, и он это знает.

— Хочешь поиграть в «да» и «нет»? — спрашиваю я его.

— Конечно.

— Ты понятия не имеешь, что это такое, не так ли? — Мой смех игрив, когда я продолжаю пить вино.

— Нет.

— Я задаю вопрос, а ты просто отвечаешь «да» или «нет», пока я не узнаю, что у тебя на уме.

Это заставляет его замолчать.

— Все еще хочешь поиграть?

Кивок.

— Да.

— Хорошо. — Отлично. — Хм. — Я переплетаю пальцы нервничая. — Ты думаешь о том, когда появится официант, чтобы мы могли, наконец, заказать ужин?

Они принесли нам корзинку с хлебом, оливковое масло и уксус, но не спросили, что бы мы хотели на ужин.

— Нет.

— Твои мысли вообще имеют какое-либо отношение к еде?

— Нет.

— Интересно. — Если бы я сидела во вращающемся кресле, я бы кружилась медленными, методичными кругами, как какой-нибудь злодей в фильме. — Очень интересно.

Эшли закатывает глаза.

— Значит, ты не думаешь о еде. — Постукиваю пальцами по столешнице. — Ты думаешь об учебе?

— Нет.

— О доме? Ты оставил что-нибудь включенным перед тем, как мы уехали?

— Нет.

— Ты думаешь о регби или о ком-либо из игроков твоей команды?

Его улыбка медленная и озорная.

— Нет.

Так что «нет» еде, занятиям, товарищам по команде, регби, дому...

Остается только одно.

Я.

— Твои мысли имеют какое-нибудь отношение к этой поездке?

Я чувствую колебание, когда он говорит:

— Да.

Теперь я вспомнила, почему так люблю эту игру; это невинный способ узнать, что у кого-то на уме, без того, чтобы им приходилось разглашать все это сразу в неловком признании.

Я стараюсь сохранять хладнокровие.

— Ты доволен номером в отеле?

— Да.

— Тебя беспокоит, что там только одна кровать?

Он ухмыляется.

— Нет.

Мой желудок переворачивается.

— Тебя задело, когда я сказала официанту, что мы не пара?

По иронии судьбы, официантка выбирает именно этот момент, чтобы появиться, бочком подходя к столу со своим планшетом, чтобы принять наш заказ.

Стейк среднего размера. Грибы.

Печеный картофель.

Да, мы бы не отказались от закуски. Да, я буду суп.

Мне необязательно есть все это, и, очевидно, я захочу десерт — в конце концов, я в отпуске, за который мне не нужно платить, и я намерена прожить его достойно.

Осторожно взвешиваю мудрость своих следующих нескольких вопросов, прекрасно понимая, что могу полностью испортить настроение, задав их, больше, чем я уже сделала сегодня вечером.

Они слишком прямолинейны и честны, но, по крайней мере, я буду знать.

— Ты раньше молчал, потому что думал обо мне?

Пауза, его бокал с пивом застывает на полпути к губам.

— Да.

Не буду лгать себе и притворяться, что уже не знала этого — я знала, что он собирался сказать, еще до того, как вопрос слетел с моих губ, но почему-то, когда слышу, как он признает это, что-то происходит у меня внутри.

Мой пульс учащается.

— Ты... — Я нервно сглатываю. Слизываю вино со своих губ. — Ты хотел бы притвориться на выходные, что я не просто твой друг?

Самое долгое, самое безмолвное колебание, которое я когда-либо имела несчастье слышать.

— Да.

О, боже.

— Ты... — Я сглатываю, потянувшись за своим бокалом вина. — Ты хотел бы притвориться на выходные, что я не твоя соседка по дому?

Эшли пристально смотрит. Смотрит и смотрит, изучая мое лицо, сверля меня взглядом.

Затем очень медленно кивает.

Я откидываюсь назад, чувствуя себя возбужденной.

Чувствую себя... воодушевленной.

Я живу с этим человеком уже три недели и уже немного разобралась в нем, уже знаю, что им движет. Что мотивирует его и вызывает у него отвращение.

Нечестность. Отсутствие энтузиазма.

Лень.

Эшли любит амбиции и имеет их в избытке.

Он страстный и целеустремленный человек. Стремится закончить учебу вовремя, вернуться в Британию и начать работать не покладая рук.

Единственный код, который я не взломала, — это его личная жизнь: хочет ли он встречаться, хочет ли влюбиться, хочет ли когда-нибудь завести детей и собственную семью.

Мы еще не обсуждали это.

— Теперь моя очередь задавать вопросы, — говорит он мне, залпом допивая оставшееся в бокале пиво, кадык подпрыгивает, когда парень глотает, в уголках его изрезанного

шрами рта появляется пена.

Его губы великолепны, или, может быть, я пьянее, чем думала.

В любом случае, они говорят со мной, и я должна сосредоточиться и обратить внимание.

— Вопросы о чем?

Он подавляет вздох.

— О чем ты сейчас думаешь.

— Достаточно справедливо.

Появляется официант и забирает наши пустые бокалы.

— Повторить заказ?

Мы оба киваем и ждем, пока она уйдет, прежде чем заговорить снова.

— Продолжай.

Мой сосед по дому наклоняет голову.

— Если бы я не смог поехать с тобой в это путешествие, ты бы захотела поехать?

Тпру.

Воу, воу, ВОУ.

Он только что бросил вызов, не так ли? Выложить все начистоту одним словом, что кажется не очень красноречиво, но так оно и есть.

Одно слово — одно «да» или «нет» — подытожит это для него лучше, чем что-либо еще, что он мог бы придумать, чтобы спросить.

Я жду, пока официантка поставит наши напитки, наблюдая, как она уходит, прежде чем широко раскрыть глаза.

Удивительно, что они не выскочили у меня из головы, пока я сижу здесь, пытаюсь придумать, как реагировать.

Нет: Я хотела, чтобы это был ты и только ты, потому что запала на тебя с того вечера, как переехала.

Да: Я бы легко пригласила с собой кого-нибудь другого, одну из моих подруг, не задумываясь.

Он ждет.

Я тяну время.

Что бы я ни сказала дальше, это изменит ход этого ужина, этой ночи, этих выходных и нашей жизни, когда мы вернемся домой. Я собираюсь сделать это лучше, или хуже, или более неловко, чем это уже было, и у меня нет реального способа узнать, каким из трех вариантов это будет, пока не открою рот и не скажу одно единственное слово.

Да.

Или нет.

— Нет, — бормочу я с придыханием. Потому что не думаю, что отправилась бы в это путешествие без него; он — тот человек, которого я имела в виду, когда мечтала об этом отпуске, и он единственный человек, которого мне бы хотелось взять с собой. Точка.

Эшли не говорит ни слова, просто снова тянется к своему бокалу и делает большой глоток, наблюдая за мной поверх края. Я чувствую его пристальный взгляд, как чувствовала его руку на своей пояснице, когда мы шли через ресторан к нашему столику. Напряженный взгляд, покрывающий мое тело мурашками. Так должно реагировать тело, когда тебя безумно влечет к кому-то, но ты слишком боишься что-то сказать.

Нервная энергия.

Электрическая энергия.

Кокетливая, живая энергия.

Мы в городе, который никогда не спит, в городе греха, расставляем все точки над *i*, что должны были сделать до того, как я переехала в его дом. Если бы была честна с собой до этого момента, то, возможно, все было бы по-другому, и он был бы здесь как моя пара, а не просто как друг.

Но у меня такое чувство, что все вот-вот изменится.

Вся его поза изменилась.

Часть меня хочет, чтобы Эшли протянул ладонь и взял меня за руку; она как раз стратегически расположена на столе, ладонь лежит ровно, золотой браслет обвивает мое запястье и подмигивает нам обоим.

— Хорошо, — говорит он наконец.

Что он имеет в виду под этим?

Остаток ужина мы украдкой поглядываем друг на друга, почти застенчиво пробираясь на цыпочках из-за внезапной перемены, которую я вызвала.

Когда официант приходит убрать наши последние тарелки, мне больше не хочется десерта.

— Хочешь взять что-нибудь с собой, и мы сможем съесть это позже в гостиничном номере? — бойко спрашивает Эшли, более опытный в путешествиях, чем я, ведь делал это в тысячу раз больше, чем я.

— Отличная идея, да. — Я поправляю салфетку на коленях, складываю ее, прежде чем, наконец, положить на стол рядом с моей десертной ложкой.

— Чизкейк будет вкуснее через несколько часов.

Он заказывает один кусок и еще один шоколадного торта, которые вскоре появляются в красивых золотых коробочках, помещенных в черный пакет с посудой и салфетками.

Так причудливо.

Это кажется декадентским.

Слишком декадентским, но чем-то, к чему я могла бы привыкнуть, если бы это случалось чаще. Десерт, я имею в виду — не то, как Эшли наблюдает за мной со своего места за столом.

Закончив трапезу, после того как официантка принесла нам чизкейк и шоколадный торт навынос, Эшли подходит к моей стороне стола и ведет меня в вестибюль, положив руку мне на поясницу. И кто бы мог подумать, что из всех вещей на всем белом свете мне так сильно понравится ощущение мужской руки в этом месте.

И я стараюсь не дрожать.

Как только добираемся до улицы, мы стоим там, любуясь огнями и громкими звуками уличного движения.

Эшли наклоняется, чтобы что-то сказать мне на ухо.

— Хочешь прогуляться?

Хочу ли я? Не совсем. Сегодняшний день прошел в поездке, и завтрашний день мы собираемся провести у бассейна и на прогулке (я уверена) плюс попробовать свои силы за несколькими столами в казино — затем еще один ужин плюс шоу?

— Думаю, нам стоит вернуться, уже десять, а завтра у нас долгий насыщенный день... — Я надеюсь, он не считает меня тряпкой за то, что хочу хорошо выспаться ночью — в городе, который никогда не спит.

— Идеально.

В одной руке у него наш пакет с десертом, а другой парень хватает меня за руку, следуя в сторону неоновой вывески нашего отеля, освещенной высоко вверху в ночи Вегаса. Она словно маяк, и нам не нужны указания, чтобы вернуться, хотя все равно приходится уворачиваться и пробираться сквозь толпу людей на тротуарах, а затем снова мимо фонтана.

Делаю мысленную пометку сделать снимок завтра, когда освещение будет лучше.

В отличие от предыдущего раза, когда мы направлялись в ресторан на ужин, Эшли не продолжает держать меня за руку после того, как мы пробрались сквозь шумную толпу. Он выпускает мою ладонь, как только людей становится меньше, и мы входим в отель.

Я полна разочарования и замешательства, которые, похоже, стали для меня новой темой.

Мы поднимаемся на лифте на один из самых верхних этажей, и я еще не потеряла кайфа от полутора бокалов вина за ужином, улыбаясь как идиотка, пока кабина лифта поднимается.

Все еще улыбаюсь, когда следую за парнем по коридору, и мы входим в комнату.

Эшли ставит пакет на ближайшую стойку вместе с ключом от номера, затем начинает расстегивать манжеты своей рубашки.

— Хочешь сначала воспользоваться ванной или я первый?

— Ты иди первым, — говорю ему. — Я хочу осмотреться снаружи.

Вид потрясающий — более внушающий благоговейный трепет, чем я могла себе представить. Отсюда видно все огни вокруг, мы так высоко в небе, что звуки снизу едва доносятся до меня. Балкон частный, со столом, креслами, а также шезлонгами для лежания.

В дальнем углу даже есть джакузи.

— Эшли, здесь есть джакузи! — кричу я, испытывая головокружение от ликования по поводу моего нового открытия.

Поворачиваясь на отчетливый звук открываемой бутылки, я замечаю брызги пузырьков, падающих на ковер.

Я думала, он собирался переодеться?

— Черт, — ругается Эшли, держа в другой руке два бокала для шампанского.

Смеясь, я присоединяюсь к нему, возвращаясь в комнату.

— На балконе есть джакузи. Не знаю, как мы пропустили его раньше.

— Мы торопились.

— Может, посидим в нем?

Эта идея кажется мне более привлекательной, чем грязные, шумные улицы и тротуары внизу. Даже казино, в котором у нас есть призовые деньги, которые мы можем потратить.

— Мне нравится эта идея. — Он ставит бутылку шампанского и бокалы на стол. — Давай переоденемся и посидим снаружи. Я принесу шампанское.

Идеально.

Эшли

Не уверен, в каком купальнике я ожидал увидеть Джорджию, когда она выйдет на балкон, но точно не в бикини.

И не уверен, каким ожидал увидеть ее тело. Я видел достаточно, чтобы иметь отдаленное представление, но ее тело в бикини нечто невероятное.

У нее такие упругие сиськи и длинные ноги.

Я смотрю, как девушка с важным видом направляется к горячей ванне, и чертовски благодарен, что уже сижу в ней, а вокруг меня поднимаются пузырьки. Там есть полка для шампанского и бокалов — я налил каждому из нас по бокалу — огни под водой нежно-голубые.

Я приглушил их, чтобы не отвлекали от вида, за прозрачными перилами балкона.

Это невероятно и стоит головной боли, связанной с изменением моего графика, чтобы побыть здесь с Джорджией.

Кстати, о ней...

Девушка медленно опускается в воду, пальцы касаются поверхности, когда она садится.

Обычно я бы отвел взгляд, но сейчас наблюдаю, как каждый сантиметр ее тела погружается в воду, пока Джорджия не погружается по плечи. Ее грудь торчит над поверхностью, влажная и блестящая, поэтому я отвлекаюсь, беря бокал с шампанским с полки позади меня и протягивая его ей.

Иначе я буду пялиться.

Она чертовски сексуальна.

Черное бикини, влажная кожа.

— О, боже, это невероятно. — Слегка запрокинув голову, она делает большой глоток из бокала в своих длинных пальцах. — Посмотри на этот вид. Это потрясающе.

— Так и есть.

Только я говорю не о виде на город. Мне на него насрать.

Я говорю о ней.

Она сногшибательна.

Я так думал в тот день, когда мы встретились, и думаю так сейчас.

Ты хотел бы притвориться на выходные, что я не твоя соседка по дому? Ты хотел бы притвориться на выходные, что я не просто твой друг?

Да.

Я ненавижу шампанское, но все равно пью его в надежде, что оно успокоит эту гребаную нервную бурю, бушующую у меня в животе.

Мне это не нравится — это кажется неестественным.

Не говоря уже о том, что те два вопроса, которые она задала сегодня вечером за ужином, продолжают крутиться в моем чертовом мозгу.

Ты хотел бы притвориться на выходные, что я не просто твой друг?

Что, черт возьми, она имела в виду под этим?

Должен ли я был вчитаться в это или принять за чистую монету?

В любом случае, этот вопрос прокручивается в моей голове по кругу.

— Давай сыграем в игру.

Я стону.

— Еще в одну? — Я не знаю, смогу ли справиться с ее версией «игр» — похоже, они заставляют меня признаваться в дерьме, которое я предпочел бы скрыть.

— Да, почему бы и нет? Или ты просто хочешь поговорить как обычные люди?

— Хочешь снова поиграть в «да» или «нет»? Потому что я исчерпал вопросы.

Джорджия смеется.

— Нет. Что, если мы сыграем в правду или выпивку? Все просто, нужно ответить правду или выпить.

— Звучит достаточно просто. — Теперь я ворчу, как ребенок.

— Насколько полна эта бутылка? — Она снова смеется, уже пьяно.

— Достаточно полна. Но если ты не планируешь отвечать на все вопросы, тогда у нас возникнут проблемы, потому что я нигде не видел другой бутылки.

Кроме мини-бара, и я не слишком горю желанием трогать этот запас, если только это не чрезвычайная ситуация. Я видел, сколько стоит спиртное внутри этих штукovin, и сильно сомневаюсь, что Джорджия согласится заплатить такую сумму. Я также сомневаюсь, что это входит в приз.

— Давай ты первый, — говорит она мне, немного опьяневшая.

— Нет, это была твоя идея, ты и начинай.

— Уф. — Она фыркает. — Дай мне подумать секунду.

Надеюсь, что она начнет с простого, а затем перейдет к трудным вопросам, которыми, я уверен, она собирается меня поразить. Джорджия может выглядеть невинной и непритязательной, но за этими красивыми глазами скрывается разум, который, как я понимаю, чрезвычайно сложен.

У нее на уме есть вещи, о которых она хочет поговорить со мной, и эти дурацкие игры — единственный известный ей способ сделать это, не чувствуя себя глупо.

— Ладно, не забудь — ты должен ответить честно или выпить.

— Да, да. Хватит тянуть время.

На горизонте мерцают и светятся миллионы огней. Фальшивая Эйфелева башня соседнего отеля начинает мерцать, точно так же, как настоящая башня в Париже мерцает каждую ночь в течение часа.

Я видел все это собственными глазами — эта малышка не идет ни в какое сравнение с оригиналом.

— Ты когда-нибудь жалел, что приехал в Штаты учиться?

— Нет, — отвечаю я без колебаний. — Мне здесь нравится.

— Нравится здесь или нравится учиться?

Я наклоняю голову.

— Не жадничай — теперь моя очередь задавать вопрос. Тебе придется приберечь это для следующего раза, если хочешь узнать.

Ее рот приоткрывается от моего дерзкого ответа.

Я ухмыляюсь.

— Нам разрешено пить просто так, или только не желая отвечать на вопрос?

Она пожимает плечами.

— Я так не думаю. Подожди — это твой вопрос?

— Нет, просто интересуюсь.

— Думаю, нет, иначе у нас все закончится.

— Может быть, а может и нет — я не планирую сдаваться. В этом деле я буду биться до конца.

— О-о-о, серьезно? Ладно, крутой парень, посмотрим.

Звук вертолета, рассекающего воздух, отвлекает нас обоих на секунду, и мы наблюдаем, как один из них появляется из-за угла отеля, летит к другому отелю и зависает возле крыши, прежде чем опуститься.

— Это так круто, — затаив дыхание, говорит Джорджия, опершись обоими локтями о бортик джакузи, чтобы посмотреть.

Я согласен.

— Люблю смотреть, как самолеты садятся и взлетают на взлетно-посадочной полосе, — говорю я. — Я бы хотел, чтобы они разрешили людям парковаться рядом со взлетно-посадочной полосой. Было бы здорово лечь на крышу машины и просто смотреть, как они пролетают.

— Это было бы забавное первое свидание, не так ли? Типа пикник на крыше машины или в кузове грузовика?

— Ты романтик, Джорджия Паркер?

Она удивленно смотрит на меня.

— Э-э, да? Разве большинство девушек не безнадежные романтики?

Моя мать — нет.

Кэролайн, подружка Джека, — тоже нет. Она всегда даст ему список подарков, которые хочет, ненавидит элемент неожиданности (или, возможно, не доверяет ему покупать ей то, что она хочет). В любом случае, она избалованный ребенок и совсем не романтична.

Я качаю головой.

— Ты не похожа на романтическую особу.

— Нет? — Девушка хмурится в замешательстве. — Может быть, это просто потому, что ты не видишь меня такой — я просто твоя соседка по дому, и за те несколько недель, что жила с тобой, я не ходила ни на какие свидания или что-то в этом роде, так что ты никогда не видел меня такой... приодетой и все такое.

— Ты была приодетой сегодня вечером.

Джорджия медленно кивает.

— Да, но это было не свидание. Я имею в виду, не романтическое свидание.

За ее заявлением следует долгая пауза, ночной воздух прерывается звуками снизу и несколькими громкими голосами людей, празднующих неподалеку в другом гостиничном номере.

Я далек от того, чтобы указывать на то, что свидание не было романтическим, лишь потому что она продолжала говорить всем, кто подходил к нашему столику, что мы не пара, это не свидание и не особый случай.

В Джорджии может быть много хороших качеств, но утонченность — не одно из них.

Она словно слон в посудной лавке.

— Ты продолжаешь указывать на это. — Я немного скриплю зубами. — Без всякой причины.

Со своего наблюдательного пункта я вижу, как девушка в смущении сжимает губы.

— Это часть игры, или мы можем продолжать? — Я теряю с ней терпение — это ее постоянное напоминание о том, что мы всего лишь соседи по дому, прекрасно, потому что

это правда, но это также становится утомительным.

— Чья очередь? — Ее голос едва слышен.

— Моя.

Она кивает, и теперь я чувствую себя колоссальным засранцем.

Черт возьми!

Лучше всего задать забавный вопрос.

Хорошо. Забавный вопрос, забавный вопрос.

— Эм... ты жалеешь, что перевелась сюда? — Вот. Это достойно, и я хочу знать ответ.

— Я привыкла... Не то чтобы я была здесь так уж долго. Знаю, что все требует времени, но, честно говоря, после того вечера, когда мы с тобой встретились, мне хотелось уйти. Я ненавидела это место. Мне не нравились эти девушки, я винила их в том, что произошло, хотя это была моя вина. Но... — Она тянется пальцами к нескольким плавающим пузырькам. — Больше нет. Я счастливее, и это становится легче.

— Это хорошо. Я имею в виду, что ты больше не ненавидишь это.

Она улыбается и голубое сияние от воды отбрасывает тени на ее кожу.

Ее очередь.

— Ты когда-нибудь был влюблен?

Вау, ситуация быстро обострилась, но ответ прост.

— Нет.

Отсюда невозможно прочесть выражение ее лица, но, судя по молчанию, Джорджия ожидает, что я уточню.

Теперь моя очередь, так что ей придется придержать лошадей.

— Какая самая глупая вещь, которую ты когда-либо делала?

Джорджия фыркает.

— Это просто — позволить Ронни и девочкам одурачить меня.

Теперь я фыркаю.

— О, да ладно. Это не может быть самой глупой вещью, которую ты сделала. Разве ты никогда... я не знаю, не разыгрывала кого-то, и что-то шло не так? Или переспала с кем-то и потом почувствовала себя отвратительно из-за этого?

— Нет. — Она смеется. — И это не дебаты. Ты спросил, я ответила, теперь мы двигаемся дальше.

Хорошо.

Угрюмый, я жду ее следующего вопроса, отчаянно нуждаясь в глотке алкоголя, желая, чтобы у нас было что-нибудь покрепче, чем шипучая золотистая моча.

— Почему ты одинок?

Ее вопрос смелый и неожиданный, и, похоже, теперь мы переходим к более острым вопросам, которые сделают этот вечер более интересным.

— Я одинок, потому что не люблю случайные встречи.

— Что ты имеешь в виду? Секс? Или просто случайные интрижки?

Я не отвечаю, потому что она получила ответ на свой единственный вопрос.

— Это не дебаты. Ты спросила, я ответил, теперь мы двигаемся дальше.

Ее рот приоткрывается.

— Прекрати бросать правила мне в лицо.

— Не я устанавливаю правила, я лишь слеую им, красотка.

Красотка.

Я намеренно использую это слово и наблюдаю, как она делает вдох и выдох, пытаюсь скрыть это, делая глоток шампанского. Я пропускаю это, не упоминая о запрете, потому что никто из нас даже не пригубил напиток, и если мы этого не сделаем, то все пропадет даром.

Похоже, это единственная игра на честность, от которой мы не отступаем.

Джорджия вздергивает подбородок.

— Твой вопрос.

Отлично.

— Когда был твой первый *snog* ^[18]?

— Мой первый что?

Ах, точно. Здесь это так не называют.

— Поцелуй. Твой первый настоящий поцелуй.

— О. — Она нервно смеется. — Эм, в семнадцать?

В семнадцать? Как парни не поцеловали ее раньше — они что, с ума сошли?

— Это твой окончательный ответ?

Смех Джорджии звучит застенчиво и мило.

— Окончательный ответ.

Я киваю.

Жду.

— Когда был твой первый *сног*? — подражает она, хихикая, потому что использовала британский сленг.

— Думаю, в шестнадцать. С Викторией Ченнинг на вечеринке в доме моих родителей. — В этом не было ничего хорошего. Я все испортил, не имея ни малейшего понятия, что делаю. Слишком много языка, слишком много слюны. Виктория дразнила меня с несколькими приятелями, и я до сих пор этого не пережил.

Стал ли я лучше целоваться? Кто знает.

Обычно это случается только тогда, когда трахаюсь с кем-то случайным после долгого периода засухи, слишком приправленный алкоголем к тому же.

В отчаянье — это не то слово, которое я использую, но...

Если обувь подходит.

— Ты хочешь поцеловать меня?

Она пьяна? Я думал, мы протрезвели, потому что с ужина не выпили ни капли, если не считать наших крошечных, тайных глотков.

— Ты только что задала два вопроса подряд. — Я не могу удержаться, чтобы не указать на это.

— Отказываешься отвечать?

Так ли это? Нет, я не отказываюсь отвечать, а пытаюсь играть по правилам.

— Теперь уже три. — Джорджия дерзко приподнимает бровь. — Дай мне ответ, или тебе придется выпить.

Черт.

Она дерзкая маленькая штучка, которая вот так ставит меня в неловкое положение.

Если я скажу «да», она может подумать, что я чертов извращенец. Если скажу «нет», то подумает, что я не хочу с ней целоваться. Если решу не отвечать, то она сделает свое собственное предположение и...

Я слишком много думаю об этом.

«Просто ответь на чертов вопрос, придурок».

Маленькая нахалка заставляет меня спасовать и не отвечать; просто смотрит на меня, ухмыляется, такая самоуверенная.

«Сотри эту улыбку с ее лица. Сделай это».

— Хочу ли я поцеловать тебя? — повторяю я, чтобы оттянуть время. — Хочу ли поцеловать тебя?

Девушка раздраженно закатывает глаза.

— Конечно. Какой теплокровный парень не захотел бы тебя поцеловать?

Вот.

Дипломатично, не будучи слишком откровенным, не выплескивая кишки наружу.

Я здесь не для того, чтобы устраивать кровавую баню; я здесь, чтобы принять горячую ванну.

Джорджия неподвижно сидит на противоположной стороне, сиськи практически парят на поверхности, бокал зажат между изящными пальцами. Ее волосы собраны в пучок на макушке, и если бы свет был включен, я бы, наверное, увидел, как ее лицо покраснело.

Слава богу, она не может видеть, как я смотрю на ее сиськи в темноте — не то чтобы я хорошо их разглядел, но они влажные и отражают синий свет.

Так или иначе.

У нее фантастические сиськи.

— Твоя очередь.

Точно.

— Ты хочешь поцеловать меня?

Джорджия колеблется, слегка покачиваясь в воде.

— Конечно.

Конечно?

Что за фигня.

— Не могла бы ты прекратить это? Ты все время повторяешь за мной.

— Ну, не то, чтобы есть миллион способов сказать это! — Она смеется, снимая напряжение. — Черт возьми, я не тезаурус.

— Ими больше никто не пользуется. Теперь это называется гугл.

— Иногда ты такой буквальный, что мне хочется... придушить тебя.

Придушить. Хорошее британское слово, если я когда-либо его слышал.

Теперь ее ход.

— Ты хочешь поцеловать меня... сейчас?

Молодец, Джорджи, взяла и заставила меня покраснеть до кончиков пальцев ног, которые уже были горячее Ада в этой стоградусной воде.

Хочу ли я поцеловать ее прямо сейчас, хочу ли поцеловать ее сейчас...

Здесь, в джакузи.

Я не уверен, кивает ли моя голова, открывается ли рот или издается ли звук, но я, по крайней мере, пытаюсь сказать «да», не совсем уверен, что она услышала меня из-за шума.

— Что это было? Я видела, как шевелились твои губы, но ничего не вышло. — Джорджия оттопыривает ухо свободной рукой.

Она собирается заставить меня сказать это снова.

Что за дерьмо.

— Да.

Ее губы складываются в удивленную букву «О», и мне приходит в голову, что она,

возможно, подумала, что я не захочу ее целовать, ни сейчас, ни когда-либо вообще.

— О, — говорит она на выдохе. — Хочешь?

Я не отвечаю, потому что это дало бы ей два вопроса подряд, и теперь моя очередь.

— Ты хочешь поцеловать меня сейчас?

Джорджия прикусывает нижнюю губу.

— Да.

Что теперь делать? Обуздать наш энтузиазм и продолжать сидеть по разные стороны джакузи? Или мне перейти границу и что-то с этим сделать?

Это проверка на прочность, мы оба прикованы к своим скамейкам в горячей ванне, напряжение такое же густое, как пар, поднимающийся от воды.

Мы могли бы разрезать его тупым ножом.

— Иди сюда, — говорю я, ставя бокал с шампанским на полку позади себя.

Джорджия плывет по воде, затем встает в середине, чтобы перейти вброд на мою сторону.

Я смотрю, как вода стекает с ее живота и верхней части бикини.

Девушка тянется за мной, чтобы тоже поставить свой бокал, чтобы он не мешал. Затем плюхается на сиденье рядом со мной. Обнаженные плечи, влажные волосы прилипли к ее затылку.

Мы смотрим друг на друга, думая об одном и том же: ты собираешься сделать ход или я?

Медленно мы притягиваемся друг к другу, наше дыхание смешивается, когда мы становимся все ближе и ближе; я замираю, когда Джорджия касается кончиком своего носа моего. Движение вперед и назад так заботливо и нежно, что я ошеломлен.

Игриво и мило.

Неожиданно.

Прошло действительно много времени с тех пор, как кто-то делал со мной так, тем более девушка. Я не понимал, что пропустил это, потому что как можно пропустить то, с чем тебе никогда не приходилось иметь дело? После сегодняшней ночи, если ничего больше не произойдет, кроме этого поцелуя, не думаю, что я когда-нибудь забуду об этом.

Наши губы соприкасаются, сначала осторожно, потому что так требует настроение, а затем нежно прижимаются друг к другу.

Мое тело гудит.

Оживает.

А мы на самом деле еще даже не целуемся.

Все в этом моменте отличается от всех других поцелуев, которые были до нее.

Джорджия наклоняет голову так, чтобы, когда я накрываю ее рот своим, наши носы не соприкасались. Один целомудренный поцелуй. Другой.

И еще один, пока наши рты не открываются и наши языки робко встречаются, сначала застенчиво, а затем все смелее. У нее вкус шампанского, пара и теплого воздуха Вегаса.

Было ли необходимо пролететь весь этот путь, чтобы пережить этот момент?

Возможно.

Я бы никогда не сделал первый шаг дома, и она бы продолжала ходить по дому на цыпочках, чтобы игнорировать любые возникающие флюиды.

Мы целуемся вот так некоторое время, с открытыми ртами. Поднимаю свою руку из воды, чтобы обхватить ее лицо. Другой рукой слегка обхватывают ее шею сзади.

Джорджия наклоняется ближе, ее сиськи прижимаются к моей коже, рука на моем бедре под водой, пока она сладко целует меня.

Затем.

Она отстраняется.

Двигается, чтобы забраться на меня сверху. Мы вдвоем смещаемся, чтобы Джорджия могла завести ноги мне за спину, а руками обвить мою шею.

Мы целуемся, языки переплетаются, знакомятся так, как никогда раньше не знали друг друга. Это опьяняет, особенно с привкусом алкоголя на наших языках от шампанского, о котором мы совершенно забыли и которое нам больше не нужно.

Мои руки на ее позвоночнике, медленно двигаю ими вверх... затем вниз по ее восхитительно влажной коже, притягивая девушку к себе так, что она прижимается вплотную к моему телу. Теперь обхватываю руками ее задницу.

Сжимаю плоть, которая заполняет мои ладони.

Запускаю пальцы под ткань ее плавок, задевая гладкие округлости ее ягодиц.

Она гладкая с головы до пят, свежесбритые ноги, от которых я не могу оторвать рук. Шелковистая от текучей воды, в которой мы находимся.

Джорджия блуждает руками по моим широким плечам, ногти слегка царапают мою кожу, большой палец играет с впадинками на моей ключице, пока посасывает мой язык.

Почему она так хорошо чувствуется?

Черт возьми, эта горячая ванна была хорошей идеей.

Джорджия стонет мне на ухо, когда я перемещаю ее по своему набухающему члену, тонкая ткань моих плавок и ее стрингов не делает ничего, чтобы скрыть удовольствие.

Я целую ее в шею сбоку, облизывая влажную кожу.

Посасываю изгиб ее плеча.

Скольжу ладонями по ее грудной клетке, большим пальцем касаясь нижней части ее груди.

Вниз по ее грудной клетке.

Вверх.

Вниз по ее спине.

Вверх по ее позвоночнику, пальцы теперь играют с завязками ее верха от купальника.

Я делаю паузу, размышляя.

Колеблюсь так долго, что Джорджия перестает целовать меня и немного отстраняется, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Что, если... — неуверенно шепчет она. — Что, если мы отложим в сторону соседей по дому и дружбу и повеселимся в эти выходные, не думая об этом?

Значит ли это, что она хочет, чтобы я снял с нее верх купальника?

Все еще наблюдая за ней, я позволяю своему большому и указательному пальцам развязать шнуровку ее бикини. Пробираюсь к завязке на ее шее и развязываю и ее тоже. Они были завязаны простыми бантиками, и это легко.

Девушка у меня на коленях, обнаженная до пояса, руки у меня в волосах.

Джорджия приоткрывает губы, когда я медленно провожу руками вверх по ее животу и обхватываю грудь, мягко играя с ее сосками. Она наклоняет голову набок, наблюдая за мной.

Великолепная.

Делает вдох, когда я наклоняюсь вперед, чтобы взять в рот сосок и пососать, руки в моих волосах теперь перебирают пряди, ногти впиваются в мою кожу головы.

Она двигает бедрами, трется об меня. Вода вокруг нас выплескаться на пол.

Мы целуемся.

Обхватываю ее грудь и дразню соски.

Мы целуемся.

Провожу руками по ее гладкой, влажной коже.

Мы целуемся до тех пор, пока не срабатывает таймер в джакузи, подсветка гаснет, и только городские огни освещают балкон.

Мой член тверд, как камень, и не могу сказать, что когда-либо был так возбужден тем, что целуюсь, но не трахаюсь. Чувствую себя подростком на вечеринке. Вернее, я чувствую себя взрослым на отдыхе со своей пташкой, хотя Джорджия даже близко не моя девушка.

В конце концов, Джорджи отстраняется и слезает.

— Становится холодно. — Наклоняется, чтобы поцеловать меня еще раз, на этот раз более целомудренно.

Она стоит посреди джакузи, выжимая воду с верхней части бикини, которая в какой-то момент опустилась на дно.

— Я собираюсь ополоснуться. — Она зевает. — Затем если хочешь можем... посмотреть телевизор в постели?

Вопрос задается, когда она вылезает, задница практически у меня перед носом. Быстрый взгляд через плечо, когда вода капает с ее тела, цепляет указательным пальцем стринги, чтобы вытащить их из щели.

Хочу ли я смотреть телевизор в постели?

Лягушка бьет себя по заднице, когда прыгает?

Джорджия исчезает за раздвижными дверями, и вскоре я слышу, как в душе льется вода.

До сих пор все в этом вечере было неожиданным: странное настроение в ресторане, игра в воде, сеанс поцелуев, который я не мог предсказать.

Если бы можно было поспорить на пять миллионов долларов в казино внизу, что она поцелует меня, а я бы поставил против и проиграл бы снова, и снова, и снова.

Вылезаю из воды, стягиваю свои промокшие плавки с бедер, затем вешаю их над джакузи, чтобы они высохли. Коврик в номер мокрый, так как мы не догадались принести полотенца на улицу.

К счастью, в комнате есть туалетный столик с несколькими пушистыми белыми полотенцами, и я хватаю одно, оборачивая его вокруг талии.

Терпеливо жду своей очереди, пока Джорджия закончит принимать душ. Последнее, что я хочу сделать, это забраться в постель, пахнувший хлоркой.

Забраться в постель и смотреть телевизор...

Это все, что мы собираемся сделать? Ради всего святого, мои руки только что были на ее сиськах, а теперь мы собираемся просто смотреть телевизор?

Бросаю беглый взгляд на кровать, когда Джорджия выходит из ванной, оставляя за собой облачко пара.

— Все в вашем распоряжении, сэр.

Она закутана в пушистый белый халат с логотипом отеля, и на ней такие же тапочки. Я не могу не наблюдать за ней несколько мгновений, прежде чем отправиться в душ, когда девушка подходит к своему чемодану и заглядывает внутрь.

Конечно, она будет в своей обычной футболке и шортах, когда я вернусь. И, конечно же, на матрасе будет возведена баррикада из подушек — тот факт, что мы целовались, и я щупал

ее грудь, ничего не значит, когда дело доходит до постели, это я знаю точно.

Никогда не делайте предположений.

— Я быстро, — говорю ей.

Она кивает, улыбаясь мне через плечо.

— Хорошо.

Все, о чем я могу думать, пока нахожусь в душевой кабинке, это тот факт, что Джорджия только что была здесь совершенно голая — возможно, я и видел ее обнаженную грудь, но мне не удалось увидеть ее киску. И на краткий миг мне становится интересно, на что это похоже. Делает ли она эпиляцию или оставляет в естественном виде, как сейчас делают многие девушки — по крайней мере, я так слышал.

Многие парни из команды по регби не являются большими поклонниками этого, но это то, что делают девушки.

Не брить и не удалять воском.

Шампунь и кондиционер Джорджии и крошечный флакон средства для мытья тела стоят на полке, и она использовала одну из гостиничных мочалок — она аккуратно сложила ее в крошечный квадратик и повесила на крючок.

Я беру ее шампунь и откручиваю крышку, вдыхая аромат. Не собираюсь им пользоваться; просто хочу знать, как он пахнет.

Пахнет как она.

«Ты не будешь дрочить с Джорджией в другой комнате, придурок. К тому же, никогда не знаешь наверняка...»

Никогда не знаешь наверняка? Извращенец.

Покачивая головой, я быстро промываю волосы шампунем, хотя они и не намочили, и намазываю тело мылом, предоставленным отелем.

Когда заканчиваю, выключаю воду, вытираюсь полотенцем, прежде чем выйти на холодный кафельный пол, и снова заворачиваюсь в белое махровое полотенце. Я захватил свои трусы-боксеры в ванную, чтобы мог просто надеть их, как только вытрусюсь, и мне не нужно было бы рыться в сумке с голой задницей перед Джорджией.

Я самоуверен, но не показушник.

Возвращаясь в комнату, я стараюсь оставаться равнодушным к Джорджии, наблюдающей за мной, когда открываю дверь. Она уже устроилась в постели, лежа на левой стороне. Я почти ничего не вижу, поэтому не уверен, во что она одета, но на ней определенно нет ее обычной футболки — я знаю это, потому что ее плечи обнажены.

Ни за что на свете она не голая.

Нет никакого гребаного способа.

Тем не менее, мой пульс учащается при мысли о возможности того, что девушка может быть обнажена, когда откину покрывало и лягу на правую сторону.

Телевизор включен, и она переключает каналы.

— Я зарегистрировалась на «Нетфликс», чтобы мы могли посмотреть фильм и не покупать их. Нормально?

Она такая милая.

— Конечно, все в порядке. Спасибо.

Мне больше нечего делать, кроме как забраться в кровать, но сначала я выключаю весь остальной свет в комнате, запираю дверь на засов и на маленькую цепочку. Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть. Я видел слишком много фильмов ужасов, действие

которых происходит в Лас-Вегасе, где находят чей-то труп на одном из матрасов.

На ощупь пробираюсь обратно к кровати и откидываю покрывало со своей стороны, хрустящее белое белье прохладное, когда я проскальзываю внутрь. И с облегчением вижу, что Джорджия не воздвигла барьер из подушек, как я думал, просто чтобы у меня не возникло неправильных представлений.

Девушка приподнимается на локте, глядя на меня со своей стороны кровати, и мой взгляд быстро осматривает верхнюю часть ее тела. На ней кремовая майка — но это одна из тех вычурных, причудливых, сшитых из атласной ткани. Или шелка, или один из тех материалов для нижнего белья, о которых я ничего не знаю.

Внезапно холодный палец касается моей ноги откуда-то из-под простыней.

— О, боже, мне так жаль. У меня такие холодные ноги. — Она хихикает.

Я не уверен, сделала ли она это нарочно или это действительно была случайность, но мне кажется, что это похоже на то, что сделала бы девушка, когда пытается прикоснуться к тебе, не будучи слишком очевидной. Сейчас, вероятно, не время напоминать ей, что мои руки были буквально по всему ее телу — включая ее задницу.

Интересно, что у нее внизу?

Штаны? Шорты?

Трусики?

Ее пальцы на ногах снова шевелятся.

— Ждешь приглашения засунуть свои ноги мне между ног? — Я смеюсь.

Джорджия пожимает плечами.

Никогда бы не подумал, что она из тех, кто стесняется, но вот она флиртует со мной, как профи.

Девушка придвигается ближе по матрасу в моем направлении — это огромная кровать, в которой достаточно места для нескольких человек, — пока наши тела почти не прижимаются друг к другу.

Пока я не смотрю вниз на реальность того, что на ней надето под одеялом.

Просто.

Трусики.

Джорджия смотрит на меня глазами лани, невинно, в то же время осторожно кладет свои ступни между моих ног, чтобы согреть их, мое тело — горячий сосуд огня. Они не кажутся мне такими уж холодными, но я не собираюсь жаловаться, что она прикасается ко мне добровольно, одетая только в тонкий лоскуток шелка и узкие стринги.

— Нормально? — Клянусь, она нарочно покусывает нижнюю губу. Что она пытается сделать, соблазнить меня?

— Все в порядке.

— Спасибо. Не займет много времени, чтобы согреть меня.

Ее улыбка достаточно безобидна.

Ее взгляд опускается, пока не упирается в мою грудь, прямо в центр, и она поднимает руку, чтобы начать водить кончиком пальца по моей ключице. Так легко, что почти щекотно.

Затем скользит ладонью вниз по центру моей груди и по твердым грудным мышцам.

К моему бицепсу, вниз по руке, которая просто лежит рядом со мной, ее большой палец прижимается к коже моего предплечья, как будто проверяя его прочность прикосновением.

Если бы я не знал лучше, то подумал бы, что она восхищается моей кожей и моим

телом. А, может быть, так оно и есть. Оказывается, я знаю ее не так хорошо, как мне казалось, потому что никогда бы не ожидал, что она будет вести себя так, как вела сегодня вечером — и это хорошо. Если Джорджия и выходит из своей зоны комфорта, то отлично это скрывает.

Все это ново для меня; у меня даже никогда не было настоящей девушки, только молодые леди, которых мои родители подбрасывали в мою сторону, надеясь, что я влюблюсь в одну из них, остепенюсь и останусь в Англии — все, что они могли сделать, чтобы удержать меня дома. Симпатичные, хорошо воспитанные девушки.

И веселые девушки.

Но ни одной из них не было достаточно, чтобы заставить меня остаться, и ни одна из них не была достаточно хороша, чтобы заставить меня взять на себя обязательства. Так что у меня никогда не было девушки.

Никогда не было никого, кого я мог бы назвать своей, или позвонить, когда мне нужно было поговорить, или посмеяться, или поплакать. Я не идеален. И часто все порчу. И разве не было бы хорошо в конце дня иметь кого-нибудь, с кем можно поговорить? Кого-то, кто любил меня за все мои недостатки?

— Могу я тебе кое в чем признаться? — говорит она тихим голосом.

— Конечно.

— Мне нравится щель между твоими зубами. — Девушка поднимает руку, чтобы провести пальцем по моей нижней губе. Оттягивает ее немного вниз, чтобы обнажить мои зубы — я, должно быть, выгляжу так, будто чувствую отвращение или рычу как медведь.

— Серьезно?

Щель между зубами — это одна из тех вещей во мне, которые я ненавижу, единственная вещь, которую вижу изо дня в день, когда смотрюсь в зеркало.

— Да. Я думаю, что это очень... — Джорджия застенчиво смотрит на меня и сглатывает. — Сексуально.

— Думаешь?

Почему я звучу так глупо? Я могу придумать что-то получше, чем односложные предложения, просто не в данный момент. Не с ее пальцем на моих губах, ее сиськами, прижатыми к моей груди, и ее телом, одетым только в эти сексуальные обрывки ткани.

Джорджия наклоняется, чтобы нежно поцеловать меня в губы, сначала в один уголок рта, потом в другой. Оставляет еще один поцелуй на кадыке у меня на шее. На линии подбородка.

Ее ладони не перестают двигаться. Она медленно ласкает меня, и если бы мой член не становился тверже с каждой секундой, то я, возможно, просто заснул бы под ее успокаивающими руками.

— Что-нибудь еще, кроме щели?

Пока она размышляет, из ее горла вырывается гул.

— Брови, и... мне нравятся твои татуировки.

Серьезно? Она никогда о них не говорила.

Чувствую, как жар приливает к моему лицу от ее похвалы. Я не наивен и знаю, что девушкам нравятся татуировки, потому что незнакомцы постоянно говорят мне об этом. Мужчины тоже. Но кого они волнуют, когда у меня есть Джорджия Паркер, обводящая их пальцем, пока мы лежим вместе в постели.

На моей груди растут волосы, и ей, должно быть, это тоже нравится, потому что она

опускает голову и целует мой сосок. Высовывается язык, облизывая его. Затем дует до тех пор, пока он не становится твердым.

Черт.

Я не могу не быть загипнотизированным, наблюдая, как моя соседка водит руками по всему моему телу и лижет мой сосок. Прижимается к моей груди гладкой кожей своей щеки. Кажется, ей действительно нравится прикасаться ко мне, и я здесь ради этого, не желая пошевелить ни единым мускулом. Позволяя ей делать, трогать, пробовать на вкус и смотреть на все, что она захочет.

Почти невозможно не протянуть руку и не прикоснуться к ней тоже. Я не вижу ее груди, но ложбинка у нее аппетитная, и мне хочется знать, как она выглядит в своих стрингах.

Я пинаю одеяла, так что они падают — по крайней мере, половина, прикрывающая верхнюю часть ее торса, — позволяя своим глазам насмотреться досыта. Наконец, сдаюсь и кладу на нее руки, притягивая девушку к себе. Провожу ими вниз по изгибу ее позвоночника, чтобы обхватить ее ягодицы своими гигантскими ладонями.

Джорджия издает хриплый тихий стон.

— Я могла бы съесть тебя.

Вау.

Вау, Джорджия.

— Я собираюсь съесть тебя, — обещаю я ей на ухо, покусывая мочку с тихим смехом, намереваясь спуститься вниз по ее телу и между ног.

Отодвигаюсь на пару сантиметров.

Переворачиваю ее так, чтобы она оказалась на спине и в центре матраса, начиная путешествие вниз по ее телу к изножью кровати, отмечая, что ее ноги раздвигаются сами по себе — идеальное место для приземления моего лица.

Как я и подозревал, на ней стринги; они того же цвета, что и ее майка, но почти полностью прозрачные. Где, черт возьми, она прятала такое нижнее белье? Где-то в волшебном ящике? Что еще она прячет в своей спальне?

Джорджия уже издает тихие восхищенные постанывающие звуки предвкушения, дыхание прерывается, когда я широкими плечами раздвигаю ее бедра.

Скольжу пальцем вниз по центру ее киски, по тонкой ткани ее нижнего белья.

Я бы не отнес Джорджию к тому типу девушек, которые делают эпиляцию воском, и не уверен, почему это меня удивляет. Наверное, потому что не думал о ней в сексуальном плане до того, как она переехала ко мне.

Наклоняясь вперед, я накрываю ее киску своим ртом и позволяю теплоте дыхания согреть ее щелочку. Девушка тихо стонет, темные волосы веером разметались по белой подушке.

Она прекрасна.

И умная. И дерзкая.

И она моя на выходные.

Если есть что-то, в чем я хорош, кроме регби и того, что я большой, сильный и задумчивый, так это куннилингус. Возможно, у меня и не было большого опыта в сексе, поцелуях и романтике, но у меня есть большой опыт в оральном сексе. Думаю, это потому, что я никогда не думал, что настолько хорош собой, хотя женщины всегда хотели встречаться со мной — вините в этом шрамы и синяки на моем лице или щель между зубами, из-за которых я чувствовал себя в основном непривлекательным подростком.

Так что я научился хорошо ублажать девушек.

Вскоре присоединяю палец к моему рту, зацепляясь за край ее трусиков, отрывая их от ее кожи. Оттолкнув их в сторону, вызываю замечательное трение, которое, знаю, сведет ее с ума.

— О боже мой... — Она ахает. — Так приятно.

Джорджия приподнимается на локтях, чтобы посмотреть, как я прикасаюсь ртом к ее киске, и делает то, что всегда делает, когда возбуждена — прикусывает нижнюю губу. Это признак того, что я узнаю о ней больше; она делает это, когда нервничает или возбуждена.

И прямо сейчас думаю, что, вероятно, и то, и другое.

Открыться вот так кому-то, кого ты едва знаешь, даже если прожил с ним несколько недель, — это уязвимое положение, и мы даже не дома. Мы в незнакомом городе, окруженные миллионами людей, и в гостиничном номере высоко в небе.

Это выходные для приключений и отличного секса.

Скольжу языком по щелочке Джорджии.

По чувствительному бугорку между ее ног, облизывая и посасывая, пока ее ноги не начинают дрожать. Я должен держать их открытыми, потому что она пытается их свести вместе, а мне хочется, чтобы они были у меня на плечах. Хочется, чтобы она оставалась открытой, когда она жестко кончит, но только тогда, когда я этого захочу и ни минутой раньше.

Я вот-вот узнаю, относится ли Джорджия к тем девушкам, которые кончают быстро, у которых уходит немного больше времени или которые вообще не кончают.

Джорджия не торопится.

Она мотает головой из стороны в сторону, раскачиваясь от нетерпения, руками сжимает наволочку.

Ярываюсь. Наблюдать ли за ней в муках экстаза? Или продолжать лизать и сосать ее клитор?

В итоге делаю и то, и другое, поднимая взгляд, пока языком исследую ее чувствительные места — из-за которых она громко стонала и звала меня по имени.

Она повторяет это снова.

— Эшли...

И снова, когда я сосу.

— Эшли... Эшли...

Раньше я ненавидел свое гребаное имя. Когда переехал в Штаты, все смеялись над ним, но слышать, как Джорджия стонет его, пока я трахаю ее своим ртом?

Великолепно.

— О, боже... — Она использует имя господи всуе во второй раз за сегодняшний вечер, взывая к молитве о том, чтобы кончить.

Бог не собирается спасти ее сейчас.

Я собираюсь быть тем, кто это сделает.

Джорджия

«Эшли удовлетворил меня ртом».

Это первое, о чем я думаю, когда лежу с его головой между моих раздвинутых ног.

В блаженстве после оргазма, пальцами пробегаю по его волосам, перебираю пряди, которые он подстриг как раз к нашей поездке, лениво поглаживаю кожу его головы, пока лежу здесь.

Эшли все еще у меня между ног, руками нежно скользит взад и вперед по внутренней стороне моих бедер. Время от времени лижет мою промежность, но не агрессивно, ведь заставил меня кончить всего несколько минут назад.

Меня удивляет, что он не слез с меня или с кровати, чтобы умыться или привести себя в порядок. Или принять иное положение, чтобы заснуть.

Эшли Джонс любит обнимашки — я вижу это сейчас по тому, как парень смотрит на меня, довольный тем, где он находится, счастливый от того, что прикасается ко мне.

Он даритель.

Я знаю, что он возбужден; чувствую его эрекцию, но Эшли не делает ни малейшего движения, чтобы что-то с этим сделать. Не трется о меня и уж точно не подталкивает меня к тому, чтобы я ответила взаимностью.

Или погладила его.

Но я тоже даритель, и сказала, что хочу использовать эти выходные, чтобы делать друг с другом то, что мы хотим, а не вести себя как соседи по комнате и друзья — посмотрим, куда нас занесет ветер.

— Иди сюда, — говорю ему, похлопывая по месту на кровати рядом со мной.

В комнате совершенно темно, телевизор автоматически выключился (как удобно). Если бы не свет, льющийся через окна, я бы вообще не смогла его разглядеть.

Эшли сдвигает свое большое тело и ползет по матрасу ко мне.

Приподнимаюсь, чтобы поцеловать его, когда он устраивается на своем спальном месте. Поцелуй с языком, несмотря на то, что парень только что пробовал на вкус мою киску.

Я пробую себя на вкус.

Чувствую вкус шампанского, которое он выпил в джакузи, смешанного с небольшим количеством пива.

Эшли такой мужественный, его щетина царапает мой подбородок, когда мы целуемся. Я чувствую, что снова возбуждаюсь, хотя мои нервы все еще покалывает от оргазма.

Он меня так заводит.

Такой чертовски сексуальный.

Говорит с таким секси-акцентом, о котором я привыкла мечтать во сне. Я слышу это в своих мечтах наяву.

По какой-то странной причине у меня возникает ощущение, что я гораздо опытнее Эшли в отношениях, несмотря на мою неопытность. Он гораздо более сдержан, когда дело доходит до женщин, чем я, когда дело доходит до мужчин — думаю, что, вероятно, я больше выкладываюсь, потому что, в конце концов... я ищу любовь.

Может быть, не совсем в эту секунду, но когда-нибудь я действительно хочу выйти замуж и завести детей.

И честно... Я даже не представляю себя работающей полный рабочий день, когда у меня будут дети; скорее представляю себя мамой, ходящей на футбольные матчи и работающей волонтером в классе в свободное время.

Думаю, это удивило бы Эшли.

У меня такое чувство, что между нами много недоразумений, возникших в тот первый вечер, когда мы встретились, но я вижу, что его взгляд на меня меняется с каждым днем, чем больше времени мы проводим вместе.

Чем больше открываюсь ему и показываю, какая я есть на самом деле.

Эшли, несмотря на то, что пытается быть отчужденным и скрытным, на самом деле больше похож на открытую книгу. Он скрывает свое сердце, но его мысли отражаются в выражении его лица. Всякий раз, когда ему что-то не нравится, парень хмурится и сжимает губы.

Легко прочитать.

И легче понять, чем больше я узнаю о его прошлом.

Пока целую его красивые губы и лицо, я нежно провожу руками по его волосам, слегка баюкая его голову, в то время как скольжу вниз по его животу.

По его твердому, как камень, прессу.

Провожу указательным пальцем по его пупку — внутренней части — и чувствую, как его тело напрягается в ожидании... Он знает, что будет дальше, и готовится к этому.

Круг за кругом, медленно скольжу пальцем ниже...

И вдруг мне в голову приходит мысль, что, возможно, мои чувства к Эшли немного глубже, чем «Он мне просто нравится». Он лежит в моих объятиях, позволяя мне ласкать себя, глаза закрыты, губы поджаты. Наслаждаясь каждой минутой этой привязанности.

Наши поцелуи становятся глубже.

Парень двигает меня, когда моя ладонь путешествует по его тазу, кончики моих пальцев касаются волос над его пахом — двигает меня так, что я оказываюсь на спине.

Нависнув надо мной, Эшли смотрит мне в глаза сверху вниз.

Мы наблюдаем друг за другом, даже когда я рукой сжимаю его ствол и нахожу ритм, от которого его ноздри раздуваются, а дыхание учащается.

Его тело дрожит.

Я тянусь, чтобы поцеловать его в губы, одновременно поглаживая его плоть, воздействуя на него двумя способами: языком и рукой.

Прошла целая вечность с тех пор, как я делала ручную работу, и знаю, что это не то, о чем мечтает большинство мужчин, когда думают о прелюдии, но это мой уровень комфорта. Я не могу вспомнить, когда в последний раз у меня была близость с кем-то; прошла целая вечность с тех пор, как я в последний раз кому-то дрочила, и еще больше с тех пор, как делала минет.

Это пугает меня.

Так же, как Эшли раньше пугал меня.

Может быть, именно это удерживало меня от признания, что меня к нему влечет; он гигант.

Мне не хотелось быть отвергнутой кем-то, кем я восхищаюсь за его силу, решительность и стремление к успеху.

Мне, конечно, не помешала бы практика, когда дело касается мужских пенисов, так что, возможно, потребуется немного больше алкоголя, чем я выпила сегодня вечером, чтобы взять член в рот.

Практика делает все идеально, но только если ты не трус.

Эшли склоняет голову, когда я провожу рукой по его возбужденному члену, тяжело дыша.

— Я так сильно хочу трахнуть тебя, — стонет он.

Это не вопрос и не просьба, и не думаю, что он говорит мне это по какой-либо другой причине, кроме... честных слов, слетающих с его губ.

Я киваю.

Чертовски сильно хочу, чтобы он трахнул меня.

Я знаю, что это, вероятно, будет больно, потому что прошло много времени, действительно много, и у меня был секс только с одним человеком, но я доверяю Эшли и жажду его, и хочу, чтобы моим следующим был он.

Я хочу, чтобы он трахнул меня.

Он.

Больше никто.

— Ты такая красивая, Джорджия, — шепчет он мне в губы. — Такая чертовски красивая.

Мое сердце поет.

Его голос звучит измученно, как будто произнесение этих слов причиняет ему боль — как будто он хочет забрать их обратно и сохранить для себя, вместо того чтобы отдать мне.

— С тобой так хорошо, — говорю я, отпуская его член и проводя рукой от его передней части к задней, притягивая его за задницу, поглаживая ягодицы.

Твердые ягодичные мышцы.

— Мне нравится, что я чувствую рядом с тобой, — признаюсь ему, надеясь, что заставляю его почувствовать то же самое, желая, чтобы так и было.

Если кто-то и заслуживает чувствовать себя желанным, так это этот парень на мне.

Я рада, что мы не пьяны; рада, что запомню весь этот вечер от начала до конца.

Быть пьяной и заниматься сексом было бы так нехарактерно для меня.

Эшли дразнит мою киску, водя членом вверх и вниз по щели, скользя без реального проникновения.

Я едва могу это вынести.

Судя по его стонам и хрюканью, он тоже не может.

Мы взрослые люди.

Мы можем заняться сексом, если захотим!

Почему бы и нет?

— Эшли?

— Да, детка? — Его рот у моего уха, низкий тембр его голоса сеет хаос в моих чувствах.

— Ты хочешь...

Он снова двигает кончиком своего члена взад-вперед по моей нижней части, и я отчаянно хочу, чтобы он скользнул им внутрь.

— Хочу ли я чего?

Ты хочешь быть внутри меня? Ты хочешь трахнуть меня? Ты хочешь того же, чего хочу я?

Ух.

— Хочешь быть внутри меня? — хриплю я, почти захлебываясь словами, краснея от смущения из-за своей смелости.

Предложение, кажется, подстегивает его еще больше, парень склоняет голову к моему плечу, влажные волосы касаются моей шеи.

Затем поднимает ее.

— Ты принимаешь таблетки?

Качаю головой.

— Нет.

Он ругается.

— У тебя есть защита?

— Презервативы? — Он качает головой. — Нет, я... — Его фраза обрывается. — Подожди, может быть, у меня есть один в бумажнике.

Его бумажник.

Такой британец.

Парень слезает с меня и встает с кровати, голый и великолепный, его толстые мускулистые бедра блестят и изгибаются в свете неоновых вывесок снаружи. Черт возьми, у него невероятное тело.

— Э-э... как долго он был в твоём бумажнике?

Он пожимает плечами.

— Не знаю, примерно шесть месяцев?

Технически, не думаю, что мы должны трахаться с презервативом, который так долго лежал в бумажнике — он разлагается или что-то в этом роде. Также не думаю, что нужно класть их в кошельки с самого начала, но никого это не останавливает.

Эшли подходит к штанам, которые бросил на пол, поднимает их и роется в карманах, чтобы достать свой бумажник. Когда находит его, сразу же открывает, в поисках защиты.

Я лежу и наблюдаю с кровати, забавляясь и возбуждаясь, потирая бедра друг о друга в предвкушении.

Он что-то поднимает в темноте. Маленький фольгированный квадратик.

— Нашел.

Слава богу.

Насколько разочаровывающим было бы, если бы мы так возбудившись не смогли заняться сексом? Как бы сильно я ни хотела потрахаться, это не стоит того, чтобы платить последствиями.

Ребенок. ЗППП.

Решайте сами.

Вероятность низка, но скажите это тому, кто когда-нибудь был застигнут врасплох.

Эшли бежит к кровати, запрыгивает на матрас на четвереньках; теперь мы оба смеемся, запутавшись в простынях.

Он снова целует меня, лаская мое лицо своими большими теплыми ладонями, и я наслаждаюсь этой мозолистой кожей, как будто это солнце согревающее мою собственную.

Я разрываю фольгу, и мы вместе надеваем презерватив на его член, делая все возможное в темноте, хихикая над тем, какие мы оба неуклюжие.

— Ты готова?

Готов ли я?

— А ты?

— Да.

Но не думаю, что кто-то из нас готов к тому, каково это, когда он медленно скользит внутрь меня. Мы оба задерживаем дыхание, оба задыхаемся от того, как это приятно, и каждый из нас смотрит на другого широко раскрытыми глазами, когда Эшли полностью погружается в меня.

Я приоткрываю губы, чтобы заговорить, но слова не выходят.

Пытаюсь произнести его имя.

Его губы тоже шевелятся.

О...

Так вот как это должно быть? Когда ты в кого-то влюблен.

Когда тебе по-настоящему, безумно небезразличен партнер.

Это совсем не похоже на обычный секс, но как, черт возьми, это может быть правдой?

Это не должно заставлять мое сердце кровоточить сильнее.

Эшли вовсе не трахает меня — он двигается нарочито медленно, одной рукой скользит под меня, чтобы притянуть ближе. И когда наши губы, рты и языки сливаются, это тоже ощущается по-другому.

Что это?

Что происходит?

Эшли снова произносит мое имя, но на этот раз вслух сквозь поцелуй.

Это не так, как должно быть...

Мы не должны чувствовать такую близость.

Эшли

Мы не должны были заниматься сексом прошлой ночью.

В памяти всплывает воспоминание, как Джорджия застонала, прерывисто дыша: «Не останавливайся».

Я переворачиваюсь на кровати и смотрю на ее спящую фигуру; руки под подбородком, глаза закрыты. Девушка мирно дремлет.

Джорджия все еще голая.

Я тоже.

Как мы раздевались?

Сквозь плотные шторы, которые я предусмотрительно задернул прошлой ночью после того, как мы занялись сексом, пробивается лишь слабый свет, но в комнате есть на что посмотреть.

Например, на ее лицо.

Смотрю на часы — уже семь пятнадцать.

Дерьмо. Несколько часов ничего не будет открыто, весь город, вероятно, вырубился после вечерней попойки.

Перекатываюсь на спину, закидываю руки за голову и смотрю в потолок, как делал сотни ночей дома, один в постели. Только на этот раз я не один — я с объектом моих недавних фантазий и не уверен, что с этим делать.

Что, если она не хочет, чтобы я прикасался к ней?

Чертовски уверен, что не собираюсь ее будить.

Обычно Джорджия не была угрюмой по утрам в те дни, когда мы были на кухне в одно и то же время, но что я знаю; может быть, она притворялась жизнерадостной.

Проходит еще тридцать минут, наполненных еще большим количеством взглядов на спящую девушку рядом со мной.

Прошлая ночь была не такой, какой я представлял себе секс с ней...

— Доброе утро.

Глаза Джорджии открыты, и она медленно моргает от света, проникающего сквозь занавески.

Моргает в мою сторону, фокусируясь. Неуверенно улыбается.

— Доброе утро, солнышко. — Фу, неужели эти слова только что слетели с моих губ?

— У меня похмелье.

— Это потому, что ты легковесная.

— Похоже, но кто знал. — Она морщит лоб и зевает. — Я бы, наверное, чувствовала себя лучше, если бы ты не был так далеко.

Девушка скользит рукой по матрасу, тянется к моей, переплетая наши пальцы вместе.

Это единственное приглашение, которое мне нужно, чтобы сократить расстояние между нами. Придвигаюсь к ней и ложусь на бок, чтобы иметь возможность провести руками по обнаженной коже ее спины.

— Так приятно, — стонет она хриплым утренним голосом, уткнувшись лицом в подушку, все еще выглядя чертовски сексуально.

Ее глаза медленно закрываются.

Волосы Джорджи спутаны сзади, сочетание постсексуальной и утренней прически, длинные пряди торчат во все стороны, но все равно выглядят восхитительно привлекательно.

Улыбка играет на ее губах, когда она снова прищуривает глаза, затем медленно перекачивается на спину, в то время как моя рука путешествует по ее телу; у моей ладони нет выбора, кроме как скользнуть от ее спины к животу.

Я наклоняюсь, целуя ее между грудей. Целую кончик каждого сморщенного соска, провожу рукой по низу ее живота к внутренней стороне бедра, где кожа мягкая и чувствительная. Джорджия зарывается руками в мои волосы, пока смотрит, как я прикасаюсь к ней.

— Как ты относишься к утреннему сексу? — сонно шепчет она.

— Это что за вопрос? — Вот только... — У нас нет презервативов.

И в последний раз, когда я проверял, метод извлечения был чертовски ужасной идеей.

Джорджия прикусывает нижнюю губу, но затем почти сразу же ее глаза снова загораются идеей.

— Эм, это же Вегас. Может быть... мы могли бы позвонить на стойку регистрации?

— Ни хрена себе, Джорджи — это гениально!

Она расцветает от моего одобрения, и я чмокаю ее в губы, прежде чем перекатиться через кровать, чтобы дотянуться до телефона и нащупать кнопку, которая соединит с консьержем.

Слышно три гудка, прежде чем кто-то отвечает.

— Стойка регистрации, чем мы можем помочь вам сегодня утром, мисс Паркер?

— Привет. Мне интересно, есть ли у вас презервативы, которые вы могли бы прислать наверх? Кажется, у нас закончились.

Человек на другом конце провода не колеблется.

— Сколько?

Я бросаю взгляд через плечо на Джорджию, извивающуюся в одной только ярко-белой простыне, и показываю ей большой палец, давая понять, что мы в деле.

— Десять?

Джорджия фыркает у меня за спиной.

— Вау. Кое-кто настроен оптимистично.

Я. Я этот «кое-кто».

— Мы немедленно пошлем кого-нибудь в комнату 2417, сэр.

Сэр. Это заставляет меня усмехнуться.

Заканчиваю разговор, бросаюсь обратно на кровать, матрас подпрыгивает подо мной. И это заставляет Джорджию разразиться приступом хихиканья.

— Десять? Черт возьми, хочешь, чтобы я не могла ходить? — Она кладет руку на свою голую промежность и притворяется, что дрожит.

— Думаешь, мало для двадцати четырех часов траха? Мне перезвонить и сказать им, чтобы принесли дюжину, чтобы перестраховаться?

— Трах. — Она улыбается. — Есть несколько слов, которые я действительно люблю слышать от тебя с твоим акцентом. Типа: трах, причудливый, приятель.

— Трах, причудливый, приятель, — повторяю я, кладя руку обратно на ее тело, ладонью касаюсь ее плоти, чтобы обхватить одну из ее потрясающих сисек.

Черт возьми, если ее глаза не начинают сиять.

— Но прошлой ночью это был не просто трах, не так ли?

Она манит меня пальцем, и я двигаюсь ближе, несколько озадаченный. Откуда взялась эта уверенная в себе, чертовски сексуальная, соблазнительная Джорджия? Неужели она была у меня под носом все это время, но я был слишком большим слабаком, чтобы понять это?

Девушка целует меня в губы.

— Просто признай это, Эшли Драйден-Джонс — я нравлюсь тебе.

Она мне действительно нравится, очень, но у меня не хватает смелости сказать это вслух. Я превращаюсь в маленького слабака.

Все еще борюсь с этой сильной атмосферой неприятия.

Мы все еще болтаем, когда раздается стук в дверь. Я хватаю полотенце с туалетного столика, прикрывая свое барахло, но не очень стараясь быть скромным и направляюсь открывать.

Взгляд в глазок подтверждает, что это обслуживание номеров, чувак в коридоре оглядывает холл, ожидая, пока я открою дверь.

Я открываю, и он безмолвно протягивает мне коричневую коробку, не глядя в глаза, когда спрашивает:

— Что-нибудь еще?

Да.

— Сколько примерно времени займет ожидание еды?

— Я бы сказал, полчаса?

Отлично.

— Спасибо, мы, вероятно, скоро увидимся.

Он кивает и стоит там.

О, черт возьми, парень ждет чаевых.

— Подожди, приятель, дай мне одну секунду.

Мой бумажник лежит на столе рядом с дверью, в маленькой прихожей, которая служит входом в комнату; я быстро сую ему пятерку в щель в двери, чтобы он убрался к черту из коридора, а я могу вернуться к утреннему траху.

— Мы все еще хотим пойти сегодня в бассейн? Или на «Семь волшебных гор», или...

— К черту осмотр достопримечательностей. К черту бассейн, — говорю я, ныряя к ней под одеяло. — Давай просто останемся здесь, пока нам не нужно будет быть на ужине.

Я мог бы всерьез весь день напролет наблюдать, как Джорджия лежит посреди кровати. Эта кровать, кровать дома.

Любая доступная кровать.

Она листает меню обслуживания номеров, прикрывшись простыней, едва закрывающей ее кожу.

В ее игре нет ничего постыдного.

— Что бы ты хотел съесть?

Я намеренно позволяю своему взгляду блуждать по центру ее бедер и приподнимаю одну из своих бровей.

— Я вижу пару вещей, которые хотел бы съесть, — говорю я, только наполовину шутя.

— Фу. — Она смеется. — Прекрати, это отвратительно.

Вместо того чтобы поставить коробку с презервативами на прикроватный столик, я открываю ее, чтобы заглянуть внутрь — хочу посмотреть, какие стандартные гостиничные резинки нам принесли. Здесь есть разнообразие всех цветов, и на каждом из них красуется

логотип отеля. Думаю, всегда есть шанс дать рекламу. Меня это не удивляет, просто интересно, будут ли они бесплатными или их собираются включить в счет.

Тем не менее, это избавило нас от похода в аптеку.

Кто знает, где мы вообще найдем ее в этом городе?

— Думаю, что возьму яичницу-болтуню и фруктовое ассорти. — Она водит пальцем по меню, размышляя вслух. — И думаю, овсянку? Звучит заманчиво, да?

Я не особенно люблю овсянку, но мне нравятся фрукты. Прошу заказать для меня бекон, яичницу по своему вкусу и блинчики.

Почему бы и нет?

Я растущий мальчик.

Мы лежим, смеясь и болтая, пока снова не раздастся стук в дверь — обслуживание номеров прибыло во второй раз с груженной тележкой. Там полно еды, потому что заказал чертовски много, и я расставляю тарелки на кровати — объединяю несколько, так как кухня кладет каждое блюдо на отдельную огромную тарелку, — так что Джорджии не нужно вставать или шевелить пальцем, чтобы съесть свой завтрак. Даже доходит до того, что кладу салфетку ей на колени, как метрдотель в ресторане прошлым вечером — она натягивает простыню до груди и сразу же начинает раскалывать фрукты вилкой, откусывая крошечные кусочки.

Закрывает глаза и стонет.

— О, боже, это так вкусно, я и не подозревала, насколько проголодалась.

Плюхаюсь рядом с ней, голой задницей на кровать. Я бы никогда не сел на свою кровать голой задницей, но в отеле я позволяю себе все. Никакие правила не применяются.

Небрежно устроившись на матрасе и опираясь на локти, я начинаю с бекона и яичницы-болтуни, одной свободной рукой потирая ногу Джорджи, пока она завтракает рядом со мной.

Это странно домашний момент.

Нам так комфортно в присутствии друг друга — даже в самые уязвимые моменты — что кажется, будто мы занимались этим месяцами или годами. Такое ощущение, что мы почти настоящая пара. Не похоже, что это первый раз, когда мы обнажены вместе, или первый раз, когда у нас был секс. Что заставляет меня задуматься: на что бы это было похоже, если бы она и я были...

...парой?

Жую кусочек бекона, размышляя, продолжая поглаживать ногу Джорджии.

— Ох, я так наелась, — говорит она, откладывая вилку и откидывая простыню со своего тела.

Я убираю руку с ее ноги, чтобы девушка могла скатиться с кровати в сторону ванной. Ее ноги касаются земли, а задница покачивается.

— Я собираюсь воспользоваться ванной и почистить зубы — сейчас вернусь. — Она слегка улыбается мне и исчезает за закрытой дверью.

Удовлетворенный собственным завтраком, я начинаю складывать все тарелки и убирать беспорядок, пока она занимается своими делами. Подбираю салфетки, кладу все обратно в тележку для обслуживания номеров, затем толкаю ее к двери, чтобы она не мешалась. Делаю большой глоток воды, которая там стояла, и поласкаю во рту.

Мне тоже определенно следует почистить зубы.

Джорджия проводит немного времени в ванной, поэтому я проскальзываю в ванную

вслед за ней, чтобы отлить и почистить зубы, недоуменно разглядывая щель во рту с другой точки зрения.

Несовершенство — это то, что нравится Джорджии во мне.

Я стискиваю зубы и смотрю в зеркало.

Синяки почти все прошли, порезы зажили. Несколько легких шрамов тут и там, но в остальном я в порядке.

На прилавке есть жидкость для полоскания рта, и я кручу ее в руках — хочу почувствовать мятную свежесть, когда, наконец, трахну ее снова.

Утренняя сексуальная прелюдия затянулась так надолго, что мое тело начинает гудеть от предвкушения, зная, что скоро я получу кайф.

Опустив голову, открываю кран с холодной водой и ополаскиваю лицо.

Промокаю кожу насухо полотенцем.

Снова стиснув зубы, бросаю на себя еще один беглый взгляд, прежде чем выключить свет и присоединиться к ней в спальне.

— Эй, незнакомец, почему так долго? — спрашивает Джорджия, похлопывая по месту на кровати рядом с собой.

Она лежит на боку поверх одеяла, игриво заигрывая со мной взглядом.

Я на четвереньках заползаю на кровать, чтобы присоединиться к ней, поднимаясь над ее телом, когда она ложится на спину, чтобы приспособиться ко мне.

— Ты — мечта, Джорджия Паркер. — Я целую ее в плечо.

Она краснеет.

— Мечта? Меня никогда так не называли.

Бьюсь об заклад, есть много вещей, которые ей никогда не говорили и которые она упустила за все эти годы. Но опять же, девушка ни с кем по-настоящему не встречалась, так что любая мелочь, которую я говорю, это искренне. Хочу, чтобы у нее никогда не было повода сомневаться во мне. Убираю волосы с ее плеча после поцелуя, чтобы освободить место для своих губ у основания ее шеи. Я заметил, что ей это нравится — каждый раз, когда подношу свой рот к линии ее подбородка, Джорджи начинает мурлыкать, как котенок.

Легкие поцелуи, слегка прикасающиеся к ее коже, заставляют ее дрожать.

— Держу пари, есть вещи, которые я мог бы сказать, которые заставили бы тебя покраснеть сильнее, чем сейчас.

— О, да? Например, что?

— Например... В первый раз я увидел тебя не тогда, когда ты подошла ко мне на той вечеринке.

Ее глаза расширяются от этой информации.

— Я видел, как ты вошла. — Как я мог ее не заметить? Она на голову выше большинства женщин и вдобавок красива со своими длинными каштановыми волосами и большими невинными глазами. — Видел, как ты оглядывала комнату.

— Я искала тебя, — бормочет она.

Она искала меня; просто не знала этого. Но разве не так все это работает?

Судьба, предначертание и прочая чепуха?

— Ты вошла, и я подумал, что ты такая чертовски красивая.

Джорджия снова краснеет, слегка наклоняя голову.

Застенчиво.

— Правда?

— Почему тебя это удивляет?

На улице светло, и мы переживаем этот момент совершенно трезвыми.

Что, если мы отложим в сторону соседей по комнате и дружбу и повеселимся в эти выходные, не думая об этом?

Что, если... что, если... что, если...

Я бы ни за что на свете не сказал ничего из этого, если бы мы не были в Вегасе.

— Никогда бы не подумала, что я в чьем-то вкусе физически.

— Чушь собачья. — Я смеюсь, целуя ее в губы. — Ты, наверное, во вкусе каждого мужчины.

— Ты так говоришь, просто потому что я тебе нравлюсь.

Джорджия права; может быть, я говорю это просто потому, что она мне нравится, но это не делает это заявление менее правдивым.

— Что еще у тебя есть? Это не заставило меня покраснеть.

Она лжет — это реально заставило ее покраснеть. Джорджия обычно краснеет, когда на нее обращено внимание.

— Одна из моих любимых вещей в тебе, как я недавно обнаружил, — это твои сиськи. — Слово «сиськи» легко слетает с моего языка, но я не хочу быть излишне грубым.

— Ты любитель женской груди?

Оказалось, что да.

— И аппетитных задниц, и длинных ног. — Говоря это, я провожу рукой по каждой части тела. — Я любитель Джорджии.

— Прекрати, — возражает она, поджимая губы, приглашая к поцелую.

Я опускаю голову, опускаясь над ней, прижимая наши тела друг к другу, мой твердый член трется о ее киску.

— Куда ты положил презервативы? — Такая нетерпеливая.

— Э, они где-то здесь, — поддразниваю я, зная, что они на виду на прикроватной тумбочке рядом с нами.

Джорджия приподнимает свой таз, чтобы потереться об меня.

— Может быть, тебе стоит надеть один сейчас.

Она мокрая — я это чувствую.

— Прямо сейчас? Ты не хочешь, чтобы я... — Я склоняю голову и смотрю вниз, сквозь наши тела, на ложбинку между ее бедер.

— Тебе необязательно ублажать меня ртом, просто... — Джорджия снова трется обо меня. — Я уже чертовски возбуждена.

— Может, вместо этого рассказать тебе о веселом дне, который мы запланировали? — Я провожу своим членом вверх и вниз по ее киске, улыбаясь ей на ухо. — Время в бассейне — ты в сексуальном купальнике.

— Это действительно звучит мило.

Она вздыхает, когда я дразню ее вход.

— Вышьем немного, потом вернемся и переоденемся к ужину.

Ее губы надуты.

— Перестань дразнить меня, или я перевернусь на другой бок и снова засну.

Никто не хочет снова засыпать.

Она никого не обманет.

Тем не менее, не желая разоблачать ее блеф, я подскакиваю и тянусь к тумбочке,

достаю из коробки презерватив в синей упаковке, разрываю фольгу зубами.

Никаких церемоний.

Никакого сексуального способа надеть его.

Нет, просто раскатываю его по своей плоти, проверяю, чтобы убедиться, что Джорджия влажная, прежде чем проникнуть внутрь.

Мы стонем одновременно, когда я это делаю.

Девушка откидывает голову назад.

— Почему это так приятно?

Я не знаю — у меня нет ответа для нее, потому что тоже сбит с толку. Секс с ней должен был быть просто трахом, а не буйством чувств, но, очевидно, эта связь заставила нас усомниться в нашем здравомыслии.

Ни за что на свете мы не сможем, вернувшись домой, вернуться к тому, как все было до этих выходных.

Это невозможно.

Джорджия

— Ты сексуальный, как викинг. Я могла бы скакать на тебе всю ночь, ты, горячий британский кусок задницы викинга. — Громкий шлепок эхом разносится в воздухе, когда моя рука соприкасается с плотью его ягодич.

— Теперь я твой муж, можешь трахать меня, когда захочешь. Ты собираешься перенести свое барахло в мою комнату, когда мы вернемся домой, женушка? Я люблю тебя, ты такая красивая.

— Нет, ты прекрасен. Иди, поцелуй меня, ты, красавчик. Я хочу твой рот...

— Где?

— Везде.

— Здесь?

Он целует мою руку, посасывая кольцо, которое у меня на безымянном пальце...

Задыхаясь, я вскакиваю, сразу же атакованная ослепительным светом.

Рукой пытаюсь заслонить солнце.

«Боже мой, почему здесь так чертовски ярко?»

Я хочу умереть.

Сколько мы выпили прошлой ночью? Как печально, что я этого не помню?

Прижимаю руку ко лбу; внутри пульсирует, как будто по голове ударили молотком, и я не могу сказать, какой сегодня день.

Почему я не чувствую своего лица?

Плюс.

Мне нужно пописать.

Повернув голову в сторону, я оцениваю расстояние до ванной, приоткрывая одно веко и уставившись на стену.

Почему ванная находится в миллионе метров от нас?

Откатываюсь на середину кровати, снова крепко зажмуриваю веки, чтобы заслониться от солнечного света; он полон решимости ворваться, разбудить меня и заставить двигаться.

— Уф, который час?

Должно быть, еще рано; я редко сплю допоздна, даже когда мне не нужно куда идти. Я жаворонок, который обычно с нетерпением вскакивает с постели при первых признаках рассвета, так почему же мне кажется, что мы с Эшли проспали весь день напролет?

Часы, часы, где часы?..

Должно быть, на стороне кровати Эшли.

Парень лежит на спине, закрыв глаза рукой, рот разинут (немного непривлекательно). Никаких слюней, но все равно — он похож на дохлую рыбу.

И на нем кольцо.

Его абсолютно невозможно не заметить, темное на фоне его кожи, обводящее палец на его руке, где раньше никакого кольца не было.

Я прищуриваюсь, осматривая его, наклоняясь ближе на случай, если у меня галлюцинации.

— Ты носишь кольцо? — Мой голос хриплый. — Оно было на тебе вчера?

Эшли двигается, но едва заметно, убирая руку с лица, растерянный и с затуманенными глазами.

— Нет, я не ношу колец. О чем ты говоришь?

Я беру его за руку и легонько встряхиваю.

— Кольцо.

Он смотрит на руку, изо всех сил стараясь сосредоточиться на прочном ободке, который теперь обвивает палец на его левой руке.

— Что за чертовщина? Откуда оно взялось? — Он возится с ним, покручивая. Снимает и подносит к глазу, глядя в дыру.

Затем смотрит на меня, его взгляд скользит вниз по моей руке к тому же месту на моем теле.

— Что это, черт возьми, такое?

— Что?

— Это.

Он тычет пальцем, и я смотрю в том направлении. На безымянном пальце моей левой руки кольцо с бриллиантом такого размера, что у меня глаза буквально вылезают из орбит, и я представляю, что выгляжу как мультяшный герой из старого фильма «Уорнер Бразерс», уставившаяся на него сверху вниз.

Протягиваю руку в направлении парня.

— Эшли, что это?

Звучу ли я так, будто у меня легкая паническая атака? Потому что так и есть. Закрываю глаза, трясую головой, но кольцо остается на месте.

Он носит кольцо, и я ношу кольцо.

Мы в Лас-Вегасе.

— Похоже на чертово обручальное кольцо или кольцо для помолвки — я, блядь, не знаю. Почему мы оба носим кольца?

Эшли звучит гораздо менее испуганным, чем я, но опять же, он, вероятно, все еще наполовину не в себе, потому что только что очнулся от глубокого похмельного сна.

— Мы все еще пьяны? — размышляет вслух Эшли. — Это все еще вчерашний вечер?

Вчерашний вечер.

Так много всего произошло вчера.

Мы начали выходной день у бассейна, как и планировали — после нескольких раундов утреннего секса — бездельничая у бассейна и большим количеством алкоголя под палящим солнцем.

Держась за руки, мы лежали и дремали. Целовались. Больше сна, больше алкоголя, больше еды.

Были планы на ужин — перекусить на скорую руку в новейшем ресторане отеля, а затем в театр на их признанное критиками аквашоу. У нас были отличные места, которые шли в комплекте с официантом и бесплатной выпивкой.

Не помню, чтобы я когда-нибудь столько пила.

Мы спотыкались, смеялись.

Целовались в вестибюле у игрового автомата. Эшли вставил четвертак, но в итоге ничего не выиграл. Целовались в баре казино, где пообещали себе выпить еще только по одной.

Еще по одной, а потом решили вернуться в комнату и лечь спать.

Отличная идея. Вернуться в комнату и заняться сексом.

Но по пути мы проходили мимо свадебной часовни.

В моем сознании вспыхивают образы той часовни: две французские двери, обрамленные большими цветочными композициями. Боковой офис с молодой женщиной внутри, которая приветствовала нас, когда мы просунули головы, чтобы задать вопросы.

Как ее звали? Бет.

Нет, Гретхен.

Или кажется Мередит...

Не имеет значения. Она была веселой, оптимистичной и слишком хорошо справлялась со своей работой, и не успели мы оглянуться, как нас с Эшли тоже охватило волнение.

А какими еще могут быть двое пьяных молодых людей, которые провели день, обнимаясь, целуясь, выпивая и развлекаясь?

Я прикрываю рот, когда осознание приходит с тихим вздохом.

— О, боже мой, Эшли. Мы этого не делали.

Не может быть.

Но воспоминания начинают захлестывать меня, как приливная волна, вдавливая меня в песок, и факты нельзя игнорировать.

«Я беру тебя, Эшли, в мужья, да, конечно... О боже, разве он не очарователен?»

Напитки за ужином, напитки с десертом. Напитки на шоу, напитки в казино. Выпивка, выпивка, выпивка, а я почти никогда не пью вообще.

Такого никогда не было.

— Мы не женаты, — твердо говорит он, качая головой. — Это не может быть законно. Я не из Америки.

Ха! Не думаю, что это имеет значение. Они выдали нам разрешение на брак, взяли наши данные и...

— В самом деле? Не женаты? Тогда почему мы носим кольца? Ты ничего не помнишь из того, что произошло?

Потому что я начинаю вспоминать.

— Я понял, что ты та самая, как только увидел тебя, Джорджия Паркер.

— Я думаю, что люблю тебя, Эшли Драйден, как бы тебя ни звали, и не думаю, что это потому, что я пьяна. — Я посмотрела на Мередит. — Я ведь не настолько пьяна?

— Ты изрядно пьяна, — печально сказала она.

— Знаешь, у меня есть два вторых имени, — сказал мне Эшли, положив руку мне на поясницу, и это мое новое любимое место для его прикосновений.

— Какие? Как звучит полностью?

— Эшли Артур Калум Драйден-Джонс.

— Это так чертовски сексуально, — икнув, сказала я. — Я люблю тебя.

— Ты любишь меня? Я люблю тебя.

— Любишь?

Мы начали целоваться, пока кто-то не прочистил горло — священник в передней части маленькой часовни.

— Не хочу прерывать веселье, но у нас действительно очередь ожидающих людей и график, который нужно соблюдать.

Кольца были куплены в соседнем ювелирном магазине, где продавались все виды драгоценных камней, металлов и цветов, какие только можно себе представить.

Как удобно.

Магазин оказался совсем не таким, как я ожидала — ничего похожего на изящные ювелирные магазины свадебной часовни, которые вы видите по телевизору, где единственное, что они могут купить, — это простое обручальное кольцо.

Нет.

Это был настоящий ювелирный магазин.

— Выбирайте все, что хотите, леди Драйден-Джонс, — сказал мне Эшли, указывая на один из прилавков.

— Леди? — Я хихикнула.

— У меня будет титул, и это делает тебя леди. — Он икнул. — Выбери любое кольцо, какое захочешь.

Любое кольцо? Круто!

Я уставилась в стекло.

— Почему бы нам не сыграть в игру — ты выберешь мое кольцо, а я выберу твое, чтобы это было романтично.

Он закатил глаза.

— Ты и твои игры.

Мне не потребовалось много времени, чтобы выбрать кольцо Эшли; я выбрала черное титановое кольцо, о котором в то время не знала, что это титан. Я была слишком пьяна, чтобы обращать на это внимание, а выбирать кольца было весело! Я только знала, что черный ему идет.

— Ты берешь меня в мужья? — Он подошел и надел мне на палец золотое кольцо с бриллиантом грушевидной формы, покоящимся сверху.

— Эшли! Оно огромное!

— Ни за что моя жена не наденет простой ободок — это для кисок.

Икота.

— Точка, — невнятно пробормотал он. — Я могу себе это позволить.

Он мог себе это позволить? Он мог позволить себе кольцо за сорок тысяч долларов?

Я была слишком пьяна, чтобы задавать вопросы, и у меня закружилась голова при виде гигантского камня на моем пальце. Я никогда не носила украшений, и это казалось показным способом начать, но пьяные люди принимают ужасные решения, когда ничего не принимают всерьез...

— Мы не можем быть женаты. О боже мой, мы не поженились.

— Обычно я бы согласился с тобой, но... — Он поднимает свою руку, затем тянется к моей, чтобы сжать мою.

— Что нам делать?

Эшли — мой муж — пытается сесть в постели, но у него кружится голова, и он снова ложится.

— Первое, что мы должны сделать, это поесть. Мне нужно что-нибудь, чтобы впитать этот алкоголь. Шоколадное молоко, может быть. — Он стонет. — Затем... Я не знаю, просто не паникуй. В этом нет ничего особенного.

Нет ничего особенного. Нет ничего особенного?!

Он что, сумасшедший?

— Эшли, стоимость одного этого кольца могла бы накормить страну третьего мира — или оплатить четыре года моего обучения в колледже. Или... или... я не знаю, но что это делает на моем пальце! Мы ограбили банк? Как ты можешь говорить, что это не имеет большого значения?

Он прикладывает руку ко лбу.

— Я просто имел в виду — мы разберемся с этим. У всего есть решение. Давай просто... — Другой рукой он делает движение «Потише», и я делаю медленный, размеренный вдох, чтобы успокоиться — так я делаю после соревнований по легкой атлетике, когда мне нужно снизить частоту сердечных сокращений.

Обычно я хожу по дорожке, но в этой комнате ходить негде.

— Хорошая новость в том, что мы сделали это вместе, так что это не та лажа, которую нужно разгрести в одиночку.

Почему он не звучит испуганным?

Это почти как...

Он не расстроен.

Неужели ему все равно?

Он женат. На мне.

Нам по двадцать два, и мы женаты, и учимся в колледже, почему он не ВОЛНУЕТСЯ ИЗ-ЗА ЭТОГО?

Почему он так спокоен? Просто лежит там, прикрыв глаза рукой, чтобы заслониться от солнца, льющегося сквозь гигантские панорамные окна.

— Ты вообще был пьян прошлой ночью?

Я смотрю на него в обвинении, на такого спокойного, хладнокровного и собранного на его стороне кровати.

Парень убирает руку, чтобы посмотреть на меня.

— Есть миллион способов посвятить себя тебе, Джорджи. Я думаю, что разозлить тебя и женить — это немного экстремально, а?

— Посвятить себя мне?

— Встречаться с тобой. — Он закрывает лицо и бормочет: — Неважно.

Внезапно его телефон начинает жужжать на тумбочке, вибрация такая сильная, что аппарат начинает подпрыгивать на поверхности.

Эшли берет его.

— Дерьмо. Это отец. Он почти никогда не звонит. — Нажимает на зеленую кнопку, чтобы принять вызов. — Привет, папа.

За приветствием следует долгое молчание.

— Эм. Да, я в Лас-Вегасе. Все еще прорабатываю детали. — Пауза. — Я не знаю, может быть, мой трастовый фонд? Это мое право — делать с ним то, что я пожелаю. — Пауза. — Да, папа, я понимаю это. Нет, я не намеренно туго соображаю. — Снова тишина. — Почему ты рассказал маме об этом до того, как поговорил со мной? Ей не нужно впадать в истерику. — Долгая пауза. — Нет, я ненамеренно упрямлюсь.

Эшли бросает на меня взгляд.

— Я разберусь с этим и перезвоню тебе. — Пауза. — Да, я обещаю, и нет, я не сделал ничего противозаконного. — На это он закатывает глаза. — Нет, меня не шантажируют.

На это он тоже закатывает глаза.

— Да, папа. — Снова наступает долгое молчание. — Я попробую, может быть, как только закончится этот семестр. — Пауза. — Хорошо. — Он кивает. — Да. — Еще один кивок. — Передай привет маме.

Звонок заканчивается, и Эшли садится на кровать рядом со мной с мобильником в руке, прежде чем бросить его на покрывало и плюхнуться обратно на матрас.

— Ну... мои родители увидели уведомление банка о покупке колец. Я не смогу скрыть это от них.

Я зарываюсь лицом в подушки.

— О, мой бог. Они возненавидят меня!

— Они не собираются тебя ненавидеть. Это не твоя вина.

— Я американская девушка, которая вышла за тебя замуж и разрушила твою жизнь!

Рядом со мной я слышу его глубокий смешок, когда его рука ложится мне на спину.

— Во-первых, ты не разрушала ничью жизнь — я тоже был там, помнишь. — Он снова смеется. — На самом деле, никто из нас не помнит.

Я бросаю на него быстрый взгляд.

— А что во-вторых?

— Мы должны заказать еду. Ничего хорошего не выйдет из этого, если мы будем с похмелья и голодны. — Он тянется к гостиничному телефону, нажимает кнопку обслуживания номеров и ждет. — Привет, мы хотели бы заказать завтрак. — Он кивает мне, шепча: — Ты хочешь то же самое, что ела вчера, или тебе хотелось бы чего-то другого... миссис Драйден-Джонс.

— О, боже, не называй меня так. — Мой нервный смех звучит громко. Я удивлена, что у него хватает энергии шутить — по крайней мере, мои родители никогда не узнают. У них нет доступа к моему ничтожному банковскому счету, а если бы и был, это не имело бы значения, потому что он практически пуст. — Закажи мне все, что захочешь.

Я смущенно прячусь под одеяло.

— *Мы не можем заниматься сексом без презерватива — только потому, что ты мистер Паркер, это не значит, что я не могу забеременеть.*

Я прячусь поглубже.

— *Я был бы твоим мистером Паркером, если бы ты этого захотела.*

— *Правда?*

— *Нет. Технически не думаю, что смог бы. Я наследник титула...*

Наследник титула, наследник титула...

— Эшли? — Я произношу его имя в ту же секунду, как он кладет трубку.

— Хмм?

— Что ты имел в виду прошлой ночью, когда сказал, что ты наследник титула?

Он ерзает на кровати, прислоняясь спиной к изголовью. Пожимает плечами.

— Мой отец барон — это не так шикарно, как графский титул, но это титул, который я унаследую, когда он умрет.

— Что это значит?

— Значит, что он пэр среди аристократии, и я тоже буду пэром, как и моя жена.

Хм. Ему нужно говорить понятнее.

— Хорошо. — Я обязательно погуглю «пэр» и «аристократия» позже, когда останусь одна. Скорее всего, из ванной на моем телефоне, ха-ха.

Эшли украдкой поглядывает на меня.

— Как бы ты к этому отнеслась?

Как бы я к этому отнеслась? Он спрашивает так, будто мы собираемся остаться женатыми и будем жить вместе вдали отсюда.

— Здесь нечего обсуждать. Мы не можем оставаться женатыми.

У меня все еще кружится голова — от алкоголя, обручальных колец и новостей о том, что Эшли — сын какого-то британского аристократа.

— Почему не можем?

Он что, сумасшедший? Seriously, парень что, в одночасье сошел с ума?

Я свирепо смотрю на него.

— Нам по двадцать. И мы не в...

Влюблены.

Но мы говорили это друг другу снова и снова прошлой ночью. Я ему, а он мне.

— *Я люблю тебя, Джорджия.*

— *Ты любишь меня? Я люблю тебя.*

— *Любишь меня?*

— *Да.*

Господи, что за бардак. Что, если я скажу ему, что люблю его, а это не так? Я не думала об этом раньше — что я могла бы влюбиться в него — потому что мы были всего лишь соседями по дому. В нашей ситуации не было ничего романтического.

У нас никогда не было шанса встречаться или быть в отношениях.

И теперь мы женаты?

В какой странной альтернативной вселенной мы живем, где Эшли Джонс, будущий английский барон, хочет остаться женатым на мне? Простой девушке из маленького городка в Америке?

Он все еще пьян.

— *Я люблю тебя.*

— *Ты любишь меня? Я люблю тебя.*

Люди говорят много вещей, когда пьяны, и, по-видимому, прошлой ночью мы сказали их все. Сделали все это. Пили до тех пор, пока сами не зашли в небольшую свадебную часовню, встали перед капелланом и произнесли несколько клятв, которые, я почти уверена, мы написали сами, пока ждали своей очереди на скамьях.

— Джорджия, перестань думать об этом. Мы во всем разберемся.

Такой милый мальчик.

Такой красивый и хороший.

Было невозможно не влюбиться в него.

Может быть, я влюбляюсь в него.

Может быть, я уже это сделала.

Я пододвигаюсь к нему, чтобы положить голову ему на колени; Эшли начинает гладить мои волосы рукой с кольцом. Когда поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него, парень смотрит вниз на эту руку. На кольцо.

На меня.

Опускает голову, чтобы поцеловать меня; для двух людей, которые только что причинили себе огромную головную боль, мы ведем себя так, будто нам на все наплевать.

Мы целуемся, пока не прибывает обслуживание в номер.

Эшли снова целует меня, кормит фруктами с тарелки. Кормит меня яйцами с вилки. Я

намазываю маслом теплый круассан и отламываю маленькие кусочки, прежде чем положить их ему в рот. Зачерпываю немного взбитых сливок с верхушки блинчиков, а затем слизываю их с его языка.

Мы занимаемся сексом сидя, я сверху, оседлав его. Смотрим друг другу в глаза, обручальные кольца все еще обвивают наши пальцы.

Не буду отрицать, что видеть их на наших руках несколько... опьяняюще.

Сексуально.

Нам нужно разобраться с этим бардаком, пока я не слишком к нему привыкла.

Эшли

— Ты носишь кольцо?

Коннер О'Рейли с любопытством смотрит на меня на тренировочном поле, зажав мяч для регби в своих гигантских лапах.

Один быстрый взгляд на мою руку показывает, что я забыл снять обручальное кольцо — Джорджия убьет меня, если узнает, и вдвойне убьет, если узнает, что кто-то заметил.

Мы договорились, что не будем их надевать, по крайней мере, на публике. Ну, она решила, что мы вообще никуда их не наденем, и точка. Она все еще настаивает на расторжении брака, в то время как я хочу взять время, чтобы все обдумать, потому что у наших действий в Лас-Вегасе есть последствия, которые обернулись пьяной импровизированной свадьбой.

— И что?

— Это обручальное кольцо? — хочет знать Коннер, который сейчас бежит трусцой рядом со мной, когда мы пробегаем круги по небольшому полю, на котором проводим игры.

— Нет, придурок, это кольцо целомудрия.

Он смеется, когда к нам присоединяются еще несколько товарищей по команде, которые выстраиваются позади и вокруг нас для разминки.

— Зачем тебе носить кольцо целомудрия? — Слева появляется Стюарт, уже пыхтящий так, будто мы пробежали восемьдесят километров, хотя он не пробежал и полного круга.

— Ты имел в виду кольцо чистоты? — вмешивается кто-то еще, тоже дышащий слишком тяжело для той короткой пробежки, которую мы проделали.

— Да, именно так, — соглашаюсь я. — У меня дома это серьезное дело, все их носят.

— Это круто, — соглашается Коннер. — Может быть, мне тоже стоит получить такое, раз уж я сейчас ни с кем не трахаюсь. Вероятно, кольцо бы стало магнитом для малышей — каждый хочет того, чего не может иметь.

— Ты никому не нужен.

— Это моя точка зрения. Они почувствуют мое отчаяние. — Он смеется. — Может быть, если бы я сделал себя недоступным, цыпочки выстраивались бы в очередь у моей двери. Как обратные экстрасенсы.

— Это обратная психология, ты, идиот.

Мы бежим дальше.

— Никакое количество колец чистоты не заставит кого-либо прийти к твоему порогу, — говорит Энди, подходя сзади и обходя нас обоих, чтобы взять инициативу в свои руки. Он был бегуном на длинные дистанции в старшей школе и может превзойти всех нас в выносливости на поле.

Парень убегает дальше, оставляя нас препираться.

— Так что же влечет за собой это кольцо чистоты? Где мне его взять?

Я пожимаю плечами и бегу дальше.

— Не знаю, его прислала моя мама, — вру я, не чувствуя ни малейшей вины.

Они бы выжали из меня все дерьмо, если бы я сказал правду, сказал им, что кольцо на

самом деле обручальное, что я женился в Vegas — во время отпуска, который я скрывал от всех, чтобы они не появились и не испортили мне веселье.

Оглядываясь назад, я понимаю, что если бы я взял их с собой, то, вероятно, не был бы женат.

Ни один из этих парней не допустил бы этого, и я бы не попал в такую переделку.

С другой стороны, по какой-то извращенной причине я не очень-то стремлюсь положить этому конец — и в этом вся загвоздка. У меня никогда раньше не было девушки, а теперь есть жена, и я хочу сохранить ее?

Это настолько хреново, что не поддается никакому измерению, и все же я не могу описать, почему еще не готов отпустить.

Было бы так просто добиться аннулирования брака, а затем должным образом ухаживать за Джорджией. Сделать это так, как делают в Штатах: сводить ее в кино, на футбольный матч, пригласить на ужин. Покупать ей подарки на День Святого Валентина и все прочие.

Что еще интереснее? Джорджия, похоже, не так расстроена всей этой ситуацией, как следовало бы. У нее не было никаких срывов, она не паниковала по этому поводу, не кричала на меня так, как я ожидал от нее.

Она была достаточно спокойна для девушки, которая вышла замуж под действием алкоголя.

Когда Джорджия входит в дверь с тренировки позже вечером, после того, как я привел себя в порядок после собственной тренировки, то бросает свою спортивную сумку рядом с дверью на том же месте, что и всегда.

— Леди Драйден-Джонс, вы хотели бы, чтобы я заказал нам ужин, или мы просто собираемся позаботиться о себе сами?

Она закатывает глаза.

— Пожалуйста, перестань называть меня так.

Я пожимаю плечами.

— Я называю тебя так только потому, что это правда.

Мы были дома шесть дней, и Джорджия не вернулась в свою спальню, а каждую ночь спит в моей, как будто это было ее законное место в доме с самого начала.

Тем не менее, она терпеть не может, когда я называю ее «леди Драйден-Джонс», хотя, как ни странно, мне нравится, как это звучит.

Леди Драйден-Джонс — это ненастоящее обращение к титулу баронства. Правильно — леди Тэлбот, и это моя мать. Жена первого сына барона носит вежливый титул «достопочтенная», пока ее муж не унаследует свой титул, но выражение лица Джорджии, когда я называю ее «леди», настолько бесценно, что я не могу заставить себя перестать это говорить.

Кроме того, мамы нет рядом, чтобы это услышать.

Джорджия, которая теоретически теперь моя жена, подходит и целует меня в губы, шлепая по заднице.

Мы не предприняли шагов, чтобы аннулировать брак, но договорились не носить наши кольца.

— Следи за собой, иначе тебя поймут на том, что ты слишком домашний.

Слишком домашний.

И что в этом плохого?

— Что нам приготовить на ужин?

— М-м-м, я пока не очень голодна. Может быть, салат, я не знаю. На самом деле у меня есть кое-какая домашняя работа, и позже нам нужно пообщаться по видеочату с Наллой, Прией и остальными членами группы, так чтобы каждый выполнил свою часть проекта.

Я запикиваю ломтик огурца в рот.

— Уф, ладно. Я пойду позанимаюсь, пока ты не закончишь, а потом мы сможем поесть. — Вытираю руки о лежащее рядом полотенце.

Бззт, бззт.

Бззт, бззт.

Ни один предмет не издает такого раздражающего звука, кроме моего мобильного, и он жужжит на стойке рядом с плитой.

Подношу его к уху.

— Мама. Что происходит?

— Ты женат?!

— Я... мы... были пьяны, когда сделали это.

— Пьяны, — повторяет мама шокированным тоном. — Мой сын пошел и женился, не сказав мне, без надлежащей церемонии, и при этом еще и пьяным. — Я слышу рыдание на другом конце линии и бросаю взгляд на Джорджию.

— Это была шутка, мам. Мы решим это.

На другом конце кухни Джорджия одними губами произносит слово «Шутка?» в мою сторону. Я пожимаю плечами в ответ. Что, черт возьми, еще я должен сказать?

— Что ты имеешь в виду под «решим это»?

— Аннулирование. У нас просто не было времени позаботиться об этом.

— Аннулирование?! — Моя мать визжит так громко, что мне приходится отдернуть мобильник от уха.

— Мама, успокойся — необязательно так кричать. Который у вас час?

Я мысленно подсчитываю часовые пояса и получаю примерно одиннадцать часов по лондонскому времени.

— Не меняй тему. У твоего отца припадки.

У моего отца действительно бывают припадки, но не такие, как у моей матери, если судить по ее полуистерическому тону.

— Как ты узнала, что я... — Я не хочу прямо признаваться, что лгал им, но папа уже знает о пропаже денег из моего трастового фонда. Просто не уверен, как они узнали, что я пошел и нашел себе жену. — ...женился?

— Как мы узнали?! Как мы узнали? Мы знаем все, что ты делаешь. Твой отец поручил нашему адвокату проследить за денежным следом. Ты же не думал, что мы не докопаемся до сути того, по какой причине ты выводил деньги из своего траста, не так ли? Дорогой, записи о браках общедоступная информация, и он уже знал, что ты был в Вегасе. — Мама делает долгую драматическую паузу, подсчитывая мои проступки. — Вегас! Аннулирование брака! Молодой человек, ты сведешь меня в могилу. Что я должна сказать дамам в моем клубе? Как должна показать свое лицо?

Я вздыхаю.

— Никто не должен знать, мама. Необязательно всем рассказывать.

Ее долгое, затянувшееся молчание говорит само за себя. Она уже рассказала многим своим друзьям; ущерб уже нанесен.

— Мама?

— Эта девушка делает тебя счастливым?

— Дело не в этом. Мы были пьяны и не продумали все до конца. Она хочет добиться аннулирования брака.

— Кто она? Ты даже не говоришь мне ее имени. Моя невестка. — Мама снова всхлипывает.

— Ее зовут Джорджия. Пожалуйста, перестань плакать.

Джорджия, которая слушала, прислонившись к стойке, делает грустное лицо.

— Вернись домой, — требует мама. — Вы оба — возьми ее с собой.

— Не думаю, что это хорошая идея...

— Почему? Я хочу узнать ее получше.

— Потому что мы... — Я сглатываю. — Не собираемся оставаться женатыми.

— Ну, я хочу знать, на какой девушке мой сын готов жениться, поскольку ты никогда не приводил домой ни одну. Какая эта девушка?

У меня вертится на кончике языка сказать «Она обычная девушка, мам», но я думаю, Джорджия не согласилась бы с этим. Она НЕобычная — я люблю ее и женился на ней. Пьяный или нет. Она моя жена.

Я колеблюсь.

— Не так-то просто сесть в самолет и вернуться домой, мама. У нас еще есть занятия.

— Хорошо, когда?

— Еще несколько недель.

— Как только у тебя будет перерыв. Сейчас. На следующей неделе. Мне все равно, просто тащи свою жалкую задницу следующим рейсом и привези свою жену. — Еще рыдания. — О, не могу поверить, что я только что это сказала. Твоя жена. Мой сын женат, и не пригласил свою маму на свадьбу.

Когда мама за что-то цепляется, она безутешна, ведет себя как никто другой, и сейчас это ничем не отличается.

Напоминает мне о том времени, когда достопочтенная Уиннифред Беннетт стала «Покровительницей года Общества Садовых бутонов», пробыв членом Общества всего шесть месяцев, в то время как мама целый год боролась за этот титул, но его вырвали у нее из рук.

Папе потребовалось три недели и поездка на Фиджи, чтобы успокоить ее взъерошенные перышки — я не могу представить, каково ему сейчас дома, после моей скоропалительной свадьбы.

— Хорошо. Я поговорю с Джорджией.

И, по крайней мере, один из нас может улететь домой к моим родителям.

Я могу сделать это для них; на данный момент я должен объяснить своей семье. Хотя это может потребовать серьезного убеждения, но не могу представить, чтобы Джорджия упустила бы возможность посетить Великобританию.

— Пожалуйста, сделай это. — В трубке слышится всхлип моей матери. — Я все еще не могу поверить, что ты мог так поступить. Это так на тебя не похоже — и снимать деньги со счетов в тщеславных целях, никому не говоря? О чем ты думал, Эшли Артур?

Не собираюсь обсуждать это с ней по телефону; мы с ней оба знаем, что деньги мои, унаследованные от маминого отца, и я могу делать с ними все, что мне заблагорассудится.

То, что я потратил, было лишь частью того, что было на счете, просто каплей в море.

Хотя лучше с ней не спорить.

— Я не знаю, о чем думал, мам.

Это ложь.

Потому что точно знал, о чем думал, когда женился по пьяни на Джорджии, и это звучит примерно так: как только я увидел ее на другом конце комнаты в доме регби, мне захотелось узнать ее. Если бы она не подошла ко мне, я бы, в конце концов, сам подошел к ней.

То, что она сделала, было незрелым, но это не нанесло вреда ничему, кроме моего эго, и давайте будем честны — оно не такое уж хрупкое.

Пока рос, у меня было достаточно льстивых случайных людей, из-за того, кто мой отец, достаточно женщин, которые заигрывали со мной, чтобы знать, что я не уродливый, недостойный кусок дерьма.

Итак, это беспокоило меня, но... один взгляд на Джорджию, и все это раздражение и дурное настроение вылетели в окно. Теперь она моя жена, и я вроде как хочу сохранить ее.

Просто чтобы посмотреть, на что это похоже, хотя она ни разу не вела себя как жена.

— Как только закончится семестр, ты вернешься домой. Ты понимаешь меня, Эшли Артур Калум Драйден-Джонс?

— Да, мама.

— Повтори это.

Краснею, не желая повторять ничего из этого дерьма, когда Джорджия все еще стоит у стойки и слушает каждое мое слово, но мама не собирается заканчивать этот телефонный разговор, пока я этого не сделаю.

— Я возвращаюсь домой, как только закончится семестр.

Я украдкой бросаю на Джорджию взгляд, и ее брови поднимаются, печенье с изюмом на полпути ко рту.

— Ни дня больше в этом колледже, ты понял? Ты возвращаешься домой и привозишь с собой свою жену.

— Мама... — Еще один взгляд на Джорджию дает мне понять, что она на самом деле очень внимательно слушает. — Я сказал тебе, что спрошу ее, но не могу ничего обещать.

— Она сейчас с тобой?

— Да.

— Пожалуйста, дай ей трубку.

— Мама...

— Эшли Артур...

Я опускаю телефон после того, как она называет два моих имени, и прикрываю трубку рукой.

— Мама хочет с тобой поговорить.

Джорджия издает сдавленный звук, печенье попадает не в то горло. Девушка несколько раз кашляет, становясь ярко-красного цвета. Делает глоток воды из стакана, который я налил себе перед тем, как она вошла в дверь.

— Она хочет поговорить со мной? — Сглатывает, вытирая крошки от печенья на руках о спортивные шорты. — Эм. Ладно...

Медленно, как будто идя в похоронной процессии, Джорджия подходит ко мне и протягивает руку за мобильным телефоном.

— Алло?

Она делает паузу, внимательно слушая, что говорит мама, ее лицо все еще красное от

застрявшего печенья, смущения и смирения. Я ни за что на свете не могу представить, что, черт возьми, мама говорит ей, и ожидание, чтобы выяснить это, оказывается пыткой.

— Да, мэм. — Джорджия кивает. — Спасибо. — Пауза. — Да, это он. — Она смотрит на меня с кроткой улыбкой на лице; это сбивающая с толку улыбка, которую я не могу прочитать. Это улыбка сожаления, или ободряющая улыбка, или...

— Вы уверены, миссис... э-эм, леди Джонс, э-эм... — Она запинается, не зная, как обратиться к моей матери. — Я не думаю, что это было бы... — Мама, должно быть, прервала ее, потому что ее голос затихает, предложение не закончено. — Вы уверены? — Пауза. — Это всего за несколько коротких недель. Может быть, я могла бы заставить это сработать, но... — Она снова замолкает, и от разочарования, что моя мать говорит о Джорджии, у меня сжимается грудь. — Конечно, я так и сделаю.

Она молчит еще несколько мгновений, затем:

— С вами тоже было приятно поговорить. Хороших выходных, мэм.

Джорджия такая вежливая, и я молча смотрю на нее, когда она протягивает мне мой мобильный, кладя его мне на ладонь.

Я подношу его к уху.

— Она повесила трубку. — Моя жена-соседка смеется, хотя этот звук пронизан нервами и напряжением.

Коктейль беспокойства, если хотите.

— Ну? — спрашиваю я. — Что она сказала?

— Прости, но... мы можем поговорить об этом позже? Пожалуйста? У меня голова идет кругом. — Джорджия выходит из комнаты, прижав по два пальца к вискам. — Я собираюсь принять ванну.

Ванну.

Хорошо.

Да, конечно — я могу подождать, пока она закончит отмачиваться, чтобы узнать свою судьбу. Узнать, о чем они с моей матерью говорили, что, по мнению Джорджи, *могло бы сработать*.

Похоже, она летит со мной в Британию.

Ей просто нужно больше времени, чтобы привыкнуть к этой идее. —

— А вот и ты.

Джорджия смотрит на меня, отмокая в ванне, окруженная таким количеством пузырьков, что я не вижу ее сисек.

— Спасибо. — Она берет бокал с вином, который я протягиваю ей, и без колебаний делает маленький глоток, закрывая глаза, когда опирается головой о край ванны. — Думаю, мне это нужно.

— Думаю, нам обоим.

Последние шесть дней были не такими напряженными, как телефонный звонок от моей матери. Мы практически не обращали внимания на нависшую над нами угрозу аннулирования брака, и мама обрушила ее на нас, как ведро холодной воды на тренера после победного матча.

Никто из нас ничего не говорит, пока мы вместе находимся в ванной, пузырьки постепенно растворяются. В конце концов вода остывает, и Джорджия просит меня передать

ей полотенце.

Я передаю его и оставляю девушку одну, а сам иду к шкафу, чтобы взять треники и футболку — то, во что можно переодеться после душа.

— Думаю, что нам обоим нужно лечь спать пораньше.

Она кивает, заворачиваясь в полотенце.

Через час Джорджия забирается ко мне в постель во фланелевых шортах и майке, длинные волосы высушены и расчесаны.

Она вздыхает и ложится лицом ко мне, упираясь подбородком в ладони.

И еще.

Она надела свое обручальное кольцо...

...что делала всего несколько раз с тех пор, как мы вернулись.

— *Что? Оно красивое, и, возможно, у меня больше никогда не будет такого красивого кольца,* — сказала она мне в тот вечер, когда я застал ее в нем во время написания статьи по массовым коммуникациям.

Бриллиант сверкал и переливался под светом лампы на ее столе.

Я наблюдал из дверного проема, как девушка протягивает руку, поворачивая ее то так, то эдак.

— Твоя мама хочет со мной познакомиться.

Я кивнул.

— Они все хотят. Боюсь, что она... — Давайте подумаем, как мне это сказать. — Мама могла рассказать нескольким людям, что я женился. Не знаю точно почему, но думаю, она потеряла надежду, что я когда-нибудь женюсь.

Джорджия удивленно смотрит на меня.

— Потеряла надежду? Тебе только двадцать два!

Ее выражение ужаса заставляет меня рассмеяться, и я протягиваю руку, чтобы убрать волосы, упавшие ей на глаза.

— Это просто такое поколение, — объясняю я, но безрезультатно.

Джорджии это не нравится.

— Такое поколение? Твоим родителям не девяносто лет, им сколько — пятьдесят? Может быть? Почему они так озабочены тем, чтобы женить тебя, что позволили тебе остановиться на ком-то, кого в глаза не видели?

Я останавливаю ее. Она такая дерзкая.

— Что еще сказала мама?

— Она хотела бы со мной встретиться и с радостью оплатит перелет. Первым классом, конечно, чтобы мне было удобно. Как только закончится семестр. — Джорджия делает паузу. — Она хочет устроить посиделки.

— Что?

— Она сказала, чай с несколькими друзьями.

— Чай с несколькими... нет. Ни в коем случае. Скорее всего, она собирается устроить тебе засаду с девичником. Возможно, пригласит чопорную подружку Джека, Кэролайн, которая тебе до слез надоест, к тому же она бешеная стерва.

У Джорджии открылся рот.

— Эшли! Не могу поверить, что ты только что это сказал!

— Что? Часть про девичник или ту, где назвал девушку Джека стервой?

— Все. — Джорджия смеется, и я расслабляюсь.

Фух, она не собирается злиться на меня за ругательства, хотя теперь, когда она указала на это, я чувствую себя немного виноватым.

— Прости, но... она такая. Изворотливая стерва.

— По крайней мере, она не из тех, кто сходит с ума в Городе Грехов и выходит замуж за своего соседа. — Джорджия опускает голову на мою руку и тяжело вздыхает. — Я думаю, что поехать с тобой домой было бы огромной ошибкой.

— Почему?

Это очевидно, но мне хочется услышать ее причины.

Девушка поднимает голову и смотрит на меня.

— Потому что твоя мама начнет надеяться, а потом все будут разочарованы, когда брак будет аннулирован. Нам двадцать два года, черт возьми. Это безумие.

— Множество людей вступают в брак в возрасте двадцати лет.

Я забываю о том, что мы с Джорджией не признавались друг другу в любви с той ночи, когда сбежали. С тех пор мы не повторяли те пьяные признания в любви.

Что...

Не предвещает ничего хорошего, не так ли?

Но это возможно. Мои родители поженились, когда маме было восемнадцать, а папе — двадцать три, связанные, в основном, долгом и всеми этими зловещими из-за титула, но также безумно влюбленные. То было другое время, хотя прошло всего несколько десятилетий.

К тому же, по словам папы, мама не подпускала его к себе, пока они не поженились, а он хотел ее трахнуть.

— Она сказала что-нибудь еще?

Должно быть, да — Джорджии едва удалось вставить хоть слово.

Моя соседка-супруга целует кончик моего подбородка.

— Много о том, как они хотят со мной познакомиться и не могут поверить, что мы сбежали без надлежащей свадьбы. — Она хихикает. — Как будто мы тайно встречались с самого начала.

Мы не встречались, даже немного.

— Я хочу встречаться с тобой.

Она смотрит вверх, наши лица в паре сантиметров друг от друга.

— Правда?

— Конечно, хочу. Я знаю, что уже поздно, но хочешь ли ты быть моей девушкой?

— Эшли... ты говоришь это, чтобы не чувствовать себя виноватым за то, что мы напились и поженились?

— Что? Нет. — Вот чудная. — Нет, мне хочется встречаться с тобой. Как ты думаешь, зачем я отправился в ту дурацкую поездку? Меня безумно влекло к тебе, и я не видел другого выхода, учитывая, что ты живешь здесь.

— Ты не хотел переходить черту.

— Нет, это было бы... дурным тоном.

— Дурным тоном, — повторила она, прежде чем рассмеяться. — Боже, ты такой милый.

— Так что ты думаешь? Я могу пригласить тебя завтра на нормальное свидание. Мы можем нарядиться, поужинать.

Джорджия застенчиво наклоняет голову.

— Хорошо, конечно.

— Ты не думаешь, что нашим первым свиданием был ужин в Вегасе? Это ведь считается, да?

Она кивает.

— Я думаю, да. Все время, пока мы сидели за столом, я чувствовала себя идиоткой из-за того, что сказала хостес, что мы не пара. Было ощущение, что я ударила тебя по яйцам или что-то в этом роде.

Ударил меня по яйцам или что-то в этом роде.

Я смеюсь.

— Мне было интересно, почему ты продолжаешь об этом говорить, но неважно. Это ведь не было ложью.

— Но все равно... я не могла перестать лепетать. Я так нервничала.

— Я тоже.

— Ты тоже?

— Я всегда немного нервничаю рядом с тобой. Разве ты не видишь?

— Нет. Нет, ты всегда кажешься спокойным — тебя не так-то просто прочитать. Мы должны были сыграть в покер, когда были в Вегасе. Ты мог бы выиграть.

— Ни разу в жизни не играл в покер.

— Хм. Ну, мы оба любим азартные игры.

Она говорит метафорически, целуя уголок моего рта, мою нижнюю губу. Скользит руками по моей талии, затем пробегает кончиками пальцев вверх и вниз по моему позвоночнику.

Джорджия любит прикасаться ко мне, и я здесь для этого весь день, каждый день.

— Перевернись на спину, — мягко инструктирует она, и я подчиняюсь, перекатываюсь так, чтобы смотреть в потолок, и закидываю руки за голову.

Девушка нежно проводит пальцами по моей груди, обводя мою ключицу — одно из любимых мест, где она прикасается ко мне. Так нежно, как шепот, слегка пробегающий по моей коже.

Я вижу, что она сосредоточена, как будто пытается изучить линии и изгибы моего тела, хотя прикасалась ко мне уже бесчисленное количество раз. У нас всегда включен свет, чтобы мы могли видеть друг друга, уязвимых, обнаженных и волнующих.

Сегодня вечером на мне только темно-синие пижамные штаны, я отказался от футболки, но под ними ничего нет. Никаких трусов, поэтому, когда она рукой скользит под пояс моих брюк, я резко вдыхаю воздух от предвкушения.

Да, блядь.

Честно говоря, мои бедра немного дрожат, когда Джорджия начинает двигаться ниже, располагаясь так, чтобы отсосать мне, чего еще никогда не делала. Я много раз удовлетворял ее ртом, но она никогда не делала мне минет.

Я наблюдаю, как ее голова опускается ниже, руки шарят в ящике моего прикроватного столика; там есть смазка, и, очевидно, ей не терпится ее достать.

Обильно наливает в ладони, нервно хихикая, когда делает липкое месиво, капая немного мне на бедро.

Боже, она очаровательна.

— Я заранее прошу прощения за то, что не являюсь профессионалом в этом деле.

— Детка, не надо. — Не извиняйся, черт возьми. — Ты не сможешь все испортить.

Она закатывает глаза — самое несексуальное, что можно сделать, когда собираешься сделать кому-то минет, но это классическая Джорджия.

— Как скажешь.

Да, я так говорю.

Она руками обхватывает мой член, прежде чем губами касается кончика, двигаясь круговыми движениями.

Я раздвигаю губы, наблюдая, как она опускает голову.

Да, да, черт возьми. ДА!

Да, блядь.

Блядь, блядь, да.

Джорджия облизывает кончик, напевая, как будто сосет сладкий леденец на палочке. Я не гребаный идиот и знаю, что на вкус это не так, но готов отстраниться от реальности на следующие пять-двадцать минут или около того и притвориться, что девушка наслаждается этим так же, как и я.

Сжимая руками основание, она поглощает мой член так глубоко, как только позволяет ее горло.

Следующие несколько секунд она покачивается вверх-вниз, в классическом стиле, и слегка хмыкает, пока я смотрю.

Затем.

Неожиданно Джорджия убирает одну из своих рук, тянется себе за спину. Достает свой маленький розовый вибратор в форме боба, нажимает на маленькую кнопку питания, пока он не начинает тихо жужжать. В тоже время продолжает сосать, не теряя ритма.

— Что ты собираешься с ним делать? — нервно спрашиваю я.

— Тсс, не разговаривай, — велит она мне.

И я снова влюбляюсь в нее, когда она помещает это розовое вибрирующее чудо за мой член... прямо у основания, над яйцами. Он жужжит на низком уровне, посылая ударную волну удовольствия по всему моему чертову телу.

Мне нужно за что-то держаться.

Если бы стоял, то мои колени подкосились бы, и я оказался бы на земле.

Мои бедра сводит спазмом, когда Джорджия возобновляет сосание.

Я собираюсь взорваться, черт возьми, просто знаю это, о мой гребаный бог...

— Святое дерьмо... дерьмо... Боже мой... — Возможно, я даже плачу, не знаю, это такое охрененное чувство... так чертовски приятно...

Простите мой французский, простите мой язык, черт...

Мне нужно, чтобы это прекратилось.

Мне нужно кончить.

Мне нужно...

Джорджия сосет сильнее.

— М-м-м. — Она понимающе кивает.

Маленькая дьяволица знает, что это подтолкнет меня через край, положив конец минуте в считанные минуты.

Держу пари, прошло меньше пяти гребаных минут.

Дьяволица.

— Блядь, я люблю тебя, — выпаливаю я.

Бомбардировка любовью во время минета — не самый лучший мой момент.

Но все же.

Я говорю серьезно.

Джорджия

Я делаю это не только, чтобы увидеть Англию.

Нет.

Ладно. Я имею в виду... это часть причины, которая не является большим секретом, но не вся причина, по которой я приняла приглашение Драйден-Джонс нанести им визит.

Я чертовски нервничаю.

На полпути через океан меня затошнило так, что захотелось блевать, и я списала свой скрученный желудок на турбулентность самолета.

За час до посадки в международном аэропорту Хитроу мне захотелось забиться в угол и развернуть самолет. Я потратила пятнадцать минут на то, чтобы привести в порядок волосы, нанести лосьон и почистить зубы.

За десять минут до посадки я смотрю в окно, высматривая замки и разглядывая английскую сельскую местность, пытаюсь хоть мельком увидеть Букингемский дворец, Биг-Бен или Лондонский сити.

Мое сердце бешено колотится.

Через опущенную перегородку между нашими сиденьями в первом классе Эшли берет мою руку и сжимает ее.

Мой милый, заботливый парень...

...за которым, так уж случилось, я замужем.

Мы должны найти выход из этой неразберихи. Я пыталась поднять этот вопрос тысячу раз, но он просто не готов к разговору, и господь свидетель, я не могу нанять адвоката, чтобы он сделал эту работу за меня.

К тому же у нас были экзамены.

Предстояли выпускные экзамены, затем выпускной, хотя ни один из нас не присутствовал на весенней церемонии.

Разгуливать в шапочке и мантии — это наименьшая из наших забот прямо сейчас.

Думала, что Драйден-Джонсы встретят нас в аэропорту, но я ошиблась; они прислали машину, дав мне больше времени волноваться по дороге к ним домой.

Домой?

Ха.

Дом, в котором вырос Эшли, нельзя назвать домом — полагаю, он называл его «холлом»? Тэлбот-холл или что-то в этом роде, величественная «каменная груда» его семьи на протяжении многих поколений.

Конюшенный двор. Парадный вход с колоннами по бокам от конца дорожки, которая тянется на многие километры, через — как он это назвал... парк? Тэлбот-парк. На лужайках пасутся олени и овцы. Пруд с причудливым зданием рядом с ним, похожим на что-то из «Гордости и предубеждения».

Не знаю, смогу ли я привыкнуть к этому...

Или, возможно, могла бы.

Эшли — точная копия своего отца, высокий и крупный. Лорд Тэлбот (так его зовут, как я выяснила) более представительен, чем я ожидала.

Я думала, что встречу людоеда. Человека, который собирался читать нотации и смотреть свысока не только на меня, но и на своего сына, недовольный его жизненным выбором и кричащий о пьяной свадьбе в Вегасе.

Все не так.

Я сбита с толку всей этой сценой.

И, если честно, мне это не очень нравится.

Чувство вины поселяется у меня в животе; я все еще не рассказала своим родителям, а родители Эшли празднуют это так, будто это замечательная новость.

Мои же точно взбесятся.

Со стороны Сьюзен и Билла Паркерров не будет хладнокровия.

Никогда.

Серьезно, я уже слышу, как мама кричит и плачет. Ее не успокоила бы даже возможность появиться в телешоу о благоустройстве дома.

Какими бы благосклонными они ни были всегда, я не могу представить, чтобы мои родители поддержали бы это.

В сложившихся обстоятельствах они не знают, что я в Англии. Думают, что навещаю друга, прежде чем приехать домой на лето и работать, как всегда, в юридической фирме в городе, где лучший друг папы работает адвокатом.

Я в шоке от семьи Эшли.

Даже его брат Джек здесь, сидит за обеденным столом и обменивается шутками.

Джек прочищает горло, и все взгляды обращаются в его сторону.

— Поскольку мы делимся новостями и немного развлекаемся за счет Эша, я подумал, что сам поделюсь некоторыми новостями. — Он ерзает на стуле, явно чувствуя себя неловко. — Кэролайн и я...

— О боже, не говори этого, — бормочет Эшли себе под нос, достаточно громко, чтобы я услышала. — Пожалуйста, не говори, что ты помолвлен.

— Мы с Кэролайн расстались. — Джек играет одной из многочисленных вилок, лежащих рядом с его тарелкой. — Ну, я порвал с ней, и она пригрозила кастрировать меня. — Он смеется. — Мы закончили.

Леди Драйден-Джонс ставит свой бокал с вином.

— Джеки, почему ты нам ничего не сказал!

— Я говорю вам сейчас. Мне нужно было разобраться с этим — знал, что она будет в истерике, и она была в истерике.

— Правильно, ведь эта девушка собиралась выйти за тебя замуж, — хрипло заявляет лорд Тэлбот, хотя, похоже, это его ничуть не волнует.

— Она такая чопорная, — добавляет Эшли. — Ему так лучше. — Он с восхищением смотрит на своего брата. — Молодец, Джек. Отличная работа.

— Эшли! Мальчики. — Их мать выглядит расстроенной. — Джек, я думала...

— Я знаю, что вы все думали, мама, но все кончено. Мы закончили. — Парень решительно кивает, заканчивая дискуссию. — Я хочу то, что есть у Эшли и Джорджии.

Воу.

Стой, стой, стой.

Эшли и я — не образец счастливой пары. Мы сплошной беспорядок.

— При всем моем уважении, мы с Эшли едва знаем друг друга. Я бы не назвала нас образцом идеальных отношений.

— Но именно поэтому они и идеальные! Понимаете? — Джек приходит в возбуждение, чуть не выпрыгивая из своего кресла. — Вы чертова катастрофа, и это прекрасно!

— Катастрофа? — Эшли насмехается над своим братом. — Я бы не стал заходить настолько далеко.

— Ты позволил заковать себя в кандалы в самом грязном городе в проклятых Соединенных Штатах — ты бы не назвал это катастрофой?

— Эй, — вставляю я, чувствуя себя ущемленной. — Лас-Вегас — не самый грязный город в Америке... он, возможно, третий по грязности город.

Ладно, это само как-то вылетело.

Я должна перестать болтать.

— Я делаю тебе комплимент, приятель, расслабься. Это хорошо. У тебя есть жена.

Эшли разочарованно проводит рукой по лицу.

— Послушай, мы — Джорджия и я — вся эта свадебная история...

Ошибка.

Плохая идея.

Несчастный случай.

Список можно продолжать и продолжать, и мне интересно, как он собирается закончить предложение.

Все ждут.

— Вся эта история со свадьбой... это... — Эшли колеблется и пробует снова. — Вся эта история со свадьбой — это то, с чем нам еще предстоит разобраться. Не запрягай свою звезду в нашу тележку.

— Запрягать мое что? — Джек смеется. — Ты рехнулся.

— Не подражай мне.

— Я не собираюсь подражать тебе. Мне просто... нужно побыть одиноким какое-то время.

Побыть одиноким.

Они все такие вежливые и красноречивые.

Мы сидим в столовой, кажется, часами, разговаривая. Эшли спорит со своей матерью, в то время как его отец входит и выходит из комнаты, отвечает на телефонные звонки, а затем возвращается. Снова уходит, пока его жена и сын расходятся во мнениях о состоянии нашего союза.

Странно сидеть здесь и слушать, как будто меня здесь нет.

Просто наблюдать.

Соглашаясь и не соглашаясь со многими вещами, которые обсуждаются.

Я устала, когда мы, наконец, поднимаемся наверх, в огромную спальню Эшли. В центре есть камин, диван и два кожаных кресла — целая зона отдыха! Гардеробная в одном направлении, ванная комната в другом.

Кровать из темного дерева с балдахином насыщенного зеленого цвета, похожа на те, что можно увидеть в отеле, а на стенах — зеленые обои в тон.

Она темная и мужественная, какой должна быть английская спальня.

И как раз тогда, когда я думаю, что Эшли полностью принадлежит мне...

Дверь спальни распаивается, и Джек с важным видом входит, устраиваясь поудобнее в изножье кровати, в то время как сам Эшли скользит на свою сторону.

Я натягиваю одеяло до шеи.

— Отвали, приятель — мы измотаны. Господи, Джек, уходи.

Джек плюхается на спину, игнорируя оба наших возражения.

— Кэролайн не оставит меня в покое.

— Ух! — Эшли со стоном прячет голову под одеяло. — Черт, приятель — она чокнутая.

Я говорил тебе это, когда ты начал с ней встречаться.

Поверх одеяла я смеюсь.

Смогу ли я жить без того, чтобы его брат не врывался к нам? Да.

Наслаждаюсь ли я его страданиями? Тоже да.

— Что мне делать? Она заглянула ко мне на прошлой неделе, просто позвонила, и швейцар впустил ее.

— Ты не сказал швейцару, что ей больше нельзя подниматься, идиот?

— Ну, нет. Это не очень приятно — Каро практически жила со мной в квартире.

Мой парень фыркает громко и недостойно.

— Нет, Джек, она воображает, что живет в лондонской квартире — она не хотела жить с тобой в этой квартире, — выпаливает Эшли на одном дыхании, покрасневший от нехватки воздуха. — Почему ты наконец порвал с ней — и не говори, что из-за моей свадьбы.

— Из-за твоей свадьбы.

— Джек! Какого хрена.

— Что! Когда мама сказала мне, что ты связал себя узами брака с американкой, это заставило меня задуматься, действительно ли я хочу жениться на Кэролайн, и ответ был отрицательным. Она не... — Его голос затихает.

— Милая?

— Заткнись, засранец.

— Ну, это правда. Она чудовище, и мы оба это знаем.

Я кладу руку Эшли на плечо, чтобы он замолчал — чтобы его брат мог продолжить.

— Извини, Джек. Ты что-то говорил? Она не?...

— Она невеселая. С Кэролайн совсем не весело. Мы сто лет не смеялись, и все, что ее сейчас волнует — это социальные сети. Ее мобильный всегда включен, и она безостановочно жалуется. Я не говорю, что она плохой человек, с ней просто не...

— Приятно находиться в одной комнате?

— Эшли! — ругаю я его со смехом. Ему нужно перестать перебивать.

— Мы уже не те люди, которыми были четыре года назад, когда встретились.

— Аминь. — Эшли аплодирует, на самом деле аплодирует, звук его хлопков разносится по всей спальне. — А теперь убирайся нахрен.

Его брат игнорирует его.

— Когда ты переезжаешь домой?

— Через несколько недель.

Мы с Джеком оба смотрим на него.

— Так скоро?

Эшли кивает.

— Так скоро.

Джорджия

Месяц спустя...

«Так скоро» произошло, слишком скоро.

Я скучаю по нему.

Эшли уехал, и я скучаю по своему соседу по дому.

Моему другу.

Моему мужу.

Странно.

Так чертовски странно.

Мы еще не аннулировали брак — решили, что подождем. Дадим этому время и посмотрим, что почувствуем после того, как он уедет домой в Англию, и мы проведем некоторое время порознь.

Отношения на расстоянии — это не то, что я себе представляла и когда-либо хотела испытать на себе.

И...

Это действительно отстой.

Эшли

Три месяца спустя...

— Джек? У тебя есть минутка?

Стучу в дверь спальни моего брата.

Я живу в его квартире с тех пор, как переехал домой — на его диване — не желая жить с папой и мамой. Они так далеко за городом, вдали от шума и суеты большого города.

Молодежи.

Не в обиду им, но они старые.

Хотел ли я остаться в Штатах с Джорджией? Конечно хотел, но... мне нужно работать.

Жизнь должна продолжаться.

Теперь, когда у меня есть диплом, я должен выполнить обещание, данное моему отцу, его компании, и... что ж, пришло время начать зарабатывать себе на жизнь.

Я не могу гоняться за девушкой, которую знаю всего семестр, по Америке; так не годится. Конечно, я женился на этой девушке, но все же — это вряд ли считается.

Насколько я знаю, она даже не сказала своим родителям.

Джек сидит со своим ноутбуком посреди кровати, прислонившись спиной к изголовью.

Когда я вхожу, он снимает очки и кладет их на одеяло.

— Что случилось?

Я, шаркая, вхожу и присаживаюсь на край его кровати.

— Не знаю, я просто... — Я пожимаю одним плечом.

— Понятно. Это как-то связано с твоей отсутствующей женой?

— Она не моя жена. — Тереблю кольцо на левой руке, которое ношу с тех пор, как оставил Джорджию в колледже, после того, как упаковал свои вещи и ее, сложил ее коробки возле двери, чтобы, когда приедут ее родители, все, что им нужно было сделать, это загрузить их в машину.

Вещей было немного, но этого было достаточно.

Что-то мы продали через интернет, часть оставили на обочине.

На данный момент дом будет оставаться пустым, пока не будет сдан в субаренду.

— Вообще-то... так и есть.

Прошло почти два месяца с тех пор, как я был в одной комнате с Джорджией. Конечно, мы общаемся в видеочате, занимаемся сексом онлайн и делаем все эти вещи, но это не одно и то же.

Скоро нам придется определиться.

Заполнять документы или не делать этого.

Джорджия продолжает говорить, что хочет аннулировать брак, но сделала ли она что-нибудь по этому поводу? Нет.

Не думаю, что она даже зашла в интернет, чтобы посмотреть какие нужны документы.

— Брат, что ты собираешься делать? Ты бы видел себя — ты несчастен.

Я несчастен?

Я скучаю по ней.

Скучаю по каждой мелочи в ней, включая раздражающие вещи, например, как громко она ест морковные палочки, или как иногда храпит по ночам и крадет одеяло.

Глупые мелочи.

Но несчастен ли я?

Отношения на расстоянии — это не то, что я себе представлял и когда-либо хотел испытать на себе.

И...

Это действительно отстой.

— Приятель, тебе следует поговорить с папой, — наконец, говорит мой брат. — Тебе нужен план, нельзя продолжать в том же духе. Ты сам делаешь себе хуже.

Я бросаю на него взгляд; он перестал работать над тем, над чем работал, и уделяет мне все свое внимание.

Я никогда по-настоящему не воспринимал Джека всерьез — он просто всегда был моим младшим братом, на заднем плане, на несколько лет младше, так что на самом деле не пересекался со мной. Когда я заканчивал школу, он только начинал.

Мы никогда не тусовались вместе без крайней необходимости, нас заставляла быть вместе наша мать, не сблизившись так, как мои американские друзья общались со своими братьями и сестрами, потому что они жили вместе и играли вместе.

Мы с Джеком учились в школе-интернате, и даже не в одной и той же.

Это первый раз, когда он дает мне совет.

— Думаешь, мне следует поговорить с папой?

— Я думаю... — Он снимает ноутбук со своих бедер и кладет его на кровать рядом с собой. — Тебе следует поехать в Штаты и разобраться с Джорджией. Вы должны или закончить, или проводить время вместе, одно из двух.

Вау.

Это так неожиданно от него.

— Ты должен что-то сделать. Так жить нельзя, приятель. Живи здесь сколько хочешь — я не возражаю. Все равно родители платят за аренду. Но ты ходишь на автопилоте, отказываешься встречаться с другими людьми...

Он дал мне пищу для размышлений, это точно.

И это все, о чем я могу думать в течение нескольких дней.

Я начинал работать в фирме моего отца в качестве младшего юриста. Вчера папа действительно был в офисе; он здесь, в городе, остается в своей квартире после ухода с работы. Отец в Лондоне на неделю, прежде чем вернуться за город, чтобы быть с мамой, привычка, которую он приобрел, когда я был мальчиком.

Мы пообедали.

Немного поболтали.

Я звоню Джорджии для видеочата, сидя в своей кабинке в офисе, надеясь, что не помешаю, пока она чем-то занята или ужинает, но это свежо в моей памяти, и это нужно сказать.

Мы с папой придумали план. Вернее, он придумал, и я собираюсь выложить это на стол с моей бывшей соседкой по дому слэш подругой слэш женой.

Она берет трубку почти сразу, и я вздыхаю с облегчением, улыбаясь, когда вижу ее великолепное лицо.

Похоже, она дома, в постели.

В доме ее родителей, так как переехала домой после окончания колледжа. Джорджия не может позволить себе собственную квартиру, работает на дерьмовой работе и ищет что-то получше.

— Эй, детка, ты на работе? — Она устраивается на кровати поудобнее, взбивает подушки позади себя, чтобы подготовиться к звонку.

— Да. Только что поболтал с папой.

— Отлично. Который у вас час?

Она все еще не разобралась с разницей в часовых поясах, никогда не может сказать, день сейчас, ночь или полдень, когда звонит мне. Иногда звонит мне в час ночи, думая, что пора ужинать, или в четыре утра, думая, что уже полдень.

Но, может быть, ей не придется долго разбираться в этом. Не после того, что я собираюсь предложить.

— Сразу после обеда. Час тридцать.

— О, хорошо. А мне скоро на работу, хотя не знаю, много ли у них найдется для меня работы. Меня могут отправить домой пораньше, что отстойно, так как мне нужны деньги.

— Мне жаль, детка, это ужасно. — Но это также отличный переход к следующей части разговора. — Мы с папой разговаривали и... ну. Я просто собираюсь выложить это так, как есть.

Ни один из нас не мог спать, переписываясь друг с другом в любое время дня и ночи, что еще больше усугубляло ситуацию. Заставляет меня скучать по ней больше.

Недостаточно сообщений и видеочатов, которые могли бы решить проблему разлуки.

— Ты знаешь, как сильно я скучаю по тебе, — начинаю я.

Джорджия кивает.

— Я тоже скучаю по тебе. Я безумно скучаю по тебе, но... — *Вряд ли это имеет значение, когда ты находишься за тысячи километров отсюда.*

— Видишь ли, Джорджи, в том-то и дело. Я могу вернуться — папа готов позволить мне вернуться в Штаты. Он дает мне шесть месяцев на удаленную работу, чтобы выяснить, что мы собираемся делать, ты и я. — Я начинаю говорить бессвязно, выпаливая слова со скоростью километр в минуту, ее улыбка тускнеет, чем больше я говорю. — Мы можем снять жилье на следующие несколько месяцев или можем заполнить документы — все, что ты захочешь. Я могу работать из дома, а ты сможешь продолжать искать работу получше или стажировку, и шесть месяцев — это достаточно времени, чтобы разобраться в этом клубке. Что ты об этом думаешь?

Она колеблется.

— Ты бы сделал это? — говорит она медленно.

— Да. — *Конечно.* — Когда папа предложил это, я чуть не упал со стула. Ты им действительно понравилась, когда была здесь, Джорджия, даже если, в конце концов, мы порвем все связи и разойдемся в разные стороны.

Я никогда не найду другую девушку, похожую на нее, но я бы попытался.

— Но у меня будет всего шесть месяцев. Это все. И... моя жизнь будет здесь, Джорджия. Поэтому не могу ничего обещать на этот счет. Я всегда хотел работать на своего отца и возглавить его бизнес вместе с Джеком, и не думаю, что это когда-нибудь изменится. Но ты важна для меня, и... черт. Я люблю тебя. И не хочу просто оставить тебя там. Я хочу...

Девушка кивает, как будто понимает, но никак не может знать, что мое сердце выпрыгивает из груди, а ладони потеют, и продолжаю высматривать, не пройдет ли кто-

нибудь мимо офиса и не услышит ли, как я изливаю душу, как идиот.

Черт возьми, кто-то действительно может услышать; у всех этих стен есть глаза и уши, и они, вероятно, могут говорить.

— Я не могу просить тебя вернуться сюда, Эшли. У тебя там есть работа, и твои родители важны, и...

— Ты не просишь меня вернуться, Джорджи. Это то, что я хочу сделать.

Она слегка качает головой.

— Я знаю, но...

Один из помощников приближается ко мне сзади, останавливая следующие несколько слов моей девушки.

Бет неторопливо прогуливается с блокнотом в руке, явно делая вид, что не замечает, что я общаюсь в видеочате с молодой женщиной.

Мы с Джорджией ждем, пока она скроется из виду, и я наклоняюсь ближе к монитору.

— Слушай, я должен идти. Подумай об этом, хорошо? Я вернусь, только если ты этого захочешь.

— Конечно я хочу... просто чувствую себя такой эгоисткой. Ты бы бросил все, чтобы вернуться сюда, и что? Смотреть, как я работаю на той же работе, что и три лета назад, в то время как пытаюсь найти что-то получше? Или стажировка, за которую почти ничего не платят? Похоже я застряла, живя со своими родителями.

— Ты им уже сказала?

Она молчит. Затем качает головой.

— Нет.

Понятно...

Она не видит в этом смысла, если мы не собираемся оставаться вместе. Это может быть просто далекое воспоминание, замеченное под ковер, и через лет двадцать Джорджия сможет рассказать детям, которые у нее будут с кем-то другим, что когда-то давно, когда их мама была дикой и сумасшедшей в колледже, она вышла замуж за своего соседа по дому в Вегасе.

С другой стороны, я тоже не планировал рассказывать своим родителям — они узнали случайно, потому что у них есть доступ к моему банковскому счету.

Моя девушка покусывает нижнюю губу, что делает, когда волнуется.

— Не волнуйся пока, ладно? Просто подумай об этом. Я напишу тебе, когда буду дома сегодня вечером.

— Хорошо, я постараюсь не волноваться.

Я вижу, что Джорджия лжет — она на сто процентов собирается беспокоиться об этом весь день напролет, но я ничего не могу с этим поделать.

— Пока, детка. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Джорджия

Через три недели после этого...

Прошло много времени с тех пор, как я поговорила с Эшли о том, что он вернется в Штаты, чтобы провести время со мной и разобраться в этом беспорядке, и это поглощает меня. Съедает меня заживо, лишает аппетита, наполняет чувством вины.

Моя мать замечает это.

Однажды вечером садится со мной на диван, не доставая пульт дистанционного управления, как обычно делает, чтобы посмотреть свои шоу по благоустройству дома.

Когда я переехала домой, она ясно дала понять, что телевизор принадлежит ей, и если мне хочется смотреть свои собственные шоу, то могу делать это в своей спальне на своем ноутбуке.

Это мой дом, но это не мой дом.

Странное место пребывания.

— Что с тобой происходит? — спрашивает мама, поворачиваясь ко мне лицом. Я держу свой телефон в руке и пишу Эшли, наши обычные ежедневные сообщения, типа: «Я скучаю по тебе», «Как прошел твой день?»

Что со мной происходит? С чего мне начать?

С чего начать?

Полагаю, с правды.

От правды меня тошнит, но это совсем некстати, и сейчас мне это не поможет. Есть мальчик, который хочет приехать сюда, чтобы быть со мной и помочь мне справиться с этим, чтобы я не была одинока, и как мне объяснить, почему он проделал весь этот путь из Англии, чтобы сделать это?

— Помнишь, я переехала в дом парня в колледже?

— Да. Парень с именем девушки.

Я киваю. Тот самый.

— Он из Англии. Он сейчас дома, и мы говорили...

— Пожалуйста, не говори мне, что ты беременна, — шутит она.

— Нет. — Я качаю головой и на самом деле умудряюсь рассмеяться, хотя она обрадуется моим новостям не больше, чем если бы я сказала ей, что забеременела вне брака.

У меня вертится на кончике языка сказать, что ничего подобного, но правда в том, что это вроде как почти тоже самое.

— Мы с ним съездили в Вегас несколько месяцев назад, еще до окончания колледжа.

— Ладно... — Очевидно, мама не понимает.

— И знаешь, как это бывает. — Я бросаю на нее выжидающий взгляд, надеясь, что она поспешит заполнить пробелы. — Много выпивки.

— В итоге тебя арестовали?

Я криво улыбаюсь, желая, чтобы все было так просто.

— Нет, я бы позвонила.

— Он что-то сделал с тобой, пока вы были там?

— Эшли? Боже, нет, он идеальный джентльмен. — Я прочищаю горло. Сейчас или никогда. — Такой идеальный джентльмен, который... эм... напившись... эм... женился.

Мама наклоняет голову.

— Прости, я не понимаю.

— Мы напились и поженились.

Тишина.

Тишина.

Очень долгое молчание.

— Повтори?

— Мы поженились.

— И ты была пьяна. — Утверждение, а не вопрос.

Я киваю.

— Да.

— А ты слышала о такой вещи, как аннулирование брака? — Ее лицо, несомненно, краснеет, а губы поджимаются. Я не думала, что она отнесется к этому спокойно, и будет вести себя так стоически.

— Да, конечно.

— Но не сделала этого?

— Пока нет.

— Почему нет? Ты любишь его?

— Да, люблю. — Но не настолько, чтобы выйти за него замуж, черт возьми. Это не входило в мой план! Не то чтобы у меня был какой-то план, но этого точно не было бы ни в одном из них.

— Значит ты влюблена в кого-то, с кем жила, хотя сказала своему отцу и мне не беспокоиться. Ты напилась и вышла замуж за своего соседа по дому в Вегасе. И ты только сейчас рассказываешь нам об этом.

Эм.

Это в значительной степени подводит итог всего.

Я пристыженно киваю.

Мама ничего не говорит.

Вообще ничего.

Тишина такая оглушительная, что мне почти хочется проверить пульс; клянусь, я слышу тиканье часов где-то вдалеке.

Она молчит так долго, что я действительно начинаю беспокоиться.

— Мама, пожалуйста, скажи что-нибудь.

Ее рот открывается.

Закрывается.

Снова открывается, но она смотрит поверх моей головы и в окно позади меня.

— Даже не знаю, с чего начать, Джорджия. Я так... так... — Она что, сжимает кулаки? — Я не знаю, что сказать.

Мама сидит, такая тихая, какой я ее никогда не видела, и я молю бога, чтобы она что-нибудь сказала.

Что угодно.

Я бы даже смогла справиться с этим, если бы она начала кричать прямо сейчас или плакать, но то, что та вообще ничего не говорит, выводит меня из себя. Ведь знала же, что

это была ужасная идея, и знала, что не должна была говорить ей.

— Мама...

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? — Ее тон сдержан. — Ты действительно хочешь знать, о чем я сейчас думаю?

— Да! Да, пожалуйста.

— Хорошо. — Ее губы сжимаются в жесткую линию. — Я думаю, что... ты взрослая, и поэтому пришло время начать вести себя как взрослая.

Я в шоке.

— Я не знаю, что это должно означать.

Мама продолжает объяснять.

— Нужно поговорить об этом с твоим отцом, и он тоже будет разочарован, но я говорю за нас обоих, когда говорю... возможно, тебе пора двигаться дальше.

— Двигаться дальше?

— Да. Возможно, тебе пора выйти и расправить свои крылья. Ты поехала в Вегас, напилась и вышла замуж. И из того, что ты говоришь, вы не сделали аннулирование, что было бы ответственным поступком, как только вы вернулись в колледж, но вы этого не сделали. По какой бы то ни было причине ты тянешь время. Я не знаю почему, но в этом мальчике должно быть что-то такое, что тебе нравится настолько, чтобы не расставаться с ним.

Конечно, она абсолютно права. Но только потому, что я еще не расторгла брак, это не значит, что я привязана к Эшли каким-то образом, который заставил бы меня хотеть оставаться замужем за ним в двадцать два года. Не похоже, что я намеренно откладываю это, не так ли?

— Ты хочешь, чтобы я съехала?

Мама небрежно пожимает плечами... холодно. Выражение лица, которого я никогда раньше у нее не видела.

— Ты замужем. Тебе следует пойти и разобраться в своей жизни. У тебя где-то там есть муж, а ты сидишь в моей гостиной, страдая. — Она встает, вытирая руки о джинсы спереди. — Как насчет тридцати дней? Это то, что большинство домовладельцев дают своим арендаторам.

Арендаторы?

— Я не плачу арендную плату.

— Вот именно, — говорит мама, выходя из комнаты.

Я в растерянности.

Слишком ошеломлена, чтобы что-то сказать, пойти за ней и умолять ее простить меня. Мой подбородок начинает немного подрагивать. В задней части дома я слышу, как открывается дверь и позвякивают ключи — признак того, что мама ушла из дома.

Я помню, когда они с папой ссорились, мама брала машину и разъезжала по окрестностям, иногда останавливаясь в «Дейри Куин», чтобы купить мороженое. Потом сидела на парковке и смотрела вдаль, пока ее нервы не успокаивались, и я задаюсь вопросом, пойдет ли она туда сейчас.

Ладно. Мама определенно расскажет папе.

Они почти никогда не наказывали меня, когда я росла; у меня было достаточно ненависти к себе, чтобы делать эту работу за них. Разочарование моих родителей съело бы меня живьем, и с тех пор мало что изменилось.

Ташусь в свою спальню и плюхаюсь на кровать, сдерживая слезы, пока не остаюсь по-настоящему одна. Единственный человек, которому я хочу позвонить, крепко спит и находится на другом конце света.

Тебе следует пойти и разобраться в своей жизни.

У тебя где-то там есть муж.

Я должна разобраться с этим.

Прошло несколько месяцев со свадьбы, с тех пор, как мы собрали наши вещи и попрощались на ступеньках дома Эшли в колледже.

Месяцы с тех пор, как мы в последний раз занимались любовью и целовались.

Я едва знаю Эшли, но такое ощущение, что знаю его всю свою жизнь, и что я здесь делаю?

Я не могу позволить ему приехать сюда. Не могу просить его отказаться от своей работы или той роли, которую он играет в своей семье. Но также не могу позволить себе поехать туда — у меня нет денег на квартиру и явно нет перспектив трудоустройства в Англии.

«Но здесь у меня тоже ничего нет».

Слезы продолжают течь по моему лицу, подушка промокает, из носа начинает течь. Некоторое время спустя я слышу, как оба моих родителя возвращаются домой, а затем раздается стук в мою дверь.

Я вытираю нос рукавом пижамы и сажусь, когда входит папа, а мама прислоняется к дверному косяку.

Она больше не выглядит сердитой, просто... нечитаемой.

— Мама рассказала мне твои новости, — начинает он.

Я жду, пока тишина наполняет воздух.

— Мы действительно разочарованы, Джорджия Маргарет.

Разочарованы? Смелое преуменьшение, я уверена.

— Мы разочарованы тем фактом, что ты не сказала нам, и разочарованы тем, что ты была настолько глупа, чтобы так напиться в городе, где тебя могли похитить...

— Или убить, — добавляет мама с порога.

— Или убить. Мы могли не знать, кто знает, как долго, и ты никогда не упоминала о романтических отношениях с этим мальчиком — прости, с этим мужчиной, за которым ты замужем, — не говоря уже о том, чтобы привести его домой, чтобы познакомиться с нами. У тебя было достаточно возможностей.

Список правонарушений унизителен.

Я не могу сказать, закончил папа свою тираду или нет, поэтому держу рот на замке и продолжаю слушать, как они накручивают себя, а он расхаживает по моей крошечной комнате, дырявя ковер.

— Мы с твоей матерью поговорили, и она права — ты должна разобраться в своей жизни. Мы любим тебя, Лютик, но ты замужем. — Кажется, он давится этим словом, голос срывается. — Мы считаем, что тридцать дней — это справедливо.

Если меня не будет здесь через тридцать дней, Эшли ни за что не сможет приехать сюда. Не в этот дом, не для того, чтобы остаться, даже на ночь.

Какой беспорядок.

— Мы делаем это, потому что нам не все равно, милая, — говорит мама. — Ты не можешь прятаться здесь. Ты идешь на работу, возвращаешься домой и не выходишь из своей

комнаты — и я слышу тебя по телефону. Я слышу, как ты плачешь. — Она делает паузу. — Пришло время.

— «Сри или слезай с горшка» — вот что сказал мне дедушка Паркер, когда я окончил колледж. Принимай решение. Сорви пластырь.

Папа и дедушка любят метафоры.

Я слабо киваю, благодарная, что моя нижняя губа не дрожит, когда я говорю:

— Я понимаю.

Когда мама осторожно входит в мою комнату и подходит, чтобы сесть рядом со мной на кровать, обнимая меня одной рукой, папа присоединяется, садясь с другой стороны от меня.

— Ты поступишь правильно, — говорит он.

Мама целует меня в макушку.

— Аннулируй брак, милая, и двигайся дальше.

«Скажи мне, что ты на самом деле чувствуешь».

Эпилог

Эшли

Двадцать девять дней спустя...

— Джек, можешь открыть дверь?

Я прислушиваюсь к звуку его шагов, но их нет.

— Джек?

Я знаю, что брат здесь. Он заглянул в ванную сегодня утром, когда я был там, и спросил, не хочу ли кофе, пока он бегал по делам, но прошло уже несколько часов, и Джек давно должен был вернуться.

Я уже какое-то время сижу за его кухонным столом, бумажки из офиса распечатаны и разбросаны вместе с выборкой недвижимости по аренде жилья и квартир, обводя заинтересовавшие места.

Откладываю ручку в сторону, когда дверной молоток издает еще один металлический лязг.

Никаких признаков моего брата.

Отлично.

Я сам открою дверь, не то чтобы это было проблемой с самого начала, но это его квартира и, вероятно, его доставка — должно быть это так, поскольку мы не ожидаем гостей.

Вооруженный бюджетом, я искал собственное жилье, чтобы вырваться из-под контроля Джека — невозможно заниматься сексом по телефону со своей девушкой, спя на диване с моим проклятым братом в соседней комнате.

Его любимое занятие? Выскакивать из своей спальни абсолютно без предупреждения и пытаться поймать меня с рукой в штанах.

Нет, спасибо.

Я встаю из-за стола и шаркаю по дому. Гостиная, коридор, парадный вход, не проверяю, кто снаружи, прежде чем отпереть замок и распахнуть дверь.

Джорджия стоит на веранде.

Внизу на тротуаре стоит мой брат с тремя гигантскими чемоданами в руках и глупой

улыбкой, приклеенной к его лицу.

Джорджия.

Чемоданы.

Джорджия.

Чемоданы.

Мне требуется еще полсекунды, чтобы собраться с мыслями, я выхожу наружу, чтобы схватить ее в объятия и поднять.

— Я скучала по тебе, — говорит она, утыкаясь лицом в мою шею, целуя ниже уха.

— Я тоже скучал по тебе, — отвечаю, задыхаясь, эмоции, о которых я и не подозревал, поднимаются во мне. — Не могу поверить, что ты здесь. Я начинал раздражаться на Джека за то, что он не открыл дверь. Это было чертовски раздражающе. — Я целую ее в губы. — Не это ты.

— Я хотела сделать тебе сюрприз.

Небо темное и грозит дождем, поэтому я провожу ее внутрь.

— Заходи внутрь, давай... — Я бросаю взгляд на Джека, стоящего на тротуаре. — Я помогу ему, а ты входи. — Спускаясь по ступенькам, я обнимаю своего брата. — Ты задница! Как давно ты знал, что она приедет?

Он пожимает плечами, поднимая две сумки Джорджии.

— Пару недель. Держу пари, ей есть что тебе рассказать.

Я киваю, хватаю третий чемодан и прошу Джека подняться по лестнице первым.

Она точно не путешествует налегке.

Мы с братом заносим ее вещи внутрь, ставим все у двери. Когда я нахожу Джорджию, она сидит на диване без обуви и встает, когда я вхожу в комнату.

Я поворачиваюсь к своему брату.

— Приятель, мы можем ненадолго воспользоваться твоей комнатой?

Он хмыкает.

— Никакого секса.

Моя девушка смеется.

— Мы не собираемся трахаться, я тебе обещаю!

— Нет? — дразню я, прекрасно зная, что нам нужно поговорить. У меня в голове одновременно крутится миллион вопросов. И я очень сильно хочу поцеловать ее, но не на публике.

Вскоре мы устраиваемся на его кровати лицом друг к другу, держимся за руки и целуемся. Она обнимает меня за шею и наклоняется, прижимаясь своим лбом к моему.

— Я так сильно скучала по тебе. — Она вздыхает, в ее голосе слышны эмоции. — Не могу поверить, что я здесь.

Кстати, об этом...

— Что ты здесь делаешь, Джорджия? Не то чтобы я не был взволнован сюрпризом, но что-то случилось? Что происходит?

Девушка склоняет голову.

— Мои родители... черт. Не хочу выставлять их придурками, потому что это моя вина, но они фактически выгнали меня.

— Что? — восклицаю я. — Почему?

— Мы трое — ну, в основном мои родители — провели много самоанализа за последний месяц, и они действительно хотят, чтобы я нашла себя и поняла, чем хочу

заниматься. Они хотят... — Она прочищает горло. — Мне нужно повзростеть. Они «выгнали меня» из дома, типа как выпихнули меня из гнезда, чтобы я могла «лететь».

Джорджия использует воздушные кавычки.

— На самом деле это действительно неловко. Я рассказала им о нас.

Я чувствую, как мои глаза становятся шире от ее заявления.

— Рассказала?

— Да, и все прошло не так хорошо, как я надеялась. Или, может быть, все прошло именно так, как я и предполагала — не знаю. Это было ужасно, я была так смущена, все было так неловко.

— Что ты имеешь в виду?

— Они начали относиться ко мне по-другому — в основном мама. Папа делает то, что хочет мама, поэтому он просто избегал меня, настаивая на расторжении брака и подталкивая меня к поиску лучшей работы.

— Так вот почему ты притворялась, что того разговора между нами никогда не было?

Того, где я сказал, что перееду к ней на шесть месяцев, чтобы мы могли во всем разобраться.

— Да. После твоего звонка в тот день... в конце концов, я рассказала своим родителям, и вот тогда все пошло наперекосяк, и, честно говоря, Эшли... — Девушка опускает голову, избегая моего взгляда. — Я не могла просить тебя сделать это. Бросить все и приехать в Америку, когда я такая глупая и незрелая. Это было бы эгоистично. Все, что у тебя есть, находится здесь.

Вот тут она ошибается.

— Все, что у меня было, было в Штатах.

Она поднимает голову, чтобы посмотреть на меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты. Джорджия, мне насрать на работу, деньги и все остальное.

Моя девушка поднимает подбородок.

— Ни за что на свете я не собиралась просить тебя оставить свою работу, свою поддерживающую семью, свое наследие, приехать и поддержать меня за руку, пока у меня была голова в заднице. — Она гладит меня по щеке. — Но хорошая попытка.

Я выдыхаю.

— В любом случае, ты здесь.

— Я здесь.

Что вызывает вопрос:

— Как? Как ты здесь оказалась? Я очень рад, но...

Она же на мели.

— Я не горжусь этим, но... я смогла дозвониться до твоей матери и рассказала ей, что происходит. И рассказала о нашем с тобой разговоре. Потом о том, который был у меня с моими родителями. — Джорджия нервно заправляет выбившиеся волосы за уши. — Потом мы поговорили несколько дней спустя, потом еще раз. Твоя мама очень заботливая и стремится... сделать так, чтобы это сработало для нас любым возможным способом. Поэтому она доставила меня сюда самолетом. — На ее щеках появляется румянец. — Я уволилась с работы, собрала свои вещи и... вот я здесь, пока мы с этим не разберемся. На месяц, или на три, или на шесть. Сколько бы времени это ни заняло.

— А как насчет аннулирования брака — разве заявление не должно быть подано в

округе, где мы поженились?

— Да, но мы можем сделать все это онлайн, если это то, что мы решим сделать.

— Что ты хочешь сказать? Ты не уверена, что это то, чего ты хочешь?

— Я говорю... мы поспешили вступить в этот брак, потому что были пьяны, но, может быть, нам не нужно... торопиться расстаться с ним.

Я почти швыряю свою жену на кровать моего брата, она лежит спиной на матрасе, волосы теперь разметались веером по покрывалу. Наши рты встречаются, языки переплетаются впервые за миллион недель.

— Ты такая вкусная, — стону я, касаясь рукой ее груди через одежду.

Джорджия смеется.

— Нет, я на вкус как самолет и аэропорт.

— Ты не можешь быть на вкус как аэропорт. Нет такого вкуса.

— Ну, вряд ли он свежий и мятный. У Джека не было жвачки в машине, когда он заехал за мной.

Конечно нет. Мой брат чертовски аккуратен и не хотел бы, чтобы обертка от жевательной резинки валялась где попало.

Раздается стук в дверь, за которым следует дерзкое:

— У-у-у, детки, ваше время вышло!

Я стону.

— К концу сегодняшнего дня мы найдем новое место для жизни. Пошли.

Я встаю, беру ее за руку и веду на кухню.

Джорджия

Еще месяц спустя...

Мои пальцы порхают над клавиатурой моего ноутбука, и я останавливаюсь, чтобы посмотреть в окно, не видя ничего, кроме других одинаковых домов на улице, где мы сейчас живем.

Это невероятное место, недалеко от Джека — уровень оплаты намного выше того, что я смогу позволить себе в этой жизни, но это то, чего хотел Эшли, и кто я такая, чтобы возражать?

У меня есть офис. У нас есть столовая — она пуста, но это все равно столовая, — кабинет с телевизором, две спальни наверху и светлая и просторная кухня.

Я хорошо приспособилась и начала разговаривать со своими родителями — мы регулярно общаемся в видеочате, и они счастливы, зная, что я наконец-то стала более сосредоточенной.

Прямо сейчас я работаю на семью Драйден-Джонс, с кухней Эшли Эмили в отделе маркетинга. Я не решалась воспользоваться кумовством, но никто, казалось, не возражал, и все, казалось, ожидали этого.

Пока не найду работу своей мечты, я, по крайней мере, буду зарабатывать немного денег и вносить свой вклад в домашнее хозяйство.

А что касается нас с Эшли?

Что ж.

На данный момент мы просто парень и девушка, хотя юридически мы муж и жена.

Кольца убраны, но время от времени мне нравится доставать свое из сейфа и носить его, большой блестящий камень каждый раз заставляет мое сердце замирать.

Оно такое красивое.

Леди Тэлбот — мать Эшли — с другой стороны, любит называть меня своей невесткой, представлять меня своим друзьям и тому подобное, и хотя это не ложь, все равно это кажется странным. И неправильным.

Я все еще чувствую себя слишком молодой.

И тем не менее.

Мы с Эшли все еще женаты.

Я слышу, как открывается и закрывается дверь внизу. Потягиваюсь в своем рабочем кресле и улыбаюсь, когда мой парень вприпрыжку поднимается по лестнице.

Эшли бегал трусцой — сегодня у него игра с кучей его старых приятелей из школы-интерната, и он всегда тренируется. Они будут играть в регби в парке, том самом, по которому он бегаёт.

Это Гайд-парк, если вам интересно, и я все еще щиплю себя за то, что живу так близко.

Он целует меня в губы, и я чувствую привкус пота.

— Я собираюсь принять душ, а потом хочу...

Он в настроении для секса.

Я вижу это в его глазах, но опять же — когда это не так?

— Зачем ждать, пока ты примешь душ?

— Детка, я весь потный.

— И что?

Эшли тянет меня за руки, пока я не встаю, и я смеюсь, когда он начинает дергать за край моей старой, потрепанной спортивной футболки времен старшей школы.

Нежно тянет меня, пока мы не оказываемся в коридоре и в ванной, наклоняется, чтобы пустить воду в душе с прозрачными стеклянными стенами и белым кафелем.

Я стягиваю его шорты для бега.

Он спускает с меня штаны.

Я приподнимаю его майку.

Он стаскивает мои стринги.

Наши губы встречаются, и мы целуемся так, будто это в первый раз — каждый раз. У меня по спине пробегает дрожь в ту секунду, когда его губы касаются моих.

Я все еще вижу сны о нем.

И мое сердце все еще колотится, когда Эшли произносит мое имя, или когда я вижу его имя на своем телефоне. Или... или...

— Я скучал по тебе, — стонет он, когда я рукой ласкаю его член.

— Тебя не было всего час. — И у нас был секс перед тем, как он ушел. — Во сколько у тебя сегодня игра?

— В полдень.

Это через час.

— У нас полно времени.

Конец

В 1980-х гг. так стали называть молоденьких девушек из Южной Калифорнии, чья речь изобилует словами "типа" (like), "как бы" (as if) и супер! (super). Легкомысленные и пустоголовые, помешанные на покупках, местных парнях и бессмысленной болтовне в кафешках с подругами.

Джок-Роу: жилой квартал за пределами кампуса, где живут и веселятся студенты-спортсмены. Подобно греческому ряду, каждый вид спорта имеет свою собственную квартиру или дом.

Кокни — один из самых известных типов лондонского просторечия, назван по пренебрежительно-насмешливому прозвищу уроженцев Лондона из средних и низших слоев населения. В соответствии с поверьем, истинный кокни — это житель Лондона, родившийся в пределах слышимости звона колоколов церкви Сент-Мэри-ле-Боу.

Элиза Дулиттл, персонаж пьесы Бернарда Шоу, говорила на английском языке для бедняков. Профессор фонетики Генри Хиггинс взялся научить девушку языку аристократов, чтобы мисс Дулиттл по выговору не отличалась от представительниц высшего общества.

Кокблок — Cockblock (или блокирование члена) — жаргонный термин, обозначающий действие, преднамеренное или нет, которое мешает кому-либо заниматься сексом. Термин также используется для обозначения человека, который участвует в таком препятствовании или вмешательстве.

Мак-н-чиз — блюдо из отварных макарон в сливочно-сырном соусе с золотистой корочкой сверху. Традиционные макароны с сыром запекаются в печи. Сливочная основа — соус бешамель, в который добавляют чеддер.

Ball Park Francks — американский бренд хот-догов, произведенный компанией Tyson Foods и популяризированный в 1958 году «Детройт Тайгерс» (американская профессиональная бейсбольная команда, базирующаяся в Детройте) Высшей бейсбольной лиги. Ball Park Frank — самый потребляемый хот-догов в Америке с 94,9 миллионами потребителей в 2017 году.

Wieners — в переводе сосиски, но также можно перевести как пенис, половой член, особенно в расслабленном состоянии.

The Home Depot — Американская торговая сеть, являющаяся крупнейшей на планете по продаже инструментов для ремонта и стройматериалов.

Thongs — в переводе стринги, но можно перевести как резиновые шлепанцы с ремешком между большим и вторым пальцами ноги («вьетнамки»).

Имеется в виду созвучие слов Wanker (оболтус) и Wiener (сососка).

Отсылка к официальному прозвищу штата Джорджия — «персиковый штат», поскольку штат является национальным лидером по поставкам персиков. Так же этим термином называют девушку, у которой милое личико и красивое тело.

Пепе Ле Пью — анимационный персонаж студии Warner Bros. Серия мультфильмов Looney Tunes и Merrie Melodies. Изображенный в виде французского полосатого скунса, Пепе постоянно находится в поисках любви. Однако его отвратительный запах и агрессивное стремление к романтике обычно заставляют других персонажей убежать от него.

Tit — можно перевести как дурак, глупый человек, а можно как женская грудь, сосок.

Rat-arsed — в переводе напиваться в стельку, вдрызг, но дословный перевод «крысиная задница».

Дебби Даунер — вымышленный персонаж «Субботним вечером в прямом эфире», дебютировавший в 2004 году. Благодаря популярности персонажа имя Дебби Даунер в конечном итоге стало устоявшимся жаргонным выражением, обозначающим пессимистичного человека, который часто добавляет плохие новости и негативные чувства к собранию, тем самым ухудшая настроение всех окружающих.

Игры горцев (англ. Highland games, скотс. Hieland gemmes) — культурное событие, проводимое в течение года в Шотландии, Канаде, США и других странах, как способ празднования шотландской культуры, а в особенности той, которая относится к Хайленду. В играх принимают участие оркестры волынщиков, танцоры хайланда, участники спортивных мероприятий, а также проводятся разнообразные выставки, связанные с другими аспектами шотландской и гэльской культур.

Snog — в переводе страстный поцелуй.